

№ 5 (24) 1991

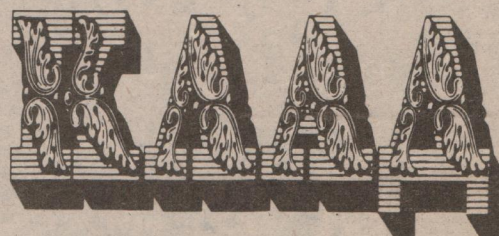
Цена 2 руб.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЕЖЕМЕСЯЧНИК МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

КТО НАЙДЕТ

Судя по архиву известного историка И. Я. Стеллецкого, этот и некоторые другие клады до сих пор не найдены. Где их искать? Читайте на с. 16.

СТЕПАНА РАЗИНА?

Тайна семьи
Керенских
с. 18

«Я сжег
Адольфа
Гитлера...»
с. 13

Одна ночь
без ведьм
с. 29

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУ- НАРОДНОЙ ПРЕМИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» ЗА 1990 ГОД

Николас БЕТЕЛЛ
(Великобритания) —
за книгу
«Последняя тайна»

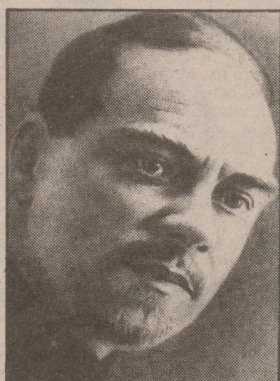
Курт ВОННЕГУТ (США) —
за роман
«Порождение тьмы ночной»

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ (СССР) —
за статью
«Кто прицелился в соседа,
выстрелит в собственного ребенка»

Фазиль ИСКАНДЕР (СССР) —
за эссе
«Ценность человеческой личности»

Хуан МАДРИД (Испания) —
за роман
«Подарок фирмы»

Иржи ПРОХАЗКА (Чехо-Словакия) —
за роман
«Возвращение к Лисьей норе»
(«Последнее дело майора Земана»)

Александр
БОГДАНОВ

Вошедший в учебники термин «военный коммунизм» впервые употребил в 1917 году ученый-энциклопедист, видный русский философ, социолог, врач и политик, активный сподвижник Ленина в 1904—1907 годах Александрович Богданов (Малиновский) (1873—1928).

Кто такой Александр Богданов, имя которого все больше привлекает внимание как у нас в стране, так и за рубежом? Вот что пишет современник после его смерти в апреле 1928 года (в результате неудачного эксперимента по переливанию крови, поставленного А. А. Богдановым на себе¹): «С виду, по первому впечатлению, это был, как казалось, обыкновенный человек: умный, мягкий, чуткий, хороший, очень культурный... Что же было особенно замечательно в складе ума и психики покойного Богданова? Не то ли, что он был разносторонне образованным европейцем, и не просто образованным, а прямо-таки выдающимся по своему образованию человеком? Это, конечно, не частое явление...» Интересен также некролог, написанный другим современником А. А. Богданова — Ст. Кривцовым, близко знавшим Александра Александровича по совместной деятельности в Пролеткульте, который Богданов идейно возглавлял в 1918—1921 годах: «Революция 1917 года застала его (Богданова. — П.П.) в Москве, где он жил как военный врач (мобилизованный), вернувшись по амнистии 1913 года в Россию. Первоначально Богданов пытается сотрудничать в московском большевистском органе «Социал-Демократ» (ст. «Борьба за мир»), но с новой установкой большевизма, связанной с приездом Ленина, он никак согласиться не мог и работал в культурно-просветительских органах Московских Советов Рабочих и Солдатских Депутатов (первоначально они существовали, как известно, в Москве раздельно). Принимал он также участие в газете Горького «Новая Жизнь», органе интернационалистов». И далее: «...Он рассматривал нашу ноябрьскую революцию только как революцию ликвидационную, причем ее социальный характер был, по Б., буржуазный, так как основной движущей и определяющей силой было крестьянство (армия), по отсталости которой и вынужден был равняться пролетариат... Богданов считал, что и Запад не готов к социалистической революции, — вспоминает Кривцов. — Я помню его спор с Мартовым после ноябрьской революции 1918 года в Германии, которую Мартов считал уже социалистической, а Богданов только типично-ликвидационной. После войны ему мысленно мирный сверхимпериализм, причем во главе власти должен стать новый класс — класс технической интеллигенции... По Богданову, в это время должна была совершиться социалистическая революция сознания пролетариата и тем его подготовить к экономической социалистической революции».

14 сентября 1922 года на заседании Социалистической Академии, членом которой Александр Александрович являлся со времени ее основания в 1918 году, в заключительном слове к своему докладу «Версальское устройство» Богданов заметил: «Товарищи, в декабре 17-го года я делал публичный доклад, где я говорил, что у нас военный коммунизм. Это было напечатано в январе 18-го года. Но в официальной литературе это было сказано в апреле 21-го года». Указывая на январь 1918 года, А. А. Богданов имеет в виду свою статью «Судьбы рабочей партии в нынешней революции», опубликованную в двух номерах (26—27 января) социал-демократической газеты «Новая Жизнь». Наша публикация — первая с 1918 года — собрана из двух номеров.

В настоящее время объединение «Моссорархив» готовит обширное издание редких и архивных произведений А. А. Богданова.

¹ А. А. Богданов является основателем и первым директором (1926—1928) Института переливания крови.

Не плакать, не смеяться...
а понимать.

Спиноза

Среди хаотического потока событий, среди бешеного вихря страстей нелегко исполнять завет Великого учителя. Но для меня, беспартийного социалиста, работника науки и культуры, это все же должно быть менее трудно, чем для политических деятелей, увлеченных борьбой. И я постараюсь как можно объективнее выполнить свою задачу: понять нынешние судьбы рабочей партии, как необходимый результат определенных исторических условий, и сделать вероятные выводы о будущем.

Судьбы эти беспримерно своеобразны — как и весь вообще ход нашей революции. Причина — ее необыкновенная обстановка: мировой военной кризис. Именно это сделало революцию 1917 года столь непохожей на 1905 года, хотя движущие классовые силы в обоих случаях одни и те же: пролетариат и крестьянство. Война не только создала исключительные, небывалые условия для действия этих сил, но также изменила значительно их свойства. Это изменение символизируется в солдатской форме, облакающей наиболее активную в революции, до сих пор решающую во всех ее этапах часть крестьянства. Будущий историк охарактеризует нынешнюю революцию как — в деревне — крестьянскую, в городах — рабоче-солдатскую, и притом солдатскую по преимуществу.

Основная черта обстановки — это гигантская экономическая разруха, охватившая все воюющие и даже частью нейтральные страны, а в нашей отсталой России достигшая наивысшей степени. Описывать ее вам, конечно, нет надобности. Но следует отметить один момент, который особенно содействовал ее развитию за время революции: малокультурность решительно всех слоев русского общества. В ходе революции различные социальные группы, выступая одни за другими, как это всегда бывает, вели борьбу за свои особые интересы, экономически профессиональные и политические; и вот у нас они вели ее все время такими методами, которые в наибольшей возможной степени усиливали общую разруху. В этом все как бы соперничали между собою.

О кадетях, вообще буржуазии, тут и говорить нечего: они именно на разрухе строили и строят весь свой план одоления революции, чего и сами почти не скрывали. Они шли, напр., после корниловщины во Временное правительство с определенной целью сделать его недееспособным, ставя задержку необходимых реформ условием своего участия; они применяли явные и скрытые локауты и проч. Среди рабочего класса также трудно указать профессию, которая бы не устроила своей, более или менее длительной, общей забастовки; и некоторые из них, несомненно, были вызваны в значительной мере стремлением показать свою силу — как забастовка железнодорожников, против которой высказывались даже большевики. Налицо имелись условия, исключительно благоприятные для мирного давления пролетариата на капитал: могучие классовые организации — Советы, революционная атмосфера, возможность для большинства капиталистов перекладывать тяжесть своих уступок на потребителей, и главным образом на казну; вероятно, большая часть общих забастовок по профессиям могла бы быть избегнута, если бы имелось больше опыта и навыка в культурном улаживании дела, путем выяснения сил и соглашения. Со стороны крестьянства чего же было и ожидать: мы знаем, сколько лишнего разрушения произвело оно, выполняя свою жизненную задачу — дело захвата земли.

Сама интеллигенция, «носителница культуры», показала себя не лучше других, как это мы видим теперь, в общих забастовках чиновников, городских служащих, учителей и др. Она ведет борьбу против непризнанного ею правительства по способу того извозчика, который, рассердившись на своего коллегу, хлещет кнутом его пассажиров.

Все работают — увы! — в одном направлении...

Мировая война изменила и самое строение общества, а с ним — природу

общественных сил. Это произошло путем колоссального развития военного коммунизма.

Армия вообще есть огромная потребительная коммуна, живущая за счет государства, т.е. остального общества. Теперь она увеличилась во много раз и охватила не маленькую, как прежде, а значительную часть общества, у нас, напр., миллионов 12—15, если не больше. При этом семьи солдат получают от государства паек не как вознаграждение за труд, а как средство существования, т.е. опять-таки по принципу потребительного коммунизма. Недостаток продуктов приводит затем к регулированию всего общественного потребления — к карточной системе: это дальнейший шаг военно-потребительного коммунизма, лишь в смягченной форме. Регулирование потребления вынуждает и определяет собою регулирование сбыта, затем и производства. Весь государственный капитализм Германии и др. стран есть не что иное, как результат внедрения военного коммунизма в новейшую капиталистическую систему, помесь этих двух типов. Этого не поняли до сих пор экономисты благодаря тому, что им чужды идея и метод организационного анализа форм.

Итак, вот социальная обстановка, в которой оказалась к началу революции наша рабочая партия или, вернее, существовавшие тогда ее зародыши. В ней имелось два крыла, левое и правое, большевизм и меньшевизм. Революция толкнула рабочие массы к левому крылу — и большевизм стал быстро превращаться в единственную фактически рабочую партию. Меньшевистское же кры-

ло все более сводилось к организации скорее интеллигентской, чем рабочей.

Но — здесь начинается замечательный исторический парадокс — большевизму не суждено было сделаться действительно рабочей партией; и это именно потому, что он разросся далеко за пределы рабочего класса. В него втянулись солдатские массы.

Благодаря войне часть населения, главным образом крестьянского, оторвавшись от производства и живя в условиях потребительного военного коммунизма, образовала особую социальную группу, солдатскую, — группу хотя и временного характера, но с довольно определенными интересами. Революция разорвала тяготевшие над этой массой цепи старой, авторитарной дисциплины и сделала ее из слепого исполнителя воли господствующих классов отдельным политическим фактором, самым могущественным из всех, имевшихся налицо.

Основным жизненным интересом этой группы общества был мир. Но он же был и основным жизненным интересом всей страны: затяжка войны означала для России неотвратимую экономическую и культурную гибель.

Между тем единственной решительной партией мира была большевистская, потому что рабочий класс по самой своей природе, как производитель, есть враг войны, истребления рабочих сил и продуктов труда. Солдатские массы, не привыкшие к самостоятельной политической жизни, неспособные, по уровню развития, руководить собою, искали политического пристанища и, естественно, нашли его в партии мира, в большевизме. Они и влились в него; при этом,

однако, отнюдь не растворялись в рабочей массе, от которой резко отделены своими жизненными условиями.

Так, большевизм стал не рабочей, а рабоче-солдатской партией.

Поразительны легкость и быстрота, с которой произошло это объединение.

Условия военного коммунизма придали новые свойства солдатской психике, но не могли, конечно, за относительно короткое время изменить ее коренной уклад, ее истинные и постоянные основы, которые остались крестьянскими, «мелкобуржуазными». Новая идеология могла тут развиваться и укрепляться лишь постольку, поскольку она совместима с этими основами. Напр., если военно-коммунистические формы жизни порождали массовый уклон к «социализму», то лишь в таком его понимании, какое соответствует мелкобуржуазному способу мышления, — к «социализму» дележа или поровнения.

С другой стороны, и наш пролетариат, по своей исторической отсталости, сохранил очень многое от мелкобуржуазной природы тех классов, из которых произошел.

Все это уменьшало расстояние между обеими революционными силами, и объединение произошло за каких-нибудь несколько месяцев. Характерно, что почти повсюду сливались Советы Рабочих и Советы Солдатских Депутатов, но почти нигде — Солдатских и Крестьянских...

Затяжная война угрожала России гибелью... Спасение — если еще оно вообще возможно — заключалось в немедленном мире. Но только рабоче-солдатская партия способна была реши-

тельно, ни перед чем не останавливаясь, приступить к заключению мира. Отсюда — историческая необходимость захвата власти большевиками.

Большевиков обвиняют в восстании «накануне Учредительного Собрания». С объективно-исторической точки зрения такие обвинения не имеют смысла. Гибельная затяжка войны создавала все возрастающую неустойчивость всех общественных отношений, а солдатскую массу превращала во взрывчатый материал. Момент взрыва определялся стихийными силами этой массы, а не чьей-либо злой волей; заговоры могли только оформить взрыв, а не вызвать, и даже не ускорить его. Нельзя обвинять взрыв, что он произошел тогда-то, а не подождал того-то.

И надо иметь в виду еще вот что. Если бы Учредительное Собрание успело собраться раньше взрыва, оно бы его не предотвратило. По составу оно было бы правее нынешнего и в вопросе о мире, конечно, не было бы способно действовать так, как рабоче-солдатская партия. Продолжение войны, усиление разрухи все равно вызвало бы взрыв — но тогда Учредительное Собрание было бы им сметено. Если оно теперь успеет и что-нибудь сможет сделать, то известная доля заслуги в этом — без сомнения, совершенно невольной — будет принадлежать большевикам?

Итак, большевики — рабоче-солдатская партия. Но это уже не рабочая партия. Она состоит из двух разнородных классовых отрядов, различного типа и уровня культуры. Какой же из них обоих

является определяющим для политической позиции целого, для его программы, тактики, методов? Это легко установить теоретически, а также выяснить фактически. Результат получается один.

Общая организационная теория пока еще только создается; но в ней уже есть выводы, которые можно считать несомненными. Один из них таков: если целое составлено из разнородных частей, выше и ниже организованных, то практически оно определяется частью ниже организованной. В механике это будет часть менее прочная, в социальной жизни — более отсталая и т.п. Напр., прочность цепи определяется не наиболее крепким, а наиболее слабым звеном. Если отряд состоит из пехоты, кавалерии, артиллерии, то в смысле скорости ниже всех стоит пехота: от нее и зависит общая скорость отряда. В смысле выбора дороги наименее приспособленной является артиллерия — именно ею и определяется выбор дороги.

В рабоче-солдатской партии крыло более отсталое, политически ниже организованное — это солдатское. Поэтому рабочее крыло и должно приспособляться к его уровню, точке зрения, методам. В политике рабоче-солдатская партия есть на деле — просто солдатская. Так это все время и наблюдается.

Мир — только первое условие спасения России и революции, если это спасение еще возможно. Другое, не менее необходимое условие — широкое экономическое и культурное строительство. Эта задача и встала перед большевиками после захвата власти. Но для такого строительства партия солдатская мало пригодна по самой своей природе. Ее методы тут недостаточны и частью прямо не подходят.

² Статья написана до роспуска Учредительного Собрания. Ред. [«Новой Жизни»].

С точки зрения рабочей, задача социальная, политическая есть вопрос прежде всего труда и умения, т.е. планомерных усилий, основанных на деловом, на организационном опыте; с точки зрения солдатской, это вопрос ударной силы, вопрос механической победы. Социализм рабочих есть в основе своей коллективизм производства; социализм же солдатской партии есть идейное отражение того военного коммунизма, в котором живет солдатская масса, т.е. это прежде всего и главным образом коммунизм потребления. Эти коренные черты выступают в массе фактов и объясняют очень многое в кажущихся странностях и противоречиях политики момента.

Это относится к ее общему характеру, это ясно в ее частностях. Планомерности политики для рабочей партии заключалась бы в том, чтобы точно учесть свои силы, именно силы организаторские, и с ними, выполняя свою программу, соразмерять задачи, не усложняя этих задач без надобности, чтобы сил хватило. Не такова планомерность ударно-солдатская: для нее первая заповедь — наступать, пока возможно, разрушать без остановки позиции противника, врываться в его расположение глубже и глубже, чтобы бить со всех сторон. Но дело идет не об окопах и редютах, а об исторически выработанном организационном аппарате жизни; и тут ударная тактика приводит к непрерывному усложнению задач проводящей ее партии, к усложнению далеко за пределы ее сил. Яркие примеры — история с банками, с судами.

Банковская система есть организация гигантской сложности, вряд ли найдется экономист или финансист, который имел бы право похвалиться полным ее знанием. Такой аппарат, сначала в виде Государственного Банка, попал в руки партии, в рядах которой вряд ли найдется хоть один в научном смысле специалист этого дела и едва ли сотня практически сколько-нибудь серьезно не работавших. В Москве во время восстания 1905 года дружинникам случилось захватить скорострельное орудие, из которого они, конечно, стрелять не умели. Они его повертели и бросили. А здесь, захватив орудие несравненно более сложное и, пожалуй, самим захватившими еще менее известное, его не бросили, а начали им орудовать. Понятно, что оно действовало нехорошо, даже к их собственному вреду и, что много хуже, ко вреду для всего экономического механизма. Всем известны, напр., московские приключения в ноябре с Государственным Банком и ограничениям выданных в частных банках: тогда, разрешив выдачу заработка рабочим, сначала даже упустили из виду разрешить выдачи на покупку материалов и вообще на самую технику производства, а затем опустошение касс, несмотря на все запреты, пошло с огромной скоростью. В том же роде шли дела в Петербурге и других местах.

Эти неудачи, однако, не только не остановили наступления, а, по-видимому, напротив, послужили ускорением мотивом для него. Последовал штурм частных банков в виде их «национализации». Пока что она сводится к «национализации» директоров и стальных ящиков, со взломом и без оного, к прекращению реальной работы банков и бесконечным хвостам у их комиссаров, не считая намечающихся международных осложнений.

Согласно декрету национализировались актив и пассив всех банков; но это легко только сказать. Самая формулировка уже указывает на крайне смутное понимание этих категорий. Пассив вовсе не есть просто сумма вкладов и вообще средств, предоставленных в распоряжение банка; это нечто гораздо большее, а именно — составленная из бесчисленных связей сеть капиталистического доверия, по нитям которой разрозненные частицы капитала стягиваются, чтобы объединиться в могучую движущую силу капиталистического производства. Актив также отнюдь не только сумма долгов разных лиц и предприятий банку; это — сеть связей, по нитям которой сила кредитного капитала распределяется в системе производства, на основе годовых происходившего учета прочности и прибыльности разных предприятий, их жизнеспособности и способности к развитию. Захватить наличные средства и долговые обязательства вовсе не значит овладеть той и другой системой

связей. Напротив, это, всего вероятнее, разрушение той и другой: связи доверия захватить силой нельзя; и нельзя этим способом удержать планомерность операций, основанных на учете и оценке жизнеспособности предприятий; национализация могла бы решить эту задачу только в том случае, если бы в руках государства уже имелось готовое общее регулирование всего производства и торговли в стране. Но его еще нет, к нему еще только собираются приступать.

С судебными учреждениями большевики взяли на себя не менее непосильное бремя. Не без основания полагая, что в судах укрепились их противники, они сделали чисто солдатский вывод: разрушить эти укрепления. С рабочей, или, что то же, организационно-деловой точки зрения, им нужно было совсем иное: овладеть этим аппаратом и использовать его. Надо было сменить руководителей, дополнять или заменять, в чем потребуются, ряд старых законов своими новыми; если желательна расправа с политическими противниками, тогда прибавить к старому аппарату специальные трибуналы, хотя бы вооруженные гильотиной, — и только. Взамен того они до основания разрушают храм сей и обязуются в три дня построить его заново. Но за такой срок не только храма, а, пожалуй, и шалаша хорошего построить нельзя; вместо правосудия получается лишь огромное расточение сил, при остром их недостатке.

Так бессознательно увеличивают они, сверх надобности и возможности, свое бремя, имея поистине «проклятое наследство» задач, не разрешенных предшественниками, и чудовищную, роковую задачу демобилизации.

 тик — не орудие творчества, а широта размаха не делает его таковым.

С той же, солдатской точки зрения, решались, как это ни странно, и такие вопросы, как рабочий контроль над производством.

Согласно декрету Ленина от 14 ноября фабрично-заводским комитетам поручается контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, над хранением их и над финансами предприятия. Вопросы о расширении или сокращении производства предполагают знание и точный учет условий рынка, часто не только местного, но мирового; вопросы финансирования — знание, учет отношений и связей кредита. Никогда еще рабочим передовых стран не приходило и в голову ставить текущему составу рабочих каждого предприятия такие явно непосильные задачи.

В этой их постановке есть и неожиданная реакционность: разбивается сплоченность рабочего класса. Контроль над всем сбытом и финансированием переносит на фабрично-заводские комитеты всю конкуренцию, всю борьбу предприятий за рынок, за цены и кредит. Каждый такой комитет вынужден бороться за интересы своего предприятия, своего наличного рабочего состава, против чужих предприятий...

Теперь начинается промышленная демобилизация, массу предприятий надо закрывать или сокращать. Что скажут их комитеты, обремененные правами контроля? И во что обращаются эти права? В чем же дело? В том, что декрет о рабочем контроле дал просто копию с контроля солдатских комитетов над ротным, над полковым хозяйством. Но то хозяйство потребительное; в нем вопросы приобретения, финансирования неизмеримо проще, чем в производящем на рынок предприятии: все сводится к ассигновкам, к доставке продуктов из интендантства и их проверке и т.п. Это — условия военно-потребительного коммунизма; к ним, а не к задачам пролетарско-производительного социализма и оказался приспособлен план рабочего контроля.

На практике первые же шаги рабочего контроля вызвали, конечно, бегство капиталистов и инженеров, расстройство и закрытие предприятий. И вот теперь план его уже радикально перестраивается. Соединение центральных рабочих организаций выработало инструкцию, в корне несогласную с декретом. Все вопросы снабжения, сбыта и финансирования предприятий оно передает общегосударственным регулирующим центрам,

т.е. идет в направлении государственного капитализма. А фабрично-заводским комитетам оно предоставляет контроль внутренней жизни предприятия. Очевидно, на деле выяснилось, что промышленное предприятие не совсем то, что рота или полк.

Наиболее рельефно противоположность военно-коммунистической точки зрения с рабочей-социалистической выступает в отношении нынешнего большевизма к технически-трудовой интеллигенции, особенно к двум ее разновидностям — чиновничеству и офицерству.

Как известно, Совет Нар[одных] Комиссаров постановил, что плата чиновникам, в том числе и самим комиссарам-министрам, должна быть не выше «зарботной платы обученного рабочего», и пока определил ее максимум в 500 рублей за месяц.

Согласно учению Маркса стоимость рабочей силы определяется уровнем нормальных потребностей работника, удовлетворение которых дает ему полную трудоспособность. Именно поэтому плата обученного рабочего выше платы чернорабочего. Но очевидно, что по той же самой причине плата еще более обученного интеллигента-организатора, выполняющего гораздо более сложный и интенсивный труд ответственного администратора, профессора, старшего инженера, ученого специалиста, офицера, должна быть еще выше. Иначе нет никакой работоспособности, и для дела получается ущерб, во много раз иногда неизмеримо превосходящий выгоду от сбережения платы. Это — азбука экономической науки.

Наглядный пример — те же народные комиссары. От их работы зависит судьба ста миллионов людей. Ясно, что при такой ответственности необходимо полное освобождение от материальных забот. Эти заботы, угнетающие психику, разбивая внимание, всего более понижают организаторскую, творческую и критическую работоспособность. Но ясно, что жалованье в 500 нынешних рублей, т.е. 60—70 рублей довоенных, отнюдь не избавляет от материальных забот. Предположим, что комиссар финансов, подавляемей неотвязной мыслью о болезнях жены, которая простудилась за отсутствием крепких ботинок, стоящих полтора рубля, делает невольный, но важный промах в декрете о национализации банков или взимании налогов — и государство несет убыток в десятки миллионов рублей. Комиссар иностранных дел, страдающий отсутствием теплого пальто и иных жизненных неудобств, не обладая благодаря этому всей ясностью и силой мысли, совершает неудачный шаг, затягивающий войну на месяц или приводящий к прямой потере территории: убытки в миллиарды. Такова «коммунистическая» бережливость.

В чем же дело? Народные комиссары, вероятно, знают азбуку экономической науки и сами предпочитают бы держаться рабочей, организационно-деловой точки зрения. Но вожди солдатской партии должны подчиняться солдатской идеологии. А ей чужды интересы организаторского дела, но она твердо знает принцип равного пайка. В формуле говорится о плате рабочего, в ее идее нет ничего пролетарски-социалистического.

Отношение к офицерству столь же примитивно. Что представляет ротный, полковой командир? Это, во-первых, боевой начальник, с широкими правами и огромной ответственностью; во-вторых, организатор обширного хозяйства на сотни и тысячи человек. Кого, при выборности командиров, склонна будет, вообще говоря, избирать солдатская масса? Лучших агитаторов, умеющих понять ее, уловить ее настроение. Но можно считать несомненным, что агитатор, чуткий к массовым эмоциям, нервно возбудимый и малоуравновешенный, есть психический тип, противоположный хорошему стратегу и организатору, человеку знания, хладнокровия и расчета.

Очевидно, сознание этого неудобства вызвало оригинальный проект, напечатанный в «Социал-Демократе» (от 2 декабря). Предлагается к выборному солдату-командиру, если у него нет надлежащих знаний, присоединять наемного инструктора из бывших офицеров. Это — копия с того порядка, который европейцы заводили в Индии, Персии, Африке в сферах своего влияния: туземный царек, или князек, или министр и

при нем секретарь из европейцев. В данном применении план, однако, никуда не годится: платить двоим вместо одного; а дисциплины, очевидно, никакой не будет: одного не станут слушаться потому, что он — не понимающий, другого — потому что не выбранный.

В нынешних условиях не могут принести большой пользы призывы, напр., комиссара Луначарского к интеллигенции, чтобы она не покидала постов, шла служить творческим усилиям новой власти. Общая политика правительства такова, что неизбежно ведет к уходу интеллигенции, по мере имеющихся у нее возможностей. Чем можно вернее разогнать квалифицированные интеллигентские силы, напр., инженеров, как перспективой «зарботка не выше обученного рабочего»? А ведь эта формула, если еще не распространена на них, то, логически очевидно, должна быть распространена в ближайшем будущем. Или, положим, перевод офицеров на положение «подназорных нищих» — характеристика, правильность которой признана московскими «Известиями Совета». Что такое нынешнее офицерство? Кадровые остатки мало, подавляющее большинство из прапорщиков запаса, т.е. разного рода интеллигенции, подневольно забранной на войну. Если бы их отпустили хотя бы домой, они были бы гораздо менее враждебны господствующей партии, а в то же время вели бы и культурную работу, хотя бы для заработка. Но их не отпускают, а держат в мучительно-фальшивом положении, лишив и прежних материальных средств. Это — несомненное расточение сил, которое не может быть оправдано с организационно-деловой точки зрения, но объясняется психологией солдатской массы, сводящей старые счесть с барами.

Иллюстрации легко продолжать без конца; почти в любом декрете можно показать ту же общую логику. Сама вера в декрет есть, в сущности, перенесение на социальную жизнь идеи приказа, который в солдатской жизни действительно все определял и все мог. В общеэкономической и культурной жизни это далеко не так.

Разрыв с рабочим социализмом ярко выражается в том, что самый идеал социализма теперь обычно определяется большевиками как «пролетарско-крестьянский». Раньше ученики Маркса и Энгельса никогда не помышляли о таком идеале.

Мы приходим к печальному, но несомненному выводу: рабочей социалистической партии в России теперь нет. Есть партия военно-коммунистическая, ведущая за собою рабочий класс, и есть группы социалистической интеллигенции. Война на практике сделала армией целью, рабочий класс — средством; наша революция отразила этот факт и в политическом соотношении обеих сил. Иначе быть не могло. Но война не вечна, и этому положению предвидится конец. Что же тогда?

Очевидно, что если промышленность у нас не погибнет окончательно и рабочий класс не деградирует, то он вновь будет иметь свою собственную партию. Понятно, каким путем она образуется: путем разъединения двух частей большевизма, пролетарско-социалистической и солдатско-коммунистической. Что их связывает? Дело мира и гражданская война — но и та лишь постольку, поскольку она есть борьба за мир, против его противников. В остальном эти два крыла должны расходиться все далее и далее.

Когда дело мира будет завершено, и может быть и еще раньше, если ничто не будет особенно ему угрожать, произойдет разделение большевизма, и его рабоче-крестьянская партия рабочей партии. Тогда к нему примкнут и идейно успешные элементы социал-демократической интеллигенции, а также и те — едва ли их будет много, — которые, пройдя через блуждания оборончества и военного коммунизма, окажутся еще в силах выбраться из них, на путь старого идеала.

Можно только пожелать, чтобы это случилось как можно скорее и произошло как можно более мирным путем. Есть тревожные признаки, заставляющие опасаться противоположного.

ВЕРСИЯ

АIDS

СПИД ДЛЯ МЕНЯ НЕ СТРАШНЕЕ ГРИППА

Ему 42 года. Москвич, по профессии — учитель истории. Несколько лет был корреспондентом «Известий», написал и выпустил пять книг по педагогике. Знаю его давно, еще с тех пор, как он был учителем истории в школе. И вдруг, узнаю, он бросает все и появляется на небосклоне нетрадиционной медицины. И сразу же, без долгих колебаний и сомнений, делает сенсационное заявление. Попытаемся понять его суть...

— Валерий, ты утверждаешь, что благодаря твоей теории найдена чуть ли не панацея от всех болезней, во всяком случае, что ты владеешь способом ликвидации СПИДа, рака...

— Утверждаю не я, а факты непроизвольного самоисцеления. Факты старые, неосмысленные, необъяснимые, от которых отмахиваются так называемые специалисты. Один из них, американский спид-лог К. Раевски, в 1987 году поведал миру странную историю с донором, сдававшим кровь в апреле и августе 1985-го. Оба раза донор проходил обследование, и оба раза ВИЧ у него отсутствовал. Когда же он стал сдавать кровь в ноябре — у него обнаружили вирус СПИДа. Бросились проверять его реципиентов. У двоих, получивших кровь в апреле, — ничего. У двоих же, получивших в августе, — тоже СПИД. Почему? Не исключено, объяснял Раевски, что донор был инфицирован за 12 недель до второй сдачи крови при гомосексуальном контакте в мае... Наши специалисты недолго думая переписывают это «объяснение» в свои книжки, повторяя, что вирус проявляет себя не сразу. Но между маем и августом, как и между августом и ноябрем, прошло по три месяца. Однако в августе ВИЧ себя никак не проявил, а вот в ноябре сразил сразу трех человек...

И с контактами, приводящими к заражению, тоже какие-то странности. Так, 1 декабря прошлого года «Комсомольская правда» опубликовала очерк о 26-летнем гомосексуалисте Сергее, решившемся на самоубийство, поскольку у него обнаружили антитела к ВИЧ после пребывания в Боткинской больнице. Перед покушением Сергей благородно предупредил партнеров. Те проверились и ... «все трое оказались чистыми» почему-то... Рядом другая заметочка о роддоме, где принимают роды у женщин, пораженных СПИДом. Медработники там «ни резались, и кровь попадала в глаза. Один раз даже игла из вены больной попала в руку медсестре... Пронесло». Почему «пронесло»? Нет ответа. Даже и вопроса нет.

— А у тебя есть ответ?

— Есть. Но вначале еще несколько примеров. Для полноты картины и для системности доказательств, которые надо рассматривать все сразу, в комплексе. 25 мая 1987 года газета «Тайм» сообщила, что филиппинская девушка Сусанна Пелерьян, работавшая в Японии медсестрой, обратилась в суд с иском на правительство за клевету, требовала возмещения ущерба в размере миллиона долларов за то, что ее депортировали из Японии как вирусносителя СПИДа — потому что тщательное обследование в частной клинике на Филиппинах дало отрицательные результаты... Также ведь странность, согласитесь. Но теперь уже связанная не со временем заражения, а с перемещением в пространстве.

Подобную же «странность» описывает невольно О. Мороз в брошюре «Группа риска» (М., 1990. С. 78): «У Кеннета М., иностранного студента, обнаружили вирус. Выслали из страны. Через две недели он звонит Покровскому из Парижа и заявляет ему: его проверяли в одной из лучших парижских лабораторий, наличие вируса не подтвердилось.

— Друг мой, не надо лгать, — говорит Покровский. Они с Кеннетом на «ты»: он долго у них лежал. — Мы проверили женщину, у которой ты был единственным партнером. У нее тоже вирус.

Какое-то время Кеннет молчит в замешательстве. — Ты извини... — говорит после. — Я как раз хотел отвлечь от нас ваше внимание.

— Она сама к нам пришла. Она не называла тебя, но мы «вычислили».

Я пытаюсь понять, — пишет О. Мороз, — почему человек в таких обстоятельствах прежде всего старается запутать следы.

А я пытаюсь понять, откуда у серьезного ученого, искателя истины, гуманиста, наконец, такое пренебрежение к человеку, с которым он на «ты», к результатам исследований коллег из действительно лучшей лаборатории. Ну, не веришь Кеннету, позвони к телефону его врача. Проверь. Наконец, удивись самому факту, задумайся. Может, и ответ найдешь, а с ним и Нобелевскую премию.

Утверждает
Валерий Храпов —
член
Международной
ассоциации
«Евроталант»,
автор
гелиогеомагнитной
теории
распространения
заболеваний.

— Ты, мне кажется, знаешь ответ. Тогда объясни, пожалуйста.

— Ответ прост: природу, в том числе и природу заболевания, нельзя изучать вообще, абстрактно, вне времени и пространства, вне конкретного человека и достижений других ученых. «Узкий специалист, как известно, подобен флюсу». Если бы медики, и в частности К. Раевски, не страдали профессиональной ограниченностью, то, заглянув в Каталог солнечных данных, они обнаружили бы то незамечаемое, что давно уже добыли астрономы: во второй половине августа—сентябре 1985 года солнечная активность была практически на нуле и ВИЧ у донора никак себя не проявлял, со второй же половины октября индексы солнечной активности резко возросли и...

Вы знаете, чем я сейчас занимаюсь? Я глажу. Но не бьюки, нет. Я сглаживаю по трем точкам (есть такая статистическая операция) среднемесячные индексы кривой солнечной активности. И рост этой кривой, оказывается, в значительной степени определяет рост мировой заболеваемости СПИДом. И не только им.

— Твое внезапное объяснение причин болезней, думается, будет неожиданным не только для врачей... Ты что, еще и астролог?

— Нет, я последователь таких выдающихся ученых, как В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, А.И. Судаков. Эти ученые не только анализировали, но и синтезировали, объединяли достижения многих наук, обладали планетарным, космическим мышлением, а не жаловались, глядя на мир сквозь узкую щель электронного микроскопа, что видно плохо.

Доказательства влияния активности Солнца на жизнь всей биосферы Земли, а не только вирусов принадлежат не мне — многим ученым XIX—XX веков. И прежде всего А.Л. Чижевскому, который еще в 1917 году вместо участия в братоубийственной войне революции стал основоположником новой науки — гелиобиологии — солнечной биологии. Позже в нашем пролетарском государстве эта наука разделила участь генетики, а А.Л. Чижевский — судьбу Н.И. Вавилова...

Однако и Александр Леонидович, устремившись к Солнцу и забыв о Земле, погрешил против истины. Он, как и многие другие, прошел мимо того факта, что все болезни дрейфуют — отступают или наступают в направлениях, совпадающих в общих чертах с дрейфом магнитного поля Земли, который изучают ныне такие молодые науки, как палео- и археомагнетизм. Так, например, до начала XX века эпидемия чумы последний раз была в Англии в 1666 году, в Испании — в 1684-м, во Франции, в Марселе, — в 1720-м, в Италии, на Сицилии, и только на Сицилии, — в 1743 году. Чума отступала, как видите, на юго-восток. Отступала, несмотря на то что в обход карантинных кораблей с большими чумой моряками и крысами попадали после 1743 года и во Францию, и в Испанию... В 1720 году тысячи чумных марсельцев разбежались по всей Франции, но никто не заразил. Но стоило некоторым вернуться — тут же умерли... Подобных примеров история медицины знает десятки.

С точки зрения нынешних медиков, забывших или плохо знающих и историю, и гелиобиологию, этих фактов не объяснишь. Не объяснишь и с точки зрения

гелиобиологии, как не объяснишь и феноменов Сусанны Пелерьян и Кеннета М. Оказывается, важно не только, с какой интенсивностью Солнце облучает нашу планету, но и то, что разные территории Земли и разные организмы в разное время воспринимают одно и то же облучение по-разному.

— И ты определил эти территории?

— Да. В этом мне помогли карты чумных эпидемий, составленные дотошными узкими специалистами. Выделив участки, где эпидемии бушевали особенно интенсивно или, наоборот, где чумы не было, несмотря на контакты с соседними чумными районами, я обнаружил, что вокруг этих центров по спиралям, близким к концентрическим окружностям, не только раскручиваются или закручиваются эпидемии, но и цепи горных хребтов, островов, течения рек, морей, океанов, возникают смерчи, тайфуны... А в центре этих зон, которые я назвал гравитационными геоэлектроматнитными полюсами, а для простоты — полюсами Храпова, даже появляются НЛО. И крупные города оказываются равноудаленными от этих точек... Система этих полюсов по своей структуре напоминает Солнечную систему или структуру атома и как бы составляет нервную систему планеты.

Для того чтобы проверить мое открытие, не требуется миллиардных затрат на компьютеры и электронные микроскопы, на фотографирование из космоса. Достаточно иметь обыкновенный школьный глобус и циркуль.

— Все гениальное просто?

— Похоже, что так. Если огрубить, в нескольких словах выразить вытекающий отсюда способ лечения СПИДа, рака, ишемии и множества других заболеваний, то это звучит примерно так. Рыба живет в воде. А точнее, в разной воде живет разная рыба. Форель — в чистой, горной воде. Карась — в тухлом, вонючем пруду. Если в вас завелась «форель», а вы нырнули в тухлый, вонючий «пруд», то хочешь «форель» или нет — она сохнет из-за отсутствия подходящих для нее условий, а вы выздоровеете вне зависимости от того, будут ли пичкать вас таблетками или не будут. Впрочем, против проверенных лекарств я не возражаю, но не устаю повторять: смертельно опасные заболевания, особенно быстротечные, нельзя лечить на месте заболевания. Карантин изобрели в дремучем XIV веке очень узкие специалисты и очень боязливые венецианцы. И это изобретение уже стоило человечеству десятки миллионов жизней.

— Ты знаешь, Валерий, мне кажется, я готов подтвердить правоту твоей теории. Несколько лет назад одной моей знакомой врач посоветовал: «Если ребенок серьезно заболел, сядь с ним в поезд, в самолет — и уезжай подальше». Она послушалась его совета и потом уверяла, что таким образом спасла сынишке жизнь. Я, признаюсь, тогда ей не поверил...

— Надеюсь, теперь для пущей убедительности случаев, подобных рассказанному вашей знакомой, вы найдете сотни и в медицинской, и в научно-популярной литературе. И не только там. В Библии, например.

— Хорошо, Валерий, задам чисто практический вопрос. А ты мог бы определить спасительные целебные зоны, скажем, от того же СПИДа?

— А я их и определяю. И не раз таким образом вылечивал и себя, и своих детей, и знакомых. Не от СПИДа, разумеется. Со СПИДом дело обстоит сложнее. Но не в принципе, не в теории. СПИД, точнее, ВИЧ подчинен той же участи «форели». Для меня он теперь не страшнее вируса гриппа: ВИЧ убивает человека годами, а вирусы гриппа могут за несколько дней. Сложность определения антиСПИДовых зон предопределена неточностью, запутанностью статистических данных. Этому способствует и анонимность обследования на СПИД, осуществляемая из-за того, что благодаря дремучему невежеству окружающих больные становятся изгоями. Ну что, скажите, может повести статистическая таблица, в одной графе которой значится заболеваемость среди неженатых мужчин, во второй — среди гомосексуалистов, а в третьей — среди наркоманов? Разве один и тот же человек не может быть отнесен и в первую, и во вторую, и в третью графы? И не один, а сотни! Надежную статистику с разными основаниями построить невозможно. А вот теорию — вполне. И я горжусь тем, что моя теория не только перекликается с астрологией, геопатологией, мифами и преданиями, но и вытекает из достижений современного естествознания и истории. Истина одна, а пути к ней разные.

Беседу вел
Борис ДАНОШЕВСКИЙ

Валентин ОСКОЦКИЙ

Спрос на серость — в этом секрет карьеры члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК М. А. Суслова (1902—1982).

В течение всех застойных лет он монополично выступал в роли «главного идеолога» страны, первейшей своей задачей видя обуздание общественной мысли, торможение культуры, подавление художественных исканий в литературе и искусстве. Сам удовлетворяя в полной мере спросу на серость, он усердно стремился подогнать под него научное и художественное творчество.

Штрихи к политическому портрету М. А. Суслова

Кому и чему обязан Суслов приходом в партийный аппарат?

Рекомендовал его туда Л. З. Мехлис в бытность свою главным редактором «Правды». А расположился он к Суслову, писавшему в газету, как к редкостному знатоку — не удивляйтесь — цитат. Не текстов, а именно цитат, чаще и больше всего из Ленина, старательно выписанных и четко систематизированных в обширной картотке. На любые темы и в считанные минуты умел выудить из нее подходящую цитату для своих и чужих статей выпускник Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, молодой преподаватель Московского университета и не раз оказывал на этом поприще услуги благодетелю. А однажды через него и самому Сталину. Тот оценил прилежание...

Пройдет три десятка лет, и Федор Бурлацкий будет готовить для Суслова очередную речь. Текст, написанный референтами за ночь, оратор одобрит, но захочет одно место «цитаткой» подкрепить из Владимира Ильича. Сказав об этом, он «шустро» так побежал куда-то в угол кабинета, вытащил ящик, которые обычно в библиотеках стоят, поставил его на стол и стал длинными, худыми пальцами быстро-быстро перебирать карточки с цитатами. Одну вытащит, посмотрит — нет, не та, другую начнет читать про себя — опять не та. Потом вытащит и так удовлетворенно: «Вот, эта годится». Зачитал, и впрямь хорошая цитатка была...

В 1938 году, когда железная мелта Сталина — Ежова повывела партийные, государственные, хозяйственные кадры и, по воспоминаниям современников, в обкомах и наркоматах опустело большинство кабинетов, цитатный эрудит вырывается на орбиту руководящей работы. Сначала он секретарь Ростовского обкома, затем первый секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б). К этому времени относятся его речи, отрывающие трехтомник избранного (М., 1982). Речь на XVIII конференции ВКП(б) коротка предельно: меньше трех страниц среднестатистического книжного текста. Не обольщайтесь; однако: перед нами вовсе не тот редкий случай, о котором говорят, что краткость — сестра таланта. Здесь она падчерница редакторской необходимости: речь при публикации в избранном резко сокращалась за счет ритуальных здравниц в честь Сталина. Такие операции произведены со всеми без исключения довоенными, времен войны и послевоенными докладами, речами, статьями Суслова.

Но любопытно: пышнословные прозвучания «отца народов» изысканы, а уши его все равно торчат и усы торчат как ни в чем не бывало. Прочтите хотя бы доклад 1941 года на собрании краевого партийного актива в Ставрополе. В нем слово в слово развита сталинская концепция начала войны, все и вся списывающая на «фактор внезапности», повторена бодрческая ложь, восходящая к июльской речи вождя, где он без тени смущения заверял «братьев» и «сестер», будто «луч-

шие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражений...».

В 1941—1944 годах Суслов, первый секретарь Ставропольского крайкома, был одновременно и членом военного совета Северной группы войск Закавказского фронта, начальником краевого штаба партизанских отрядов. Партизанское движение на Ставропольщине успеха не имело, но вина за неудачи была возложена на карацевское население края и соседней Калмыкии. И те и другие подвергались в конце 1943 года массовой депортации. О том, как «успешно» проводили ее центральные и местные власти, казенным языком победных реляций сообщают два документа.

Первый — рапорт ближайших сусловских сподвижников, начальника и заместителя начальника Управления НКВД по Ставропольскому краю, в Народной комиссариат внутренних дел СССР заместителем наркома С. Н. Круглову: «В ноябре 1943 г. были депортированы из Карацевской автономной области 14 774 семьи — 68 938 карацевцев. После выселения основного контингента Управление Народного комиссариата СССР по Ставропольскому краю выявило еще 329 карацевцев. Все были выслены в места основного проживания». Верноподданническое рвение карателей явно рассчитано на похвалу. Еще бы: их каток никого не минует, как огнем все выжигает дотла, всех разит подступую.

Второй документ — докладная записка Берия на имя Сталина и Молотова: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и Постановлением СНК от 28 октября 1943 г. НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы... Всего погружено в 46 эшелонов 26 359 семей, или 93 139 переселенцев, которые отправлены к местам расселения в Алтайский и Красноярский края, в Омскую и Новосибирскую области. Во время проведения операции происшествий и эксцессов не было».

Идеологическое обоснование преступных акций геноцида — целиком на совести тогдашнего первого секретаря крайкома, загодя копившего «компромат» на коренное население Карацевской автономной области и Калмыцкой АССР, поголовно обвиненное в измене, предательстве, сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами, прислужничестве фашизму и т.п. Одним из «фактов», уличающих карацевцев и калмыков в массовом коллаборационизме, стала братская могила, обнаруженная в январе 1943 года, после изгнания оккупантов, в нескольких километрах от Карацевска, близ нынешнего поселка Новая Теберда.

Поначалу было объявлено, что в ней скрыты следы чудовищного злодеяния эсэсовцев. «Кровь стынет от страшных зверств, которые совершили немцы в детдомах курорта Теберды, Новой Теберды и Нижнего Архыза, где помещались дети, эвакуированные из Ленинграда, Крыма, Ростова-на-Дону» — восклицала газета «Красный Каракай» 9 июня 1943 года. Пройдет всего два-три месяца, и по новой указке обкома

та же газета переадресует обвинение в убийстве детей «местным националистам» из Нижней Теберды. Тогда же, осенью 1943 года, арестуют 12 человек, которые вскоре «признаются» в совершении преступления. Как писал в 1988 году в заявлении Генеральному прокурору СССР последний из этих двенадцати, оставшийся в живых А. Боташев, в ставропольской тюрьме он, «не выдержав пыток, вынужден был заявить: «Да, детей убивал я, но убивал я один». На такое вымученное «признание» он пошел, «считая: лучше быть расстрелянным, чем испытывать жесточайшие муки». Переведенный затем в тюремную больницу, он встретился там с земляком М. Чамаевым и узнал, как и кого «избили так, что он вынужден был подписать все».

Едва депортация завершилась, Суслов организовал шумную пропагандистскую кампанию в поддержку произвола. «Мы выжили карацевцев из горных ущелий. Теперь надо выжить отсюда их дух», — громогласно объявил он на собрании партийного актива Черкесской автономной области.

С судом над «преступниками» вышла, однако, непредвиденная накладная: обвиняемые в убийстве детей единодушно засвидетельствовали, что свои ложные показания дали под пытками. Видимо, обвинение настолько было шито сплошь белыми нитками, что даже в сталинские времена, после неоднократных исследований в 1944—1946 годах, арестованных пришлось освободить за недостаточностью улик. Но черное дело уже свершилось, античеловеческая акция геноцида получила идеологическое направление. И пока Суслов был жив, да и после его смерти тоже, подпытные признания «националистов» частично шли в ход. По свидетельству того же А. Боташева, к старым, испытанным «аргументам» местные власти прибегали еще и много позже, хотя кому, как не им, «хорошо известно, что никого из нас за убийство детей не осудили, а, наоборот, полностью оправдали как невиновных. Но почему-то некоторые должностные лица заинтересованы, чтобы клеймо лежало на нас».

Плотную завесу над потайными причинами их небескорыстной заинтересованности в сокрытии правды приподнимает эпизод 1956 года, когда делегация карацевцев во главе с бывшим первым секретарем Карацевского обкома партии С. Б. Токаевым, приехав в Москву из Средней Азии, обратилась к бывшему первому секретарю Ставропольского крайкома с просьбой содействовать восстановлению национальной автономии и возвращению репрессированного народа на родину. Принять делегацию Суслов отказался, снизошел лишь до телефонного разговора, который свел к одной фразе: «Освобождайтесь от своих иллюзий». Что-то, а стальной инстинкт самосохранения в партократии всегда обострялся под напором правды...

В 1944 году в карьере Суслова происходит новый поворот. Как партийного руководителя, который за счет полностью репрессированного народа выслужился перед Сталиным и завоевал его доверие в качестве новоиспеченно-

го специалиста по «национальному вопросу», его перебрасывают в Вильнюс и назначают председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. Какой смысл был в создании этого не то промежуточного, не то придаточного органа и в предоставлении его председателю командных полномочий в республике, ни жизни и истории, ни культуры и языка которой он не знал и не намеревался знать? Разве ЦК Компартии Литвы, возглавляемый его многолетним, еще со времен подполья, секретарем А. Ю. Снежкусом, не был достаточно компетентен в глазах если не всего литовского народа, то, по крайней мере, литовских коммунистов?

Закономерный вроде вопрос с нынешней точки зрения, но в пору тогдашнего сусловского назначения он первый наверняка бы отнес его к вражеским проискам. В том-то и дело, что в силу высокомерного — чем не психология колониальной администрации? — недоверия к национальным кадрам для осуществления в Прибалтике диктаторской сталинской и карательной бериевской политики в каждой из республик нужны были своего рода наместники — представительные, глядящие, ответственные надсмотрщики. Такую роль и исполнял в Литве Суслов, оставивший там по себе недобрую славу и память.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА (Игоря Черноуцана, литературоведа, критика, бывшего ответственного работника Отдела культуры ЦК КПСС). Став в 1947 году секретарем ЦК КПСС, Суслов не обрывал связей с Литвой, по осуществлял их весьма своеобразно. В 1953 году, вскоре после смерти Сталина, по его наущению снарядили в Вильнюс комиссию в составе Ю. В. Андропова и И. С. Черноуцана, вменив им в обязанность собрать «факты» на первого секретаря ЦК КП Литвы А. Ю. Снежкуса и подготовить вопрос о его снятии. Комиссия с заданием не справилась: изучив деятельность республиканской партийной организации, дала ей положительную оценку.

— Вас зачем туда посылали? — по сусловской подсказке топал ногами Маленков.

— Для того чтобы мы объективно разобрались в делах республики, — ответил Черноуцан.

— Не занимайтесь демагогией!

Вскоре Ю. В. Андропов, к которому Суслов до конца своих дней сохранит настороженное, ревнивое отношение, будет переведен на дипломатическую работу и направлен «с глаз подальше» послом в Венгрию. Не ахти какая, а все же опала. Хотя, как мы увидим спустя десяток-другой лет, выйдет во благо будущему генсеку.

Еще в пору «оттепели» И. С. Черноуцан подготовил от Отдела культуры список на посмертную реабилитацию литераторов, репрессированных в разгар «борьбы с космополитизмом», к историческому нагнетанию которой Суслов имел прямое руководящее отношение и как заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК (с 1947 г.), и как главный редактор «Правды» в 1949—1950 годах. «Не время!» — при-

ИДЕОЛОГ

печатал он, скользнув бегом по фамилиям и споткнувшись глазом на профессоре Г.А. Гуковском. И надолго похоронил список в своем столе...

Если верно, что стиль — это человек, то, судя по стилю трехтомных трудов Суслова, все они писаны человеком, чье перо не просто не ахти как натружено, но и на удивление скучно, бесцветно, обезличено и лживо. Удручающе похожи одна на другую торжественные речи при вручении орденов республикам, областям, городам, ответственные — на съездах зарубежных коммунистических партий, дозунговые чаще всего заголовки статей, типовые блоки общих мест, едва-едва обрамленных собственным орнаментом. Взрывчатый динамизм феерического стиля, напряженного, как было, скажем, у Дунаевского, под напором пульсирующей мысли и непоказной эрудиции. — не сусловская стихия. На всем своем долгом жизненном пути он всегда предпочитал говорить только то, что хотелось слышать Сталину, Хрущеву или Брежневу.

Колоритный эпизод рассказан Светланой Ахилуевой. По меткому ее описанию, ограниченность Суслова выдает в нем бездушного и просто неумного человека, который, живя в своем отчужденном, замкнутом кастовом мире, равно разучился и сам говорить по-людски, и внимать живой человеческой речи.

«...За границу мы вас не выпустим!» — сразу взял он быка за рога, благожелательно напомнив, что отец просительницы вообще «был очень против браков с иностранцами. Даже закон у нас был таковой». И никакие ответные доводы, что муж, индийский коммунист, смертельно болен, что возвращение на родину может продлить его недолгие дни, уже не действовали — не были не то чтобы понятны, даже услышаны. «Умрет так умрет. Он больной человек. А вам нельзя за границу. Будут провокации».

Дальнейший их диалог стоит того, чтобы быть воспроизведенным полнее:

«— Какие провокации? При чем тут провокации?»

— Да вы не знаете, — ответил он. — А вот когда я поехал в Англию вскоре после войны, то наш самолет уже в аэропорту встретила толпа с плакатами: «Верните наших жен!». Понимаете?

— Я не понимаю, где тут провокация, — сказала я. — Я не понимаю, почему так боятся за меня: неужели я не в состоянии ответить на вопросы, если уж придется?

— Вас там сразу же окружат корреспонденты. Вы не знаете, что это такое. — словом, политические провокации будут на каждом шагу. Мы вас же хотим уберечь от всего этого».

И, словно в знак особой, отеческой доверительности, завершил беседу рассказом о близких, охваченных в домашнем кругу такой же идейно-воспитательной работой: «Вот вся моя семья и мои дети не ездят за рубеж и даже не хотят! Не интересно...»

Не только низкий, не просто примитивный — дремучий, нешерстный уровень. Куда с таким не в кабинетных изучениях, а в спорах интеллектуаль-

ных? Суслов бежал от них как черт от ладана.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА (академика Г.А. Арбатова). В 1969 году Брежнев, не отважившись сам, поручил своему идеологу встретиться и побеседовать с академиком А.Д. Сахаровым. Суслов испугался, «замотал» встречу. Понял, стало быть, что не готов к ней. И не будет готов когда-нибудь...

Но как и почему в таком случае именно Суслов выдвинулся при Брежневом на роль «главного идеолога»?

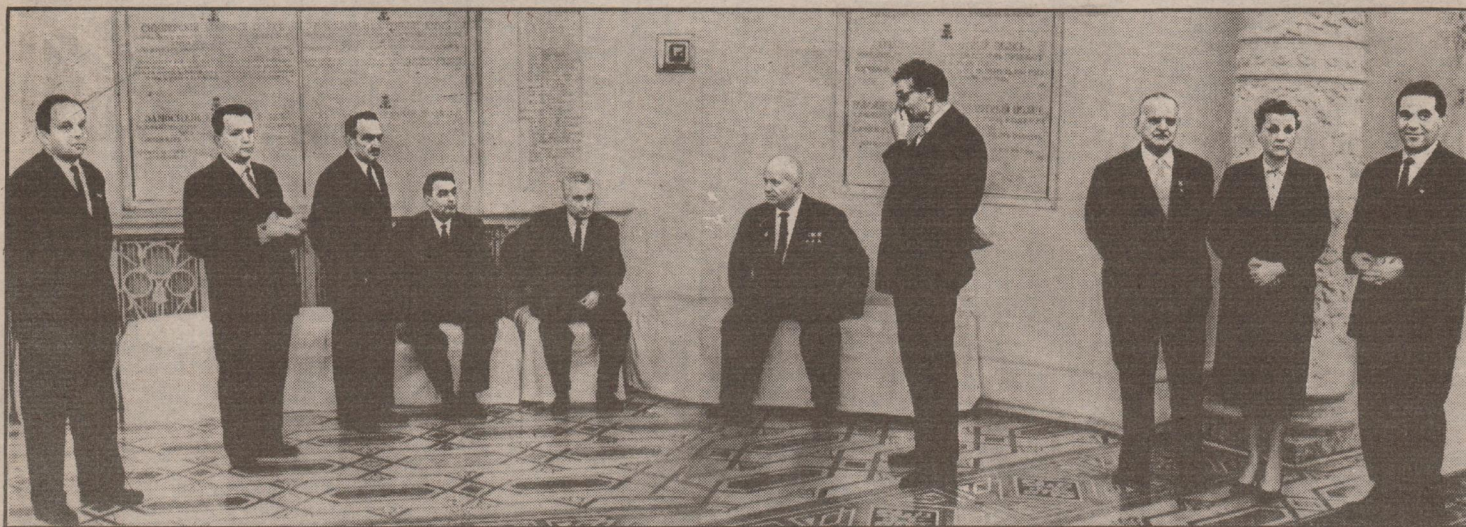
Алексей Аджубей в воспоминаниях «Те десять лет» склонен объяснять это руководящим участием «серого кардинала» в заговоре против Хрущева. «Суслов любил держаться в тени. Не двигала ли эта гень своего хозяина?»

С таким допущением не согласны, горячо опровергают его другие очевидцы событий. Верно — «серый», но «кардинал» — преувеличение. О том, что состоится Пленум, на котором снимут Хрущева, он узнал одним из последних и, как вспоминает П.Е. Шелест, перепугался насмерть: «Да что вы?! Будет гражданская война». Доклад, с которым Суслов выступил на Пленуме, он не писал, а только, как автомат, но не без записок, прочел текст, загодя заготовленный для Брежнева, который вдруг отказался его произносить.

Другое дело, что вероломное смещение Хрущева пришлось ему куда больше по душе, чем разоблачение «антипартийной группы», на резкую критику которой он отважился вовсе не по доброй воле, а под нажимом А.И. Микояна. Убеждая Суслова, он хотел, комментирует Серго Микоян действия отца, «укрепить позиции Хрущева, а, убедив, фактически спас, к сожалению, самого Суслова, ибо по всему идейному багажу тот был в одной лодке с Молотовым». В результате — чего никто не предвидел — мы оказались обречены «на длительный период хозяйничанья в сфере идеологии и культуры человека во многом со взглядами прошедшей эпохи».

Но эти-то взгляды и поднялись в цене! Как и соответствующий им стиль идеологического руководства, который возрождал и укоренял Суслов, — стиль нажима, команды, окрика, хотя сам «главный идеолог» не любил, говорят, не только кричать, но даже повышать голос.

Наверное, виртуозному умению не входить в конкретику, избегать ее Суслов в значительной степени обязан тем, что даже в решениях, до очевидности абсурдных или позорных, принятых по его прямым указаниям, он, верткий, как выюн, не оставил явных, документально удостоверенных следов своего вмешательства. Не он исключал Александра Солженицына из Союза писателей СССР и лишил академика Сахарова звания Героя Социалистического Труда, проводил в печати шумные кампании их осуждения литературной и научной общественностью, выдвигал одного за рубежом, другого в Горький. Но он дирижировал обеими акциями и их финалами из-за кулис. И

Они вершили наши судьбы

если бы эти действия разворачивались на какой-нибудь технически оснащенной сцене, скрытой легким, прозрачным пологом, то мы разглядели бы в глубине высокую сутулую фигуру, стоящую у пульта управления.

Даже поводов для легенд о себе как о воинствующем невежде Суслов мог бы найти, хотя серьезными познаниями в области общественных наук или литературы и искусства отягощен не был. Как Каганович, который, слушая однажды Баха для двух скрипок в исполнении Ойстраха и Менухина, изрек не без гордости: «А ведь наш-то забывает американца!» Или Жданов, в доме которого считали, будто Илья Эренбург любит Париж потому, что «там — голые женщины...».

Зато с тем и другим Суслов мог бы успешно соперничать по части держимордовских акций. О беседе с Василием Гроссманом, чей роман «Жизнь и судьба» он, как сразу объявлял писателю, и не думал читать, но судить о нем взялся с апломбом высокопоставленного вельможи, сегодня широко известно. Вплоть до деталей, будь то уподобление романа «атомным бомбам, которые готовят против нас наши враги», или коронная фраза о том, что в лучшем случае «Жизнь и судьбу» возможно будет издать «через двести — триста лет». По счастью, наша юная демократия развивается не такими черпающими шагами, как мечталось Михаилу Андреевичу. И тридцати — всего-то! — лет не прошло, как триумф романа стал его посмертным посрамлением. Жаль, что не прижизненным.

Остается, однако, в этой драматической истории один неясный эпизод, на который обратил внимание А. Аджубей. Почему Н. С. Хрущев не ответил на отчаянное письмо писателя, молвившего после ареста рукописи о помощи? Наверное, потому, что не дошло до адресата, перехваченное, осело у Суслова. Хотя, оговаривается Аджубей, это вовсе не значит, что Никита Сергеевич принял бы «Жизнь и судьбу», если б, получив письмо Василия Гроссмана, прочел роман...

Скорее всего, в том же сусловском кабинете осело в дни разгона «Нового мира» и письмо Александра Твардовского Брежневу, хотя до адресата оно все же дошло. По хронике Юрия Буртина, тогдашнего члена редколлегии журнала, Твардовский обратился в ЦК между 5—8 февраля 1970 года и тщетно ждал ответа до 12 февраля, когда написал заявление об уходе. О том, что его отставка с поста главного редактора принята, секретариат правления Союза писателей СССР сообщил почти сразу, но официальное свое решение затягивал и откладывал, тоже, наверное, потому, что ждал ответа «сверху». Мысли о том, что «наверху» могут вообще не ответить, никто, судится, не допускал. Такое неопре-

деленное положение длилось до 20 февраля, когда Твардовский, так и не дождавшись решения писательского секретариата, снова заявил об уходе из редакции, ибо понял, что никакого ответа из ЦК ему не будет. Не дождалось ответа и коллективное обращение московских писателей на имя Брежнева и Подгорного с просьбой остановить разгром журнала.

Ведут к Суслову нити множества других самых разных, но одинаково черных дел. Да и вообще можно с уверенностью сказать, что трудно отыскать такое несправое событие в идеологической, культурной, литературной жизни страны конца 60-х — начала 80-х годов, а зачастую и много раньше, к которому он не приложил бы руку.

Таково его участие в заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), которое в присутствии и по указке Сталина предвосхитило погромный характер ждановского постановления «О журналах «Звезда» и «Ленинград», принятого две недели спустя. Или — ликвидация Музея обороны Ленинграда, глумливое уничтожение его уникальных экспонатов в угоду Маленкову и Берии как главным застрельщикам, инициаторам «ленинградского дела».

Тщетно пытаясь спасти безнадежное положение, один из последних руководителей музейного коллектива Василий Иванович Баранов самовольно отправился в Москву, подал на имя секретаря ЦК Суслова прошение с просьбой принять и выслушать «для решения судьбы музея. Собственно, не музея уже — сотрудников». Пять дней, вспоминает он, следил по телефону за прохождением записки. «Наконец через пять дней поздно вечером, около 22 часов, ко мне пришли: «Баранов?» — «Да». — «Завтра в десять ноль-ноль быть в ЦК. Там вам все объяснят...» Привели в кабинет самого главного идеолога. «Мы, товарищи Баранов, — сказал мне своим очень характерным, немужским голосом Михаил Андреевич Суслов, — в курсе дел этого музея, и вы нас не агитируйте (а я уже и не пытался «агитировать»), возвращайтесь домой — все решим». На следующий день меня уже материал за обращение к секретарию ЦК секретарь горкома... А еще дней через пять — через неделю мне в Смольном показали полученную из Москвы бумагу за подписью самого Сталина на ликвидацию Музея обороны Ленинграда. Без всякой мотивировки — ликвидировать...»

В иных, постсталинских условиях, но тем же волонтеристским — «без всякой мотивировки» — образом действовал Суслов, монополично решая прекратить издание популярного в 50-е годы журнала «Славяне». Все началось, рассказывает его бывший главный редактор Сергей Пилипчук, с роковой для редакции задумки аннотировать диссертации, посвященные сла-

вяйским странам. «Напечатали несколько сообщений, и вдруг строгий звонок: «Кто разрешил?»

— А разве нужно разрешение? — поинтересовался я.

Последовал новый вопрос: «Вы читаете диссертации?»

— Читаю печатные рефераты.

Тогда звонивший объяснил, что один из руководителей ПОРП просил у М. А. Суслова диссертацию, о которой конкретно сообщалось в журнале.

М. А. Суслов после беседы с гостем сказал: «Кто знает, что они там напишут». И распорядился прекратить печатать сообщения о диссертациях.

Вслед за этой первой атакой само существование журнала оказалось под угрозой. «Чтоб не было панславизма», — резюмировал Суслов. И вынес вопрос о «Славянах» на идеологическую комиссию ЦК КПСС. Накануне заседания за сохранение журнала горячо ратовал Славянский комитет, подержанный отделом ЦК, которым руководил Ю. В. Андропов. Но председательствующий Суслов предоставил первое слово «рабнику аппарата ЦК, который изложил подготовленный проект закрытия журнала. Суслов бросил одобрителную реплику. Фурцева тоже заметила: «Правильно». Затем слово попросил Андропов и заявил, что он снимает возражения и согласен с проектом...»

На сусловском счету — многолетняя опека над шарлатаном Лысенко, философами-пустословами Митиным и Юдиным, другими лжеучеными в академических мантиях, в которые их облачила фортуна времен сталинизма... Подхалимская поддержка брежневского любимца Трапезникова, невежественного, бездарного, конъюнктурного командора «всей», как тот говорил, науки. Заветной его мечтой было переиздать сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)». Став благодаря Брежневу заведующим Отделом науки ЦК КПСС, Трапезников все свое служебное рвение направил на то, чтобы заставить ученых избрать его в академики, пробиться в АН СССР если не через парадный подъезд, то хотя бы с черного хода. Всесоюзная Академия достойно выдержала многолетний натиск, а отраслевая — педагогических наук — дрогнула, отступила под напором ЦК-ской силы...

В той же цепи деяний — препоны и рогатки на пути фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», в котором Суслов узрел недреманым цензорским оком нежелательные «аллюзии»... Инспирация скандальной статьи А. Жюрайтиса «В защиту «Пиковой дамы» (Правда. 1978), задуманная с провокационной целью общественной компрометации Геннадия Рождественского и Юрия Любимова, что должно было стать еще одной козырной картой в травле Театра на Таганке... За-

прет фильма Элема Климова «Агония», пьесы Михаила Шатрова «Так победим!»... Продолжать ли дальше?

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

(А. Аджубей). После того как был свергнут Хрущев, Суслов лично проследил за трудоустройством его помощника по культуре Владимира Семеновича Лебедева, которого терпеть не мог за самостоятельность и независимость. По сусловскому указанию того зачислили в Институт философии на самую низкооплачиваемую научную должность. Вскоре он умер...

(Напомню: это тот самый Лебедев, который провел с Хрущевым в Пилюде последние дни перед отставкой и не изменил ему после отставки. В свое время благодаря его настоячивости Никита Сергеевич прочел «Один день Ивана Денисовича» и высокой оценкой писательского дебюта А. Солженицына решил издательскую судьбу повести.)

Приведенное выше суждение о том, что стиль — это человек, нередко сопровождается уточнением: в той же мере, в какой человек — стиль. Стиль идеологического руководства, насаждавшийся Сусловым, а точнее — ведомственного надсмотрщика за обузданной общественной мыслью, был охранительским стилем сталинизма и застоя. И запретительным по отношению ко всему, что им противостояло.

Своего рода символическим знаком такого стиля воспринимается прочный, жестяной короб с надписью «Ремонт», долгое время ограждавший от возможных покушений мемориальную доску с именем Суслова на фасаде факультета журналистики МГУ. Не лучше ли было бы снять ее сразу, чем укрывать таким образом? Или кто-то близорук надеялся, что доска, призванная увековечивать память алхимика от идеологии, может понадобиться? Право, не хочется сочувствовать тому, кто обманулся в своих надеждах.

Тем более что, словно в ободрение ему, на родине Суслова — в селе Шаховское Ульяновской области — и ныне стоит, как стоял прежде, бронзовый бюст дважды Героя Социалистического Труда, отлитый в честь славного земляка еще при его жизни... Рядом — величественное здание музея с зимним садом, импортными светильниками, кондиционерами.

Так было, по крайней мере, в дни, когда писались эти заметки: убирать бюст и закрывать музей никто не собирался...

Только в твоей стране возможна эта история, происшедшая в твоей стране.

Хуан Хельман

Пако Игнасио ТАЙБО II

КОГДА ЖЕ ВСЕ-ТАКИ МЕДАРДО РИВЕРА УБИЛ ЛУПЕ БАРСЕНАСА?

Он вообще его не убивал! — решительно заявила лицензиатка Марисела Кальдерон Гальван. Небольшая биографическая справка: возраст 26 лет, родилась в городе Коста-Чика, штат Герреро; имела несчастье закончить юридический факультет университета в Чилпансинго, пользующегося, пожалуй, самой дурной репутацией среди всех университетов к югу от Рио-Браво¹. Миниаюрная женщина, посвятившая себя без остатка защите по изгнанным, безземельным крестьян и боксеро-любителей, выступающих тайком в профессиональной лиге.

— Вся эта история с убийством — чужь собачья! Я повторяю, что учитель Медардо Ривера никого не убивал. Лупе Барсенас жив-звехонек и в ближайшее время умирать не собирается.

Марисела поправила прядку волос, то и дело падавшую ей на лоб.

— Да-да, эта, извиняюсь за выражение, скотина находится в полном здравии, уверяю вас. Итак, излагаю все по порядку. В субботу рано утром Медардо зашел в домик «Чаты» пропустить рюмочку. Это известное в городе Сан-Андрес заведение работает по ночам как бордель, а днем как забегаловка и булочная. Почему ему вздумалось выпить с утра? Да просто чтобы согреться, в тех местах на рассвете такая холодыга, что зуб на зуб не попадает. Около половины седьмого он оттуда вышел, прихватив с собой три буханки хлеба. Он их всегда покупал — подкармливал из своего кармана самых бедных детей. Медардо учительствовал в средней школе, содержавшейся на средства правительства, вел занятия в смешанной группе из трех классов — четвертого, пятого и шестого.

В тот день он хотел освободиться пораньше, в одиннадцать, потому что к часу ему нужно было успеть в селение Висенте-Герреро, до него от Сан-Андреса километров пятнадцать. Там у местных учителей вышла с властями ссора из-за древесного угля, и Медардо обещал им помочь. Вдруг подкатывает «джип», из него выскакивают трое из федеральной полиции, тычут Медардо в живот пистолетом и увозят с собой. А буханки хлеба на дороге бросили, сукины сыны! Когда его привезли в столицу штата, у него была расчесана бровь и все ребра в синяках. Это, говорят, из-за того, что он якобы сопротивлялся при аресте. И тут ему предъявляют обвинение в убийстве некоего Лупе Барсенаса, жителя города Сан-Андрес. Я вам так скажу: характер у Медардо, конечно, не сахар, парень он вспыльчивый. Попалось ему под горячую руку — может и пристукнуть. Да только этого Барсенаса он и пальцем не тронул! Ну, значит, ему говорят: «Вы обвиняетесь в убийстве Лупе Барсенаса». Медардо спрашивает в ответ: «И когда же я убил этого сеньора?» — «Согласно показаниям свидетелей, занесенным в судебный протокол, вышеупомянутый Ривера встретился с ныне покойным Гуадалупе Барсенасом Арройо шестого декабря в одиннадцать часов утра. Встреча произошла у «колеса фортуны», установленного по случаю ярмарки на центральной площади города Сан-Андрес. Между ними вспыхнула ссора, и тогда Ривера выхватил спрятанный под жилетом пистолет 38-го калибра и двумя выстрелами в упор убил Барсенаса». Медардо, у которого всегда была отличная память на даты, слегка усмехнулся и спрашивает: «Если я вас правильно понял, это произошло шестого декабря, так?» — «Да, именно так». — «Так вот, во-первых, шестого декабря меня в Сан-Андресе не было. В этот день я присутствовал в качестве крестного отца на крестинах сына нашего учителя Кабестрана, который живет в горах в восьмидесяти ки-

лометрах от Сан-Андреса. Если не верите, вот фотография, сделанная «полярOIDом» на этих крестинах. Взгляните, я здесь справа стою, держу на руках Анисето Кабестрана, моего крестника. Мои слова могут подтвердить как минимум 250 свидетелей. Во-вторых, никакого «колеса фортуны» в тот день в Сан-Андресе не было, потому что устроители ярмарки приехали только на время праздников, до четвертого декабря. В-третьих, этого ублюдка Гуадалупе Барсенаса вообще никто не убивал: еще вчера его видели живым и здоровым. И наконец, в-четвертых, провалиться мне на этом самом месте, если я хоть раз в жизни надевал жилет».

Марисела улыбнулась, отбросила со лба назойливую прядку волос, смахнула несуществующую пылинку с рукава потертого меланжевого жакета и продолжила свой рассказ:

— Итак, имеется куча неопровержимых доказательств невиновности Медардо: в тот день он находился на крестинах, «колеса фортуны» в городе не было, жилет он не носит и, наконец, мертвый вовсе и не мертв. И что же? Медардо все равно не выпускает из тюрьмы. Судья, этот жирный боров, не делает ничего знать и слушает только указания сверху. А бумаг в деле становится все больше и больше. Тут и донесение из министерства внутренних дел о теле-убитого, будто бы найденном на месте преступления, и показания свидетелей, и даже снимки каких-то пуль. Что это за пули — никто не объясняет. Просто пули. Провели дополнительную экспертизу, и оказалось, что этими пулями стреляли в диких кабанов в окрестностях города Негсаулькойль. Мало того, еще и снимок «колеса фортуны» в дело подсылали, хотя нашли все доказательства, что никакого «колеса» там и в помине не было.

А тут еще какой-то французский антрополог затесался со своими идиотскими дифирамбами: «Замечательно! Я просто восхищен тем, как работает мексиканское правосудие!» Чертов болван! Знал бы он, что мексиканское правосудие действует по законам абсурда этого несчастного психа Кафки! Я требую провести эксгумацию трупа, а мне в ответ предъявляют справку о кремации покойного и в качестве доказательства показывают урну с его пеплом. Тогда я прошу взять этот пепел на экспертизу, чтобы установить, действительно ли он человеческого происхождения. Тут, правда, я чуть было не дала маху. Предположим, мне удалось бы доказать, что мне подсунили пепел ягненка или же прах какой-нибудь Эулалии Гусман, смешанный с истлевшими останками Куатемока². Ну а если они положили в урну пепел другого человека? В этом случае я бы оказалась в дурацком положении. Впрочем, это действительно был пепел ягненка или козленка, потому что в экспертизе мне отказали, ссылаясь на то, что подобная процедура оскорбит чувства родных покойного. Я им предъявляю фотографию, сделанную одним учителем два дня после «смерти» Барсенаса, на которой «убитый» красуется рядом с председателем муниципального совета и городским судьей. Нет, говорят, фотография была сделана до убийства, можете вызвать председателя и судью, они готовы это подтвердить. Настоящая круговая порука! Я прошу показать пистолет. Они мне его показывают. Как, спрашиваю, вы докажете, что он принадлежал Медардо? А вы, отвечают, докажете, что это не его пистолет, и навешивают ему еще и статью за незаконное хранение оружия. Медардо решает объявить голодовку, местные учителя угрожают забастовкой на неопределенный срок. Я доведена до отчаяния и готова покончить с собой. Спрашиваюсь, зачем целых восемь лет изучать право в стране, где творится полное беззаконие? И вот на Рождество, в день Поминования волхвов, когда губернатор штата — ура популизму! — раздает игрушки детям бедняков, я отпихиваю локтем правительственного секретаря и оказываюсь лицом к лицу с губернатором. «Господин губернатор, — обращаюсь я к нему, не забывая при этом о прикрытии своих тылов, — скажите, кому требуется разыгрывать этот нелепый фарс с делом Медардо Риверы?» Несколько опарашенный моей дерзостью, губернатор отвечает: «Я не понимаю, сеньорита, о чем вы говорите». Отцепившись от чьей-то руки, пытающейся оттащить меня назад, я продолжаю: «Речь идет о руководителе ассоциации учителей, обвиняемом в убийстве, которое он никогда не совершал. Якобы убитый им человек на самом деле жив. Это возмутительно, господин губернатор». Сказав это, я успеваю куснуть руку, тянущую сзади за ремень моей сумки, и лягнуть полицейского, схватившего меня за плечо. «Лицензиатка Кальдерон, торжественно говорит мне губернатор, — если вы приведете мне этого человека, учитель Ривера будет немедленно выпущен на свободу. Даю вам свое слово. В нашем штате закон prevыше всего». Прежде чем полицейский успел оттащить меня назад, я прокричала: «Помните о вашем слове, господин губернатор!»

И вот уже три месяца я безуспешно разыскиваю этого мерзавца Барсенаса. На днях мне сказали, что он уехал в Лос-Анджелес, устроился там поденщиком. А мне что прикажете делать? Ехать туда и искать себе работу на Бульваре заходящего солнца? Может, вы мне можете? Опубликуйте хотя бы его фотографию в газете, прошу вас!

Перевод с испанского
Михаила ЧИЛИКИНА

¹ Река, проходящая вдоль границы между Мексикой и США. — Прим. пер.

² Верховный правитель ацтеков в 1520–1521 гг. — Прим. пер.

«Портрет Эдуарда Английского»,
Есть сомнения в подлинности
портрета и в том, кто на нем
изображен

«У комода» (Вермеер; копия
Яна ван Мегерена).
Подделка собрана из
фрагментов различных картин
Вермеера, что затрудняло
определение ее подлинности

ПОДДЕЛКИ

Ян СВЕЧИНСКИЙ

«Мадонна с уаулю»
(Сандро
Боттичелли?).
До сих пор не ясно,
подлинник или
подделка эта картина,
проданная в 1930 году
за 25 тысяч долларов

В прошлом году довелось мне побывать в Лондоне вместе с ведущими специалистами по нашему авангарду — членкором Академии художеств Дмитрием Сарабьяновым и его талантливым учеником Валерием Дудаковым. Были мы гостями знаменитой фирмы «Сотби»: ходили, разговаривали, смотрели, что там выставляется для аукциона. Конечно, увидели и подделки. Например: картину Бориса Григорьева, помеченную годом, когда он уже не работал, или работу Добужинского — на полотне дом, построенный уже после смерти художника. Потом зашли на другой аукцион — там готовилась к продаже и уже через два дня была продана коллекция Анатолия Зверева; художника высочайшего класса. Сколько в той коллекции было подделок — одному Богу известно! Еще раньше в антикварном магазине Кельна видел пять работ Зверева — каждая по три тысячи марок. Конечно, не составило труда распознать в них «фальшаки». Значит, уже есть люди, которые делают подделки «под Зверева», и делают их здесь, в Союзе. В Москве на выставках-продажах можно увидеть «фальшаки» не только Зверева, но и других талантливых современных художников.

Как человек, профессионально занимающийся древнерусской живописью, хочу сказать о подделках икон. Я не знаю у нас сейчас специалиста, который может высококлассно подделать древнюю икону. Позднюю икону, конечно, можно подделать, но зачем? Она и так дешево стоит. Я, например, ярый противник того, чтобы, реставрируя икону, дописывать ее. В иконе надо расчистить, то есть укрепить, покрыть лаком то, что сохранилось, и в таком виде ее показывать. Я двадцать лет проработал во Всероссийском реставрационном центре и ушел оттуда потому, что был возмущен повальным дописыванием икон. Ведь что делают сегодня? Возьмите икону XV века — на ней 30 процентов живописи дописано. В результате через десять лет после такой реставрации все тонировки темнеют, лак на них разлагается, потому что олифа на новом грунте и на новых красках ведет себя совершенно по-другому, нежели на старых. Все начинает трескаться, проваливаться. Икона — это каноническое искусство, и потому даже маленький, но подлинный фрагментик XI или XV века дает больше, чем когда бы его допишете. Фрагмент этот пропадет, ибо у настоящих иконописцев масса своих законов, которые нельзя нарушать.

Повторю, древнюю, старую икону подделать невозможно. А вот картину Зверева подделать легко. И подделывают — и Кандиновский, и Шагал, и Малевич, и Зверева, то есть то, чего требует сегодня рынок. Ибо всякая подделка идет от заказчика.

Мне, человеку, всю жизнь работающему с музейными коллекциями живописи России, хотелось бы, чтобы подделок у нас в стране было как можно меньше. Ведь в наших запасах столько подлинников, столько истинных шедевров, до сих пор, к сожалению, не раскрытых, не доведенных до народа. И потому лучше всего — если нам всем суждено еще будет жить — энергию этих умельцев-поддельщиков, среди которых есть и настоящие мастера, употребить на восстановление, реставрацию этих вещей. Они заслуживают того, чтобы их видели люди.

Савелий ЯМЩИКОВ,
председатель Ассоциации реставраторов СССР

Многовековая история изготовления подделок произведений искусства — интересное и важное явление в истории культуры. Эта странная область человеческой деятельности вообще-то хорошо известна реставраторам и экспертам, в меньшей степени — широким общественным кругам, поскольку сообщения о ней в прессе появляются исключительно в связи с сенсациями или по случаю громких судебных процессов, когда, например, обнаруживается, порой случайно, что известное произведение искусства, украшающее какую-нибудь знаменитую галерею, — подделка.

Копии, например, не являются подделками, но в любой момент могут ими стать. Зададим вопрос, а является ли копия, сознательно превращенная в подделку, имитирующая эпоху, стиль художника, произведением искусства? И мы вынуждены дать на этот вопрос утвердительный ответ. Поддельщик — художник, и ничем с этим не поделаешь. Художественное впечатление от подделки может быть таким же сильным, как и от подлинника. Копия не может иметь и не имеет с подделкой ничего общего: не выполненная в таком же формате, что и оригинал, снабженная подписью великого мастера и проданная под видом оригинала, становится подделкой.

До 70-х годов нашего столетия самыми знаменитыми подделками были, несомненно, фальшивые картины Вермеера Дельфтского (1632—1675), подделанные Яном ван Мегереном. Почему поддельщик выбрал Вермеера, а не другого художника? Для чего создал столь совершенные подделки? Почему их при-

знали подлинниками лучшие знатоки голландской живописи? Множество вопросов возникало в связи с этой знаменитой историей, но ни на один из них в течение многих лет не было ответа. И только современная наука смогла окончательно прояснить спор о Мегерене.

Как хором утверждают критики и искусствоведы, Ян Вермеер Дельфтский, «создатель изысканных и рафинированных картин», является самым выдающимся наряду с Рембрандтом голландским живописцем. Из его творческого наследия сохранилось только тридцать картин, написанных на полотне или на дереве, преимущественно небольших размеров, около 50х45 сантиметров. Лишь немногие из них имеют большие размеры, достигая более ста сантиметров, как, например, «Мастерская» или «Аллегория Веры», для контраста же можно назвать «Кружевницу» — эта картина ни в одном параметре не достигает даже двадцати пяти сантиметров!

Единственные не вызывающие сомнения подписи этого художника находятся только на двух картинах — «Сцена у сводни» и «Астроном». Именно это отсутствие подписей, с одной стороны, а с другой — наличие на некоторых картинах апокрифических дат и подписей, а также многочисленные подделки затрудняют установление полного каталога произведений мастера. Не облегчает дела и весьма фрагментарно известная биография Вермеера.

Во время исследования картин из коллекции Геринга, по-видимому самого крупного «коллекционера» третьего рейха, голландские эксперты наткнулись на картину «Христос и грешница». Это был

несомненный Вермеер, прекрасная картина, одна из лучших, созданных мастером, и, что весьма существенно, до сих пор неизвестна.

Новый Вермеер был уже в руках у голландцев, но предстояло выяснить, как он оказался у Геринга? Ведь произведения Вермеера находились под охраной государства, и кто бы ни вывозил картину за границу, совершил бы преступление. А продажа ее оккупантам была по голландским законам коллаборацией. В работу включились следственные органы, и было предпринято тщательное расследование. Удалось установить фамилию продавца картины. Им оказался художник, живущий в Амстердаме, Ян ван Мегерен. Установив это, полиция нанесла ему визит, во время которого голландец был вынужден подробно ответить на несколько вопросов. Он был к этому готов и давал старательно обдуманные ответы. Угостил полицию ловко скроенной историей, совпадающей, впрочем, в общих чертах с тем, что установили сотрудники следственных органов. Ян ван Мегерен думал об этом в течение многих лет, так что нет ничего удивительного, что незваные гости отнеслись к его ответам с доверием. Он не сумел ответить только на последний вопрос — у кого он купил проданную картину, это решило дело.

Тридцатого мая 1945 года Ян ван Мегерен был арестован, а на следствии ему было предъявлено обвинение в сотрудничестве с врагами. Сроки, грозящие за сотрудничество и за подделку, существенно отличались. Логика подсказывала только одно разумное решение. Мегерен дал исчерпывающие показания, в которых он со всей откровенностью утверждал, что подделал четырнадцать произведений классической голландской живописи, из которых девять «пустил» в рыночный оборот. Он получил за них за вычетом выплаты посредникам гораздо больше, чем полмиллиона гульденов. Судебный следователь вынужден в конце концов поверить в правдивость объяснений ван Мегерена. Однако он требует, чтобы художник представил доказательства своих слов, написав новые «классические» шедевры. Мегерен выражает согласие. Разносится грандиозная сенсация. Мир искусства потрясен до основания, а авторитеты, то есть знатоки живописи, великие маршансы, директора музеев, поняли, как ненадежны их знания и какие трещины вдруг появились на их незапятнанных репутациях. И сделал все это один человек, которому на основании этих незапятнанных репутаций была выплачена огромная сумма денег. В частности, в 1938 году музей в Роттердаме, опираясь на гарантию доктора Бредиуса, международного авторитета в области живописи, приобрел за большую сумму денег картину Вермеера «Христос в Эммаусе» и «Последнюю ве-

черю». Следствие продолжалось два года. Процесс, который превратился в ареной показаний пристыженных свидетелей и скомпрометированных экспертов, закончился обвинительным приговором: год тюрьмы поддельщику картин.

Ян ван Мегерен родился в 1899 году в Девентере. У него было очень тяжелое детство, что, несомненно, оказало влияние на его характер. Необычайно суровый отец безжалостно боролся со склонностями мальчика к рисованию. Это возбуждало в нем желание мести, которое не покинет его вплоть до взрослой, самостоятельной жизни. Ван Мегерен испытывал различные удары судьбы. Неупорядоченный, разнузданный и расточительный образ жизни привел к тому, что о нем на время забыли, несмотря на его значительные успехи.

Как-то проведенной за пьянством бессонной ночью он был свидетелем того, как один из самых больших авторитетов в Голландии, знаток классических мастеров, корифей среди искусствоведов, доктор Абрахам Бредиус, определил как подделку подлинного Франса Хальса. Тогда же родилась идея подделывать какого-нибудь Ван Дейка, Хальса, Рубенса или Рембрандта, подсушить его на оценку одному или нескольким известным знатокам, а потом выступить и признаться в подделке.

Вспоминая старого учителя и минувшие года учебы в Дельфте, Мегерену пришло на ум имя одного из мастеров, родиной которого был этот город. Решение было принято. Нужно написать Вермеера, пойти с ним в Рейксмюсеум, а потом публично восторгаться. «Этого Вермеера сделал я — Ян ван Мегерен!» Это была дорога к признанию, славе, о которой он мечтал, к деньгам, которых ему вечно не хватало. Как подумал, так и сделал.

Спор, являются ли подделками все или только некоторые картины ван Мегерена, начался уже во время процесса и длился много лет. Основывался он на следующих аргументах: «Раз компетентные эксперты признали картины Вермеера, а фактически Мегерена почти «божественными вершинами искусства», а теперь те же самые картины они оценивают как бездарную дешевку с «застывшими, деревянными фигурами» без глубины пластики и перспективы, то нет причин полагать, что теперь они их рассмотрели лучше, чем вначале!»

Последнюю главу этой захватывающей истории дописал единственный оставшийся в живых по

сегодняшний день судебный эксперт с процесса ван Мегерена, профессор Фронтессе, который (совместно с другими химиками), используя самые современные методы криминалистики, исследовал пробы красок, взятых со всех картин ван Мегерена, и установил, что в его красках содержится полимеризовавшаяся синтетическая смола фенолформальдегида. Эта субстанция идентична найденной в мастерской ван Мегерена. Так что вывод группы экспертов очевиден. Все исследованные экспертами картины были подделками.

В 1977 году итальянская полиция ликвидировала большую преступную группу. Было задержано тысяча триста тридцать полотно, из которых четыреста были уже подготовлены на продажу. Было арестовано около двадцати человек, в том числе и владельцы галерей, сотрудничавшие с поддельщиками, поскольку им легче всего продавать подделки при помощи экспертов с соответствующим положением в обществе, имеющих профессиональную репутацию и поддерживающих контакты с богатыми людьми.

Главным объектом подделки итальянских гангстеров было творчество сюрреалиста греко-итальянского происхождения де Кирико, девяностолетнего больного старца, проживающего в Риме. Банда поддельщиков также картины других современных итальянских художников: Карра, Розан, Фонтана, Този, Северини. Используя спрос на этого типа живописи, они продавали подделки за суммы от четырнадцати до девяноста миллионов лир.

О высоком качестве подделанных картин Кирико свидетельствовало то, что знаменитый художник отказывался подтвердить или отвергнуть авторство показанных ему картин, хотя ему из-за этого приписывали злобедность и чудачество. Раскрытие группы поддельщиков вызвало переполох на итальянском рынке искусства, а самые нервные маршансы, как, например, миланские торговцы картинами отец и сын Пескало, которых, впрочем, полиция считала стоящими во главе банды поддельщиков, предпочли сразу же бежать в Швейцарию. Итальянская пресса и министерство культуры оценили, что де Кирико понес из-за этого финансовые потери на тридцать миллионов лир. А остальные?

Итальянский министр культуры даже предлагал, чтобы все художники оставляли на своих картинах отпечатки пальцев, что, по его мнению, могло предупредить постоянное подделывание. Идея кажется прекрасной, но неизвестно, что еще есть в запасе у мошенников.

Под конец августа 1976 года в Лондоне, довольно сонном в эту пору, произошла сенсация. Бывший маляр и реставратор картин Том Китинг создал частную пресс-конференцию и заявил в присутствии более ста журналистов, что

английские картинные галереи и музеи переполнены картинами, считающимися произведениями выдающихся художников, которые в действительности написал он сам.

— Я писал эти картины и продавал их не для денег, а только для того, чтобы доказать, что мой талант недооценен, — объяснил Китинг. — В молодости я был вынужден дважды сдавать экзамен в высшую художественную школу, но меня так и не приняли. Теперь вы видите, что все эти эксперты и великие владельцы галерей — самые обычные дилетанты и грош им цена.

Далее подельщик с безоруживающей откровенностью признал, что не помнит, сколько картин он написал за последнее время, но точно помнит, что начал копировать произведения известных художников двадцать пять лет тому назад. На вопрос, кого он предпочитал в своей «творческой деятельности», Китинг ответил: Рембрандта, Гойю, Ренуара и некоторых других. То есть всю плеяду великих мастеров кисти. В качестве примера Китинг сообщил, что за его «Самюэля Пальмера» на одном из лондонских аукционов было заплачено пятнадцать тысяч фунтов! Причем — о, ужас! — ни одна подлинная картина этого художника никогда не достигала такой цены.

Чтобы добить недоверчивых, которые обладели «подлинниками» его изготовления, Китинг коротко заявил:

— Вы можете легко их узнать. Прежде чем написать картину, я оставлял на полотне свои знаки. Хотите знать какие? Очень просто. Достаточно просветить их рентгеном, и вы прочтете мою визитную карточку. — Тут Китинг назвал несколько не слишком приличных слов, которые он писал на полотне. Чаще всего это было «говно». — К этому, — дополнил свою информацию мошенник, — я иногда добавлял свою фамилию...

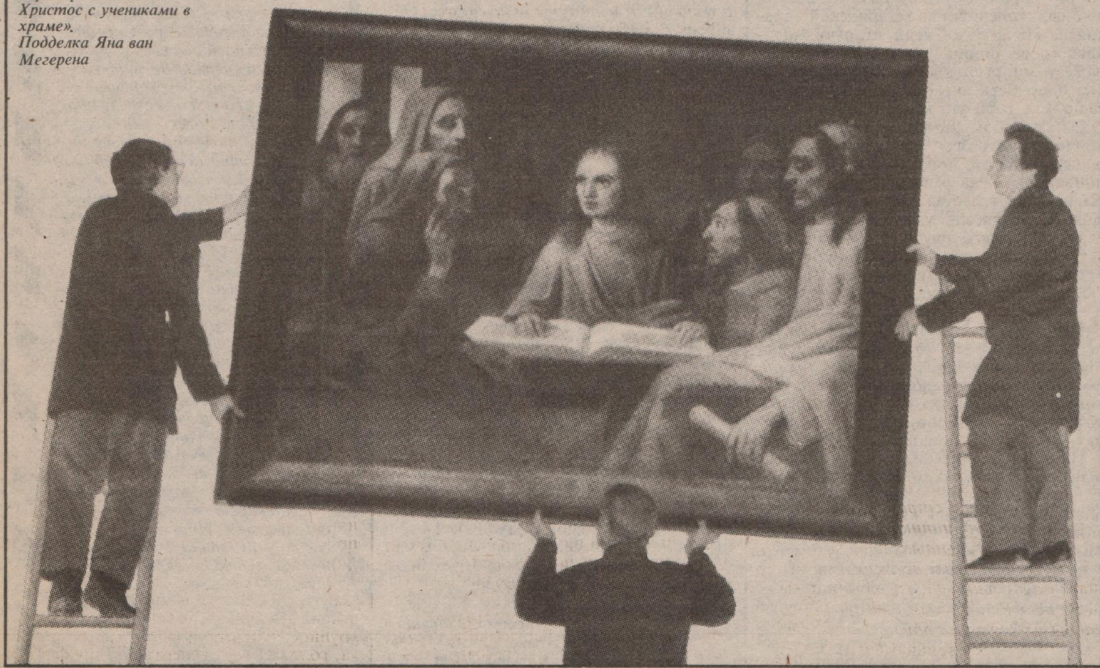
Как будто бы сказанного на пресс-конференции было мало — Китинг в следующем году издал свою автобиографию. Книга пользовалась сногшибательным успехом. В ней он описал многие подробности, способы и технику подделывания самых известных мастеров, а также методы распространения своих произведений по всему миру. Доходное и нехлопотливое занятие стало постоянным после того, как он подделал в пятидесятых годах более двухсот полотен канадского художника Корнелия Крайгхофа. Ему сразу повезло — эксперты признали их «произведениями мастера, найденными благодаря случайной находке». Они попали на аукцион, а потом в частные коллекции и музеи.

Признания Китинга придают пикантность обнаруженным подробностям кухни не только подделывания, но и обычной, домашней кухни, которой он сам занимался. Оказалось, что для подделок он использовал самые простые и дешевые средства, в частности разнообразные соусы, быстрорастворимый кофе, корицу и тому подобные компоненты, при помощи которых он подделывал работы таких художников, как Рембрандт. Картины импрессионистов он подделывал, мешая плакатные краски с эмульсионными, теми, что применяются в строительстве, с добавлением белка и тому подобных ингредиентов.

Поскольку Том Китинг сам рассказывал о своих занятиях, и притом весьма подробно, Скотленд-Ярд возбудил против него дело. Остальные захватывающие подробности своей деятельности Китинг, вероятно, приберет на будущее или забыл о них, так как его почтенный возраст позволял предполагать некоторую рассеянность. По этой же причине он не был арестован.

В 1979 году, то есть через три года после открытия столь же ошеломительной, сколь и остроумной аферы с подделками, Том Китинг предстал перед лондонским судом. К разочарованию всех присутствующих, он сделал только одно лаконичное заявление: «Я невиновен», после чего отказался давать показания. Несмотря на это, «немой» процесс возбудил всеобщий интерес, и все средства массовой информации решили прокрутить еще раз это дело со всеми подробностями. Благодаря этому еще раз обсуждался общеизвестный факт, что с момента начала ведения дела Скотленд-Ярд обнаружил только каких-нибудь шестьдесят картин, которые Ки-

Вермеер. «Молодой Христос с учениками в храме». Подделка Яна ван Мегерена

тинг — к радости журналистов — определил как «пустячную разминку», утверждая, что его истинные шедевры еще долго будут служить украшением музеев и коллекций и никто не будет знать, кто на самом деле их автор.

Общественное мнение считало, что Китинг — «остроумный и способный мальчик». Все признавали, что Китинг наделен огромным талантом, а доказательством этому служило то, что со времени процесса картины Китинга непомерно поднялись в цене. Впрочем, он работал необыкновенно быстро, и иногда в течение дня из-под его кисти выходило по несколько полотен. Быстро, с которой он работал, ставила в тупик экспертов и искусствоведов. Убедиться своими глазами, как это делается, британские телезрители могли в 1978 году. В одной телепрограмме Китинг подделывал Пальмера за тридцать минут! При этом он импонировал зрителям умением делать несколько дел одновременно. Рисуя, он попивал виски и произносил монолог об искусстве.

Китинг всегда утверждал, что он изготавляет подделки не для денег, а для того, чтобы скомпрометировать некоторых акул в области торговли произведениями искусства, которые получают огромные доходы, паразитируя на наивности и невежестве клиентов.

— Поэтому, — говорил Китинг, — я объявил им войну и завалил лондонские картинные галереи своими подделками.

И в основном можно было бы поверить в его бескорыстие, если бы не Джейн Морис, приятельница художника, на тридцать лет его моложе. Ее объяснения — единственные, противоречащие словам Китинга, что он не стремился к большим доходам. На суде она дала показания, что сама носила подделки торговцам и получала за них значительные суммы. Так, за несколько «Пальмеров» она получила около десяти тысяч фунтов. «Он радовался, как ребенок, — говорила Джейн Морис, — подбрасывал деньги вверх, ходил по ним и говорил, что когда-нибудь у него будет «фунтовый» ковер».

Единственной реакцией Китинга была усмешка, которой он, впрочем, награждал всех окружающих и которая вызвала симпатию — за ним укреплялась репутация шутника.

Кто знает, о чем на самом деле думал Китинг, создавая свои замечательные подделки? Мошенник он или шутник? Наверно, никто не сможет дать определенный ответ. Еще один персонаж для энциклопедии подделок.

Два слова о подделывании произведений знаменитого Сальвадора Дали. Когда полиция обратила внимание в одном из антикварных магазинов в Барселоне на двадцать две подделки, выдаваемые за его произведения, то в качестве эксперта был приглашен сам художник. Дали заявил, что подделки отличная и картины могли бы считаться его собственными. Владелец уже приготовился देने из них на продажу, оценив их — пустяком! — на миллион песет каждую. Единственное возражение мастера касалось именно цены — по его мнению, слишком низкой. Эта история, происшедшая в 1979 году, получила неожиданное продолжение через четыре года. Шестидесятилетний испанский художник Мануэль Пухола Баладас признался на страницах мадридского еженедельника «Камбис 16», что подделывал произведения Дали. По утверждению Баладаса, он делал это по заказу бывшего секретаря Дали Энрике Сабатери и с согласия жены мастера Гали. Он заявил, что с 1979 по 1981 год выполнил четыреста поддельных акварелей, рисунков и литографий, а также около трехсот полотен маслом.

Причиной выполнения этих подделок — впрочем, замечательных, по мнению самого Дали, — было постоянное усиление болезни Паркинсона, которая мучила мастера уже давно; из-за нее он не мог работать.

Гали и Сабатери часть подделок продали, а остальные сохранили на будущее, в ожидании смерти великого творца. Дали умер в 1988 году, и цены на его работы действительно сразу резко поднялись.

При описании фокусов с подделками и мошеннических махинаций покровителей этих фокусов неизбежно возникает вопрос: кто был или, если угодно, кого

следует считать чемпионом всех времен в этой области? Ответ найти хотя и нелегко, но можно. После второй мировой войны жил человек, который превосходил всех до той поры известных мастеров подделки. Гений этого жанра! Рядом с ним бледнеют прогрессивные на весь мир аферы ван Мегерена, Мальска, Отто Вакера и многих других, о ком мы не успели рассказать. Эти золотые руки были даны обидчивому венгерскому аристократу Эльмиру де Ори. Его история известна прежде всего благодаря деятельности его злого гения, великого обманщика и афериста всех времен, всех проделок которого описать просто невозможно, Фернана Легра. Именно он в такой степени подчинил себе Эльмира де Ори, так подавил его личность, что мог эксплуатировать его талант. Это закончилось катастрофой и привело к полному падению талантливого художника.

Личность Фернана Легра, прекрасное знание людей, с которыми ему приходилось иметь дело, замечательные и изумительные идеи, все, что он изобретал, чтобы представить доказательства продаваемых произведений искусства, так ошеломительно и неправдоподобно, что французский писатель Роже Пейрфитт решил написать об этом обманщике книгу. Она стала бестселлером сезона.

Вот только несколько примеров ловкости Легра при устройстве такого рода дел. Один из выдающихся знатоков творчества Тулуз-Лотрека, американский маршан Вильденштейн, во время приема у одного миллионера увидел на стене картину этого художника и определил, что это подделка. Разумеется, доставил эту картину Легра. Вздвигнутый миллионер вызвал к себе Легра и пригрозил ему всеми возможными последствиями. Тот, однако, не утратил душевного равновесия. Спокойно он вернулся миллионеру двести пятьдесят тысяч долларов, щедро добавил десять процентов за неиспользование «замороженного капитала». После этого он немедленно нанес визит другому богачу, к которому был как раз приглашен на обед. Тот недолго думая купил сомнительное полотно... за полмиллиона долларов! Когда через некоторое время Легра встретил своего первого клиента, тот снова начал его упрекать: «Вы издеваетесь надо мной вместе с этим Вильденштейном, который раскрывал мою картину. Я подаю на вас в суд вместе с вашим компаньоном и потребую возврата украденных у меня двухсот пятидесяти тысяч долларов!»

Легра был непревзойденным мастером втираться в доверие. Об этом свидетельствует то, как он использовал, например, свое знакомство с Пикассо. Это был ловчайший трюк! Приведем цитату из книги Пейрфитта: «Величайшим из живущих художников, с которым Легра поддерживал близкие отношения, был Пикассо. Каждый раз, навещая его в одной из провансальских мастерских, Легра дарил ему картину испанской школы, купленную на мадридской барахолке. Пикассо обожал старую живопись своей родины и всегда умилялся над этими рыночными богатомами. В благодарность он рисовал или дарил свою уже готовую картину. Этим простым способом Легра вручал Пикассо подарок за тысячу франков, а возвращался от него с подарком за сто тысяч долларов! Когда речь заходила о получении свидетельства для какой-нибудь картины Пикассо, художник обычно интересовался, как оценивается его творчество, спрашивая Легра: «Сколько ты за это заплатил?» Тот отвечал: «Пятьсот тысяч долларов». Удивленный художник выставлял свидетельство подлинности. Он никогда не интересовался, действительно ли это подлинник, спрашивал только о цене... Если бы ему принесли на подтверждение одну из его картин с сообщением, что она стоила двадцать тысяч долларов, он бы отказался дать свидетельство подлинности».

Подобным образом Легра удалось вкратце в доверие и завоевать симпатию жены старого и уже больного Кеса ван Донгена. Жена художника дарила мошенника таким безграничным доверием, что поручила ему после смерти мужа составление полного каталога его произведений, так что у обманщика не было ни малейших трудностей в получении от нее аттестатов на поддельные картины ван Донгена. Легко себе вообразить, какие прибыли черпал Легра

из этих возможностей.

Фернан Легра, небогатый француз, родившийся в Египте, весьма слабый танпюр, довольно долго удерживавшийся в одной из французских балетных трупп благодаря своим связям в мире искусства и знакомствам с воротиллами делового мира, при помощи торговли картинами сколотил огромное состояние. Одному только тухасскому мультимиллионеру Милоусу, ныне покойному, Легра продал более сотни картин, приписываемых мастерам парижской школы, среди которых тридцать две, приобретенные мультимиллионером за более чем шестьсот тысяч долларов, оказались поддельными. Среди них были поддельные «Пикассо», «Модильяни», «Ренуары», «деревня», «диофи» и «кляминки».

Легра удалось завоевать полное доверие не только американских мультимиллионеров и многих художников, но также и президентов «банановых республик», людей мира политики. С этими последними связано одно из величайших мошенничеств в мире в области торговли предметами искусства.

Премьер Японии Эисаку Сато, занимавший эту должность в период процветания Фернана Легра, мечтал обогатить японские музеи коллекцией картин французских живописцев эпохи импрессионизма и постимпрессионизма. Легра был к этому времени таким известным маршаном, что ответ на вопрос, кто может устроить такую сделку, был только один: «Разумеется, месье Фернан Легра». За двадцать миллионов долларов премьер Японии приобрел двести полотен для музеев Токио и других городов Японии. Однако Сато поставил одно принципиальное условие. Он требовал солидного свидетельства от кого-либо из великих знатоков живописи этого периода. Что ж, такая «мелочь» не могла стать препятствием для гениального «фармазона». Легра осенила замечательная идея: он предложил устроить большую выставку живописи в Токио и пригласить на нее выдающегося знатока-искусствоведа, тогдашнего министра культуры Франции Андре Мальро.

Когда Мальро приехал с официальным визитом в Японию, он и не подозревал, какие коварные цели кроются за этим приглашением, подсказанным Легра. Осматривая выставку, он не приглаждался к экспонатам, ему не приходило в голову, что это могут быть подделки. Прогуливаясь в обществе премьера Японии по галерее, Мальро с грустью смотрел на вывезенное с берегов Сены богатство. В какой-то момент он только вздохнул и с обидой заметил: «Как такие шедевры могли покинуть Францию!» Этого только и ждал Легра. Для премьера Сато этого свидетельства оказалось достаточно.

В первые дни января 1968 года швейцарская полиция арестовала Фернана Легра, разыскиваемого Интерполом по требованию французской полиции. Обвинение: «Продажа под видом подлинников поддельных картин, подписанных именами известных импрессионистов, постимпрессионистов и мастеров парижской школы». Не помог ни фальшивый паспорт, ни переодевание. Скрываясь в третьеразрядной гостинице, Легра вел себя так, будто живет в «Хилтоне». Он слишком привык к великосветским манерам.

После многих пертурбаций, освобождений и задержаний в июне 1979 года парижский трибунал закончил разбирательство по делу Фернана Легра. Судебное разбирательство тянулось недели, ход его изобличал многими комическими сценами, привлекая, как хороший спектакль, парижскую богему и огромные толпы журналистов.

Что погубило Легра? Как обычно, в таких случаях — алчность и отсутствие меры. Во-первых, он продал еще не оконченную подделку, во-вторых, Эмиль де Ори хотел прославиться, но не как фальсификатор, а как художник со своим именем.

Какие комментарии можно дать к этой истории? Самой подходящей была бы тут латинская сентенция: Mundus vult decipi, ergo decipiatur — мир хочет быть обманутым, пусть так и будет!

ПОЧТА
«СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО»

Обращаюсь к вам со своей огромной болью: мой шестнадцатилетний сын Андрей Кулешинов заболел лейкемией. Это результат чернобыльской беды, обрушившейся на наш народ. В настоящее время он находится на лечении в Гематологическом центре 1-й клинической больницы г. Минска. Однако наибольшие успехи в лечении лейкемии достигнуты в Германии, США, Австрии, Японии. Для того чтобы послать сына на лечение, необходима валюта.

Ваш ежемесячник пользуется огромной популярностью не только в нашей стране, но и за рубежом, и именно потому я обращаюсь к вам.

Если бы вы сочли возможным опубликовать на страницах вашего издания мою просьбу ко всем людям доброй воли помочь моему сыну, я бы была премного вам обязана и благодарна.

Помогите спасти моего сына! Живой нуждается в вашем милосердии!

Валютный счет 000707901 во Внешэкономбанке БССР для Кулешинова Андрея Алексеевича.

Андрею только 16 лет. Его еще можно спасти! Люди добрые, отзовитесь!

С искренним уважением и надеждой

Наталья Ивановна КОРОЛЮК

Мой адрес:
220068, Минск,
ул. Орловская, д. 2, кв. 41
т. 34-37-46

Как автору мне было лестно увидеть опубликованным в вашем ежемесячнике (1990, № 12) очерк «Мистика в американском посольстве в Москве». Обескураживало, однако, что этот материал был напечатан без моего ведома, подписан лицом, не имеющим к авторству никакого отношения, а текст представлял собой черновую редакцию моего очерка «Великий бал у Сатаны», опубликованного в журнале «Наука и жизнь», 1990, № 10. Это несколько огорчительно, так как напечатанный вариант шестилетней давности содержит исторические ошибки и пробы. Например, установлено, что прием в посольство США происходил не в 1933-м, а в 1935 году, опубликованы дневники Е. С. Булгаковой с его описанием; упоминание «двух последних гостей» в романе «Мастер и Маргарита» относится не к С. М. Кирову, а к Н. И. Ежову и др.

Думаю, это необходимо довести до сведения ваших читателей и рекомендовать им обратиться к публикации в журнале «Наука и жизнь». Полный текст очерка выходит в свет в 1991 году в моем сборнике «Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 заговоров Михаила Булгакова», издательство «Книжная палата».

Леонид ПАРШИН

Перевод с польского
Ирины ОБУХОВОЙ
и Евгении ПРИЗЕНТ

Эта книга, отрывок из которой мы предлагаем вашему вниманию, никогда не публиковалась в Советском Союзе. Ее автор, Эрих Кемпка, был личным шофером Адольфа Гитлера. Воспоминания вышли в 1950 году в мюнхенском издательстве «Кирбург». Книге было предпослано следующее предисловие:

«Фюрер прибыл на подводной лодке в Индулинде!»

«По сообщениям, которые должны еще быть проверены, испанский аристократ Франкос прячет бывшего рейхсканцлера Гитлера в одном старом замке в горах близ Севильи!»

«Одна бомбейская газета сообщает, что бывший германский рейхсканцлер живет в ламаистском монастыре в Тибете!»

Подобные сообщения все еще появляются в газетах Нового и Старого Света. И как арабы до сих пор надеются, что Магомет еще раз вернется на землю, чтобы вместе с великим иерусалимским муфтием создать великую арабскую империю, точно так же тысячи людей в Германии еще мечтают о новой «сказке Кифгейзера»¹.

Несмотря на ряд сообщений, уже опубликованных в печати, мистический мрак, окутывающий смерть этого человека, все еще не рассеялся, а это опасно — особенно для мира немецкого народа.

Поэтому издательство решило предоставить слово одному из немногих оставшихся в живых людей, принадлежавших к ближайшему окружению Адольфа Гитлера. Возможно, что теперь, с точки зрения истории, он является единственным человеком, имеющим право рассеять этот мрак.

В отличие от других людей, окружавших бывшего рейхсканцлера и стоявших близко к нему, Эрих Кемпка — совершенно неполитическая личность. Во время своей долголетней, весьма ответственной деятельности в качестве личного шофера и, следовательно, постоянного спутника Адольфа Гитлера он одновременно выполнял руководящую работу, которая сама по себе должна была отнимать у человека все его время. Подчиненный ему автомобильный парк «фюрера и рейхсканцлера» насчитывал примерно 120 автомашин, которые обслуживали 400 человек. Кемпка получил звание оберштурмбанфюрера войск СС².

Совершенно достоверно установлено и подтверждено на Нюрнбергском процессе, что он вместе с личным адъютантом Адольфа Гитлера, своим товарищем — штурмбанфюрером СС Гюнше, сжег труп Адольфа Гитлера и его жены.

Предложенная нам рукопись Эриха Кемпки основана на записках в дневнике, который он вел в эти годы. Автор избегает каких-либо высказываний о политических действиях и решениях «шефа». Но именно поэтому публикуемое свидетельство Кемпки кажется издательству документом, имеющим более существенное значение, чем заявления политических деятелей, которые судят об исторических событиях односторонне, с точки зрения своей партийной позиции.

Великую трагедию немецкой судьбы в ее тесной связи с личностью Адольфа Гитлера сможет правильно оценить только потомство. Но, несомненно, теперь можно сказать, что немецкий народ имеет право на то, чтобы узнать, как погасла в дни штурма Красной Армии Берлина жизнь этого человека, так сильно повлиявшего на судьбу Германии.

¹ Кифгейзер — гора в Германии. Согласно легенде в пещере на этой горе находится император Фридрих Барбаросса, который в свое время выйдет из нее, чтобы спасти Германию. — Прим. ред.

² Ранг, соответствующий рангу подполковника в армии. — Прим. ред.

Я СЖЕГ адо́льфа Гитлера

Эрих КЕМПКА

Полдень 30 апреля 1945 года. В районе имперской канцелярии и правительственного квартала непрерывно рвутся снаряды русской артиллерии. Сражение становится все более ожесточенным. С грохотом рушатся дома; улицы вокруг имперской канцелярии постепенно превращаются в каменную пустыню.

«Фюрер» попрощался со всеми присутствующими, каждому пожал руку и поблагодарил за службу и верность ему.

Секретарши фрау Юнге и фрау Христиан, а также диетическая повариха фрейлен Манциази были приглашены к обеду. Рядом с Адольфом Гитлером сидела его жена.

Как в лучшие дни, он старался вести непринужденную беседу и для каждого у него находилось слово.

Едва только был закончен этот последний обед и три дамы удалились, «фюрер» через своего адъютанта Гюнше снова позвал их к себе.

Стоя с женой на пороге своей комнаты, он попрощался с ними еще раз. Фрау Гитлер обняла женщин, на протяжении долгих лет бывших сотрудницами «фюрера», и еще раз пожала им на прощание руку.

Гитлер попрощался также с Борманом и своим адъютантом Гюнше. Адъютант Гюнше еще раз получил строгий приказ тотчас же связаться со мной для того, чтобы заготовить достаточно бензина для сожжения трупов Гитлера и его жены. Объясняя это, «шеф» сказал своему адъютанту:

— Я не хочу, чтобы после моей смерти русские выставили меня в своем паноптикуме.

Я в это время находился в мало пострадавшем помещении подземного гаража. Я только что пришел, чтобы позаботиться о смене постов. В этот момент раздался телефонный звонок. Я снял трубку.

У аппарата был Гюнше.

— Эрих, мне обязательно надо выпить! Нет ли у тебя бутылки шнапса?

Я был удивлен этим вопросом. В эти дни всем нам было не до выпивки.

Снова раздался голос Гюнше.

— Нет ли у тебя чего-либо выпить? Что случилось с Гюнше? Видимо, что-то не в порядке. Ну, я об этом сейчас узнаю, подумал я, так как Гюнше заявил, что он немедленно придет ко мне. Я приготовил бутылку коньяку.

Я ждал. В чем же дело? Гюнше не появлялся. Я не знал, откуда он звонил мне и где я могу найти его.

Прошло полчаса. Снова зазвонил телефон. У аппарата снова был Гюнше. Возбужденным хриплым голосом он сказал:

— Ты должен немедленно доставить для меня 200 литров бензина!

Вначале это показалось мне неучающей шуткой, и я пытался ему объяснить, что он требует от меня невозможного.

Но он теперь почти кричал:

— Бензина! Эрих, бензина!

— Для чего тебе 200 литров бензина?

— Я не могу сказать тебе этого по телефону.

Пойми, я должен иметь бензин! Послушай, Эрих, я должен иметь бензин немедленно у входа в бункер, даже если бы тебе пришлось для этого перевернуть весь мир!

Я сказал, что могу достать бензин только в Тиргартене, где закопаны бочки с несколькими тысячами литров горючего. Но не могу же я посылать для этого своих людей на верную смерть, так как туда из-за сильного огня тяжелой артиллерии совсем нельзя пробраться.

Я просил его:

— Подожди хоть до семнадцати часов, к тому времени обстрел утихнет. Уж столько-то времени можно подождать?

Но Гюнше стоял на своем.

— Я не могу ждать и одного часа. Попробайся достать бензин из баков разбитых автомобилей. Сейчас же присылай своих людей с бензином к выходу из бункера «Фюрера» или сюда сам!

Гюнше повесил трубку.

Большая часть машин в подземном гараже еще не сгорела, но они были разбиты и придавлены обрушившимися потолками.

Торопясь, я приказал своему заместителю взять несколько человек и тотчас же приступить к работе, а потом доставить к указанному месту канистры с бензином.

Сам я поспешил, пробираясь через развалины, мимо разбитых машин, к Гюнше, чтобы узнать, что же случилось.

В тот момент, когда я вошел в бункер, Гюнше выходил из рабочего кабинета Гитлера, так что мы встретились в приемной.

Его лицо изменилось до неузнаваемости. Смертельно бледный, он уставился на меня.

— Ради бога, Отто, что же случилось? — вскричал я. — Ты, видимо, сошел с ума, если требуешь, чтобы я при таком обстреле доставил тебе сюда бензин и ради этого пожертвовал жизнью полдюжины своих людей!

Казалось, Гюнше не слышал моих слов, он бросился к дверям и закрыл их.

Затем он повернулся, посмотрел на меня широко раскрытыми глазами и сказал:

— «Шеф» умер!

Меня как будто ударили обухом по голове...

Я засыпал его вопросами:

— Как это могло случиться? Ведь только вчера я говорил с ним! Он был здоров и полон сил!

Гюнше был настолько потрясен, что не нашел слов для ответа. Он только поднял правую руку, имитируя выстрел в рот.

— А где же Ева? — спросил я, глубоко потрясенный.

Гюнше показал рукой на закрытую дверь кабинета «шефа»:

— Она с ним.

Лишь постепенно и с большим трудом узнал я, как все это произошло.

«Шеф» застрелился в своем рабочем кабинете из револьвера выстрелом в рот и упал головой на стол.

Ева Гитлер сидела, прислонившись к спинке дивана, рядом с ним. Она отравилась. Однако и у нее в руке был наготове револьвер. Правая рука ее свисала со скамьи, револьвер лежал на полу рядом.

— Борман, Лингз и я слышали выстрел и бросились в комнату. Доктор Штумпфеттер пришел для осмотра. Позвали Геббельса и Аксмана...

Эти слова Гюнше ошеломили меня.

— Кто у него сейчас?

— Геббельс, Борман и Лингз, и еще доктор Штумпфеттер — он констатировал их смерть. Аксман уже ушел.

В этот момент один из моих людей вошел в приемную и доложил, что к входу в бункер доставлено 160—180 литров бензина.

Я отослал его обратно. В этот момент дверь в комнату Гитлера открылась.

— Бензин! Где бензин? — закричал с отчаянием личный ординарец Гитлера, Лингз. Я ответил:

— Бензин приготовлен!

Лингз бросился обратно в комнату. Через несколько секунд дверь снова открылась.

Доктор Штумпфеттер и Лингз несли завернутый в темное солдатское одеяло труп Адольфа Гитлера. Лицо «шефа» было закрыто до самой переносицы. Сквозь сильно поседевшие волосы белел мертвенно бледный лоб; левая рука выскользнула из одеяла и свисала вниз.

Следом Мартин Борман нес Еву Гитлер. Она лежала у него на руках в легком черном платье. Ее голова с белокурыми локонами откинулась назад. Эта картина потрясла меня еще больше, чем вид

моего мертвого «шефа». Ева ненавидела Бормана. Она претерпела от него много обид. Его интриги в борьбе за власть давно уже были известны ей. И вот теперь ее, мертвую, нес к последнему пристанищу ее величайший враг. Нет, ни одного момента не должна она оставаться на руках у Мартина Бормана!

Я сказал Гюнше:

— Помоги нести «шефа», а я возьму Еву. — Я подошел к Борману и молча взял труп Евы у него из рук.

Ее левый бок был влажен. Я подумал, что она тоже застрелилась. (Позднее Гюнше сказал мне, что, когда «шеф» упал головой на стол, опрокинулась ваза, и вода пролилась на Еву.)

Я не учел, что к выходу из бункера надо подняться на двадцать ступенек. Силы отказали мне, и я должен был остановиться. На половине лестницы Отто Гюнше пришел мне на помощь. Мы вместе вынесли труп Евы Гитлер.

Было два часа дня. Территория имперской канцелярии находилась под сильным обстрелом. В непосредственной близости рвались русские снаряды. Бесчисленные фонтаны земли поднимались вверх. В воздухе стояла цементная пыль.

Доктор Штумпфеттер и Лингз быстро положили на землю труп «шефа», примерно в трех метрах справа от входа в бункер. Рядом стояла большая бетономешалка, которую в свое время привезли для того, чтобы усилить бетонное перекрытие бункера «Фюрера» еще на метр.

Гитлер лежал, завернутый в одеяло, ногами к бункеру — так, как его положили. Одеяло, на котором его несли, так и не сняли. Длинные черные брюки задралась вверх. Правая ступня, как и при жизни, была повернута внутрь. Я часто замечал, что он держал так ногу, когда, усталый, сидел рядом со мной в машине.

Гюнше и я опустили Еву Гитлер наземь рядом с ее мужем. В спешке мы положили ее труп под углом к трупу Адольфа Гитлера.

Вокруг нас рвались русские снаряды; казалось, будто в этот момент интенсивность обстрела имперской канцелярии и бункера «Фюрера» удвоилась.

Я бросился назад в бункер, чтобы отойти и переждать, пока артиллерийский огонь утихнет. Потом я схватил бак с бензином, выбежал из бункера, поставил его рядом с трупами и, быстро нагнувшись, поправил левую руку Гитлера, пододвинув ее ближе к телу. Его волосы развевались на ветру.

Я сорвал пробку с бака.

Снаряды разрывались совсем рядом. Пыль и грязь покрывали нас. Вокруг свистели осколки.

Спасаясь от обстрела, мы снова бросились в бункер.

Нервное напряжение достигло предела. Мы нетерпеливо выжидали момента, когда разрывы снарядов станут реже, чтобы облить трупы бензином.

Низко приглубаясь, я снова выбегаю наружу, хватаю бак с бензином. Только потому, что я сознаю, что это последний приказ Гитлера, ценой огромных усилий мне удастся заставить себя вылить бензин на трупы.

Меня охватывает дрожь. Были моменты, когда я не мог совладать с собой.

«Я не могу этого сделать!»

И все же в эти моменты чувство долга помогает мне пересилить себя. Рядом со мной Гюнше и Лингз выполняют свой последний долг перед Гитлером и его женой. Ветер играл одеждой мертвых, пока она не намокла от бензина.

Гюнше и Лингз — это было видно по их лицам — также переживали внутреннюю борьбу, исполняя последний приказ Гитлера.

Снаряды продолжали рваться, и нас то и дело обдавало землей. Забыв о смертельной опасности, я вытаскивал из бункера один бак с бензином за другим, чтобы как следует подготовить последний акт этой трагедии. В свое время, когда бетономешалка еще работала, рядом с ней образовалась канава, в которой и лежали трупы. В этой канаве собрался вылитый мною бензин, и одежда трупов пропиталась им.

Мы еще раз бросились в бункер за новыми баками с бензином. Но тут артиллерийский огонь настолько усилился, что выйти из бункера было невозможно. Только чудо убергло нас в тот момент от гибели.

У входа в бункер, рядом с нами, выполнявшими эту страшную работу, стояли доктор Геббельс, Борман и доктор Штумпфеттер. Никто не смел в этот момент покинуть бункер. Снаружи был ад!

Однако как же нам зажечь бензин?

Предложение поджечь его гранатой я отклонил. Случайно мой взгляд упал на большую тряпку, которая валялась рядом с пожарными шлангами у выхода из бункера.

— Вон тряпка! — крикнул я возбужденно.

Гюнше бросился и схватил ее. Открыть бак и смочить тряпку бензином было делом одной секунды. Тряпка быстро пропиталась горючим.

— Спичку!

Доктор Геббельс достал коробку из кармана и протянул ее мне. Я чиркнул спичкой и поджег тряпку. Едва огонь вспыхнул, я бросил горящий шар, и он, описав дугу, упал на трупы, политые бензином.

Мы смотрели на них широко раскрытыми глазами.

Через секунду вверх взметнулось огромное пламя

и поднялось облако черного дыма.

Зловещее зрелище представлял собой этот огромный столб дыма на фоне горящей столицы.

Словно окаменев, смотрели на эту картину доктор Геббельс, Борман, Штумпфеттер, Лингз, Гюнше и я.

Огонь медленно пожирал трупы.

Все мы, шесть человек, в последний раз прощались с «шефом» и его женой. Затем, глубоко потрясенные ужасом всего происшедшего, мы спустились в бункер.

Бензин догорал. Между тем трупы еще даже не обуглились, и, поскольку подливать бензин в еще не потухший костер было невозможно, приходилось выжидать, пока огонь не погаснет, а потом снова поливать трупы бензином и поджигать его. Русская артиллерия не прекращала обстрел, и казалось, что сжечь трупы так, чтобы они обратились в пепел, нам не удастся.

Сожжение трупов длилось с 14 и примерно до 19.30 часов вечера. В труднейших условиях мне удалось с помощью моих людей достать еще несколько сот литров бензина.

Когда мы возвратились в бункер, там собрался весь штаб. Многие снова выходили наверх, чтобы отдать последний долг «шефу» и его жене. У таких закаленных в боях людей, как командант правительственного квартала бригадефюрер Монке, генерал полиции Раттенгубер, и других по щекам текли слезы.

Хотя для многих из нас происшедшее не было неожиданностью, когда это стало свершившимся фактом, мы чувствовали себя ошеломленными. Спокойствие, царившее здесь при любой обстановке, со смертью Адольфа Гитлера исчезло. Все было возбуждено, никто не знал — что же будет дальше? Страх, казалось, овладел всеми.

Первый взял себя в руки доктор Геббельс.

— Борман, Бургдорф, Крейс, Монке, прошу вас на совещание — обсудим создавшуюся обстановку!

Мы с Гюнше еще раз прошли в комнату, где застрелился «шеф». Чувство полной опустошенности охватило нас, когда мы вошли туда. Все здесь еще напоминало о смерти. Револьверы Евы и Гитлера лежали на красном ковре. На столе и на полу еще отчетливо были видны следы крови. На столе лежала опрокинутая ваза. Никто из нас висел на стене небольшой портрет матери Гитлера в молодости. Над письменным столом одиноко висел портрет Фридриха Великого.

В приемной помещении для врачей я увидел фразу Магду Геббельс, сидевшую за столом. Увидев меня, она попросила сесть с нею рядом. Я заметил, какое глубокое душевное потрясение она испытывает. Она стала рассказывать, как «Фюрер» прощался с нею:

— Я упала перед ним на колени и просила его не уходить из жизни. Он дружески поднял меня и спокойным голосом сказал, что он должен уйти из этого мира. Только так он сможет освободить путь для Деница, чтобы спасти для Германии то, что еще можно спасти.

Чтобы отвлечь ее от этих воспоминаний, я заговорил о возможности погребения их семьи из Берлина. Я имел в своем распоряжении три бронетранспортера, которые в последние дни были предоставлены в мое распоряжение. Может быть, мне удалось бы вывезти семью Геббельса из опасной зоны.

Она была согласна с моими предложениями, и у меня создалось впечатление, что у нее отлегло от сердца.

В этот момент наша беседа была прервана вошедшим Геббельсом. Фрау Геббельс сразу же начала излагать ему мой план бегства. Геббельс решительно отклонил его.

— Генерал Крейс едет в качестве уполномоченного мной парламентария к генералу Жукову, чтобы начать с ним переговоры о возможности свободного выхода из окружения. Если эти переговоры не дадут никакого результата, мой путь твердо определен. Я останусь в Берлине, у меня нет никакого желания стать вечным беженцем, скитающимся по всему миру...

Он повернулся ко мне:

— Моей жене и моим детям не возбраняется, конечно, бежать из Берлина.

— Само собой разумеется, что я останусь со своим мужем. Путь, который он изберет для себя, будет и моим путем, — заявила фрау Геббельс.

Я пошел в комнату врачей, где лежал тяжело раненный начальник команды охраны, штурмбанфюрер Ф. Шедде, и рассказал ему обо всем, что произошло. Во время нашей беседы пришли Гюнше и криминаль-директор Хегль. Гюнше прервал наш разговор и передал мне приказ команданта Монке явиться вместе с моими людьми в 21.00 в угольный бункер «новой имперской канцелярии», чтобы попытаться прорваться из окружения.

Шедде заявил, что, когда мы уйдем, он всадит себе пулю в лоб, так как не хочет попасть живым в руки врага. Позднее Шедде покончил с собой.

Вечером, явившись в бункер, я встретил там генерала полиции Раттенгубера, который сообщил мне, что вместе с несколькими своими сотрудниками и личным ординарем Гитлера — Лингз он присутствовал, когда тушили огонь.

Обуглившиеся останки трупов Гитлера и его жены были собраны и похоронены в небольшой могиле у стены моей квартиры.

Автор этой публикации писатель и историк Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ, двадцать лет назад в книге «Конец одной легенды» предавший гласности документы о находке и идентификации трупов Адольфа Гитлера и Евы Браун.

ФОТОГРАФИИ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ОПУБЛИКОВАТЬ

Останки Евы Браун
Советские патологоанатомы у останков Иозефа Геббельса
Труп одного из двойников Гитлера
Зубные протезы Гитлера
Труп дочери Геббельса

Маршал был возмущен, и я мог понять его негодование:

— Послушайте, ведь Сталин меня обманул! Он сказал мне, что Гитлера еще ищут и пока нет ни его следов, ни его трупа...

— Когда вы говорили об этом со Сталиным? — спросил я Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова. Наша беседа состоялась на его подмосковной даче осенью 1966 года.

— Это было в начале июня 1945 года. Предстояла встреча с Монтомэри и Эйзенхауэром в Берлине, и мне надо было выступать на пресс-конференции. Поэтому я спросил у Сталина: что мне говорить, если зададут вопрос о судьбе Гитлера? Разумеется, я выполнил указание Верховного. Теперь вижу, что меня обманули. К этому времени труп Гитлера уже был найден, о чем доложили Сталину...

— Но ведь вы были заместителем Верховного Главнокомандующего, командующим 1-м Белорусским фронтом и в принципе должны были знать...

— О том-то и речь! Все поиски шли без моего ведома, хотя ведавший ими генерал Серов, представлявший на моем фронте «ведомство Берли», являлся моим заместителем...

— И он вам ничего не докладывал?

— Нет. Сталин не разрешил делиться со мной секретом...

Действительно, секретность была исключительная. Никто не должен был знать, что найден труп Гитлера. Тем более никто не должен был знать — когда, где и при каких обстоятельствах. Почему? Жуков объяснил это так: Сталин был просто вне себя от того, что не удалось заполучить Гитлера живым.

Как мне удалось впоследствии узнать, начальник Управления контрразведки «СМЕРШ» генерал Абакумов в середине мая 1945 года лично докладывал Сталину материалы, касающиеся опознания трупа Гитлера. Сталин не сказал ни одного слова и написал на тексте доклада: «В архив». Как это следовало понимать: одобрение или неодобрение? Согласие или несогласие? В любом случае доклад проследовал в архив, где и пролежал до 1968 года.

Первый, но решительный удар по этой тайне нанесла советская писательница Елена Ржевская. В 1945 году она была переводчицей штаба 3-й ударной армии и участвовала в действиях одной из поисковых групп, которым было приказано разыскать в Берлине нацистских главарей. Непонятно, как ее рассказ о берлинском поиске просочился мимо всеведущих глаз цензуры — на черное, его сочли «беллетристкой» и не стали придирается. Так или иначе,

рассказ появился (в 1961 г.). Появились и другие воспоминания участников. Моя же задача была скромнее: документировать то, что уже было рассказано. Тем не менее пришлось долго ждать, пока было дано разрешение опубликовать в подлиннике архивные документы.

Книга вышла в 1970 году, была переведена на многие языки. Но как по инерции продолжал действовать какой-то тормоз: фотографии, которые были приложены к делу, решили не печатать. С большим скрипом согласились лишь на то, чтобы они появились в иностранных изданиях. Знаменитый принцип: им можно, нам нельзя...

Сегодня, знакома читателей с этим «запретным плодом», я должен лишь вкратце напомнить ход событий, разразившихся в конце апреля — начале мая 1945 года в Берлине.

Итак, Берлин. Заключительная фаза боев. В них принимали участие упомянутые выше специальные поисковые группы, которым была поставлена задача — живыми или мертвыми обнаружить главарей третьего рейха. Группы эти формировались по линии «СМЕРШ» — органов контрразведки, имевшихся во всех войсковых частях.

Живыми или мертвыми? Можно понять, явнее недоверие Сталина — живого Гитлера он не получил. Но, как это ни парадоксально, он сам нес часть вины за эту неудачу. Дело в том, что на финальной стадии битвы за Берлин все усилия советских войск — и это военное решение подтвердил Сталин — были сосредоточены на штурме рейхстага. Мотивы приводились такие: здание видно со всех сторон, оно представляет собой удобную цель, взрывок со времени пожара рейхстага советские люди видят в нем определенный символ. Увы, тогда мало кто знал, что именно со времени этого пожара огромное здание в центре парка Тиргартен утратило всякое значение. Рейхстаг в нем не заселал, там осталась лишь библиотека. Настоящий же центр политической и военной власти находился за несколько сот метров отсюда, в здании имперской канцелярии на углу Вильгельм- и Фоссштрассе — в том подземном бункере, где с февраля 1945 года безылазно находился Гитлер. Однако все силы — и немалые — были сосредоточены на захвате рейхстага и водружении на нем флага (о последнем нескончаемый спор идет до этого дня). Об имперской канцелярии не заботились. Она была захвачена позже, всего — 2 мая, а Гитлер покончил самоубийством 30 апреля.

Гитлера искали многие — и это чуть не испортило все дело. В тот момент, когда поисковая группа 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии во главе с подполковником Клименко созидала в саду имперской канцелярии, а солдат Иван Чураков 4 мая обнаружил в воронке от

снаряда два обгоревших трупа и два собачьих трупа, — именно в этот момент последовала команда об отбесе. Клименко услышал, что труп «настоящего» Гитлера уже найден и лежит в коридоре имперской канцелярии. Находка Чуракова была снова захвачена в яму, и группа покинула сад.

Вскоре выяснилось, что лежавший в коридоре труп ничего общего с Гитлером не имеет. Тогда группа Клименко 5 мая снова вернулась в сад, выкопала трупы и отвезла их в распоряжение штаба армии, а именно в пригород Берлина Бух. Здесь делом занялись уже не разведчики, а патологоанатомы, члены специально сформированной комиссии. Комиссия провела патологоанатомическое обследование останков Адольфа Гитлера, Евы Браун и последнего начальника генштаба генерала Кребса. Кроме того, ей надо было исследовать найденные еще 2 мая останки Иозефа Геббельса и членов его семьи.

Напрямой задачей было обследование останков детей Геббельса, которые были отравлены по распоряжению родителей. Самым трудным оказалась идентификация останков Гитлера и Браун. Медики не могли дать ответ на принадлежность тел — они только могли описать зубные протезы, оставшиеся в сохранности.

Что же дальше? Из воспоминаний Е. Ржевской известна головокружащая история дальнейших поисков. Удача была исключительной: советские разведчики нашли рентгеновские зубные снимки Гитлера и Браун, а затем даже зубных техников, которые делали протезы и опознали их. Все данные совпадали, а идентификация по зубным протезам является наиболее достоверной.

Но, как известно, детективные истории всегда имеют продолжение. Акт медиков и данные разведки не ответили на важный вопрос: каким же образом Гитлер покончил жизнь — самоубийством? Этот вопрос следователи «СМЕРШ» сотни раз задавали ближайшим сотрудникам Гитлера, которые были захвачены в плен в Берлине. Разумеется, об этом писали и многие авторы мемуаров, появившихся в ФРГ после войны. Образовались две теории: выстрел из пистолета и отравление при помощи капсулы с цианистым калием. Не буду вдаваться в подробности, но сообщу свой новый вывод, сделанный на основе сопоставления многих данных: это было «синхронное самоубийство». Гитлер одновременно выстрелил себе в висок и прикусил капсулу с цианистым калием. Это говорит о немалой выдержке фюрера. Видимо, еще больше был его страх перед возможностью попасть в руки большевиков...

Кладовискательство — исконная страсть человечества. С древних времен мечта о несметных сокровищах заставляет отчаянные головы опускаться на дно морское, лезть в загадочные пещеры, разбивать развалины старых замков. У нас кладовискательство было весьма развито до революции. Объясняется это тем, что клады, найденные в частных владениях, принадлежали хозяину земли. Если клад находил человек чужой, то владельцу земли все равно выделялась половина найденного. К тому же клад можно было сдать местным властям и получить полную стоимость серебра, золота или драгоценных камней. Искали клад по одиночке и артельно. Так в 1799 году после обращения к императору Павлу граф Мусин-Пушкин получил разрешение, солдат и средства на поиски клада в пещере Эльбруса. А в 1906 году на Украине было создано акционерное общество по поиску сокровищ гетмана Полуботки. Кладовискатели делились на любителей и «профессионалов». Последними была создана целая кладовискательская «наука», передававшаяся из поколения в поколение. С кладами и кладовискателями в разных местностях связано немало занятых преданий, легенд, поверий. Предлагаем читателям познакомиться с несколькими страницами из истории отечественного кладовискательства. Публикация подготовлена по материалам архива И. Я. Стеллецкого, хранящегося в ЦГАЛИ СССР.

КЛАДОВИСКАТЕЛИ

Есть четыре знаменитых имени в русской истории, с которыми в неразрывной связи стоит идея кладов и кладовискательства. Эти имена для XVI в. — Грозный и Кудеяр, для XVII в. — Степан Разин, для XVIII в. — Пугачев. О кладе Грозного (легендарной библиотеке в подземельях Московского Кремля) написано два тома. Царь Иван Грозный и Кудеяр не только были современниками, но и лично знали друг друга. Даже одно время Кудеяр пользовался расположением царя. Но с духовно неуравновешенным Грозным трудно было ужиться. Кудеяр из друга Грозного превратился в грозного и непримиримого врага. Своему бывшему патрону он сумел жестоко отомстить, открыв путь на Москву Давлет-Гирею, который ее сжег. На все или почти на все свои клады Кудеяр оставил специальные «кладовые записки» для своих современников и будущих искателей. Первые «проспали», только XVII в. пустился в бешеную погоню за кладами, используя кладовые записки, которые начали в изобилии находить одну за другой. Ровно через сто лет после того как зарыл разбойник Кудеяр свой клад за Ветлугой, около Землянска, его начали искать с кладовой записью в руках. Двадцать лет спустя другую кудеярскую «поклажу» искали близ Мценска, искали долго и упорно, целых 12 лет. Около того же времени (1683 г.) десять лет ушло на поиски клада разбойника Кудеяра в окрестностях Тулы. Широкое участие в поисках по доносу странного Секта Хрущева приняли и местные власти. Для необходимых земляных работ к Хрущеву было направлено множество «работных людей» из Тулы, Велева и Епифани. Широко известна в Саратовской губернии Кудеярова пещера в Кудеяровой горе у села Лоха. Другая Кудеярова пещера у села Нечаевки, в 35 км от Саратова. В 70-х годах XIX в. она была доступна, в 90-х годах земля ее засыпала.

Гроза XVII в. — Степан Разин. [...] Долго гулял детинушка по Волгематушке реке, золотом купецким да княжеским набивал свои тайники, пещеры и потайные ходы. Одного помещичьего добра скоронил Разин близ своего утеса на 10 млн. рублей. В 1914 г. в Царицыне близ церкви Троицы провалилась гора на 4 м в глубину. На дне провала оказались гробы и скелеты. Обнаружилось, что это провал над тайником Степана Разина, идущий от названной церкви до самой пристани на Волге, куда приплыли «врасписные» Стеньки Разина челяны, груженные драгоценной добычей. Добычу свою зарывал он в том самом тайнике. О кладе Разина близ его знаменитого утеса широко разнеслась молва, но не по вине Степана, и на дыбе и под клемами не признался он, куда скоронил сокровища. Один офицер в отставке Я-в в 1904 г. рылся в старинных бумагах своей покойной бабушки. И нашел в них замечательный документ — подлинную кладовую записку Степана Разина на спрятанные близ утеса сокровища. Я-в произвел в указанном месте раскопки и действительно открыл целую сеть подземных галерей с мощными дубовыми распорками. Предстояли дальнейшие поиски и раскопки, но точку поставила русско-японская война. Я-в был взят на войну, откуда не вернулся. В 1910 г. объявился новый претендент, на этот раз старый казак, 62 лет, есаул из обла-

сти Войска Донского Ш-кой. Повидимому, к нему в руки попала кладовая записка убитого в Маньчжурии Я-ва. Ш-кой явился в Петербург и представил куда следует чрезвычайной убедительности документы. В «сферах» они произвели целую сенсацию. Весть о кладе облетела в 1910 г. девять газет.

Существует также курган Стеньки Разина, огромный, в 100 м высоты, в кургане имеются подземные ходы. Известна в Саратовской губ. Стенькина пещера в Стенькином овраге на р. Усковке. В 60-е годы ее осматривал В. Крестовский, она вымурована татарским кирпичом, найдены монеты и вещи татарского обихода. В 1884 г. была еще видна нора. [...]

Некто Ящеров в 1893 г. разыскивал клад Степана Разина в Лукояновском уезде Нижегородской губ. в 4-х из 12-ти его станович по р. Алатырь. В 1893 г. он добыл кладовую записку, проверенную им на месте и в 1894 г. начал хлопоты в Петербурге о разрешении ему кладовискательства. ИАК¹ разрешила ему поиски сперва на два, а потом на 10 дней. Но настала зима и поиски были отложены до лета. Тем временем через полицию и сельских старост сел Печи и Михайловки были собраны сведения об обширном подземелье на глубине 22 сажень² с дубовыми дверями, запертыми железными засовами и замками. Выход из него должен быть в овраг, находящийся за околлицей с. Печи. Подземелье, видимо, имело вентиляционную трубу. В эту трубу провалилась лошадь во время пашни задними ногами. Образовалось отверстие размером в обыкновенное колесо. В отверстие спустились два смельчака. Первый, будучи вытащен, со страху лишился языка и умер в ту же ночь. Другой, местный псаломщик, на той же глубине пробыл несколько минут, по его словам, ему так стало жутко в неизвестном и мрачном подземелье, что он еле смог дать знать, чтобы его вытащили. Он-то и сообщил о виденных им там дверях. [...]

Пугачев сильно пугнул екатеринских «орлов», а еще пуге саму «орлицу». Повторились времена разинщины: легко найденное добро надо было хорошенько прятать. И Пугачев умел прятать не хуже Кудеяра и Разина, а кладовые записки писал даже на пергаментах. [...] Захожий уральский казак в 60-е годы у знакомого крестьянина в с. Злобровка Самарской губ. вытащил случайно из-за иконы рукопись, писанную почерком XVIII в. Оказалась как раз пугачевская кладовая записка на клад в пещере. Казак — себе на уме, быстро сторговал записку за 25 рублей. В записке подробно описывалась местность с пещерой, в которой запрятаны котлы с медными, золотыми и серебряными деньгами. Догадливый казак заарендовал у помещика Свечина нужный ему участок и изрыл его сплошь в поисках пещеры. В результате нашел железную дверь и ключ от нее тут же. Отпер, вошел. Действительно, в пещере стоял котел, полный денег, но только... медяков: ни золота, ни серебра не оказалось. В самоутешение кладовискатель решил, что отец владельца записки уже раньше его забрал и то и другое. Подобных подложных записей на отыскание сокровищ в пещерах и

других местах в бывшей Саратовской губ. ходило и ходит множество.

Но особенно разительный образчик ложной кладовой записки представляет запись, по которой производились поиски клада в г. Остре на Черниговщине в 1890 г. Записка где-то раздобыл монах. В ней удивительно точно было обозначено место и признаки клада. Делом очень заинтересовался купец из Козельска Хижин. Он добился разрешения и нанял рабочих. Работы, однако, продвигались медленно. Тогда Хижин выписал из Киева гидротехника С. Ф. Пашковского — сделать буровые скважины. В кладовой записке был упомянут гроб. Гроб нашли, а в гробу... железный рыцарский панцирь, и только. Дорогостоящие земляные работы пошли прахом для кладовискателя, а еще более для нации, так как место раскопок в высшей степени примечательное: в насыпанном холме среди руин старого замка, окруженного водой.

В Могилеве-Подольском есть старое еврейское кладбище, закрытое в 1825 г. Однажды из Сибири, от каторжника, пришла кладовая записка с планом и указанием, что у входа на кладбище зарыт клад. Стали тайно копать, а сторож —

Бронзовый котел и монеты, обнаруженные в Кайстеском песчаном карьере в Эстонии

¹ Императорская археологическая комиссия.

² Сажень = 2,1336 м.

КТО НАЙДЕТ КЛАД СТЕПАНА РАЗИНА?

Степан Разин

Гетман Мазепа

тайно следить. Кладовискатели, уходя, оставляли знак: железную палочку, набитую дробью, и три сложенных камня. На глубине 5 м показался кирпичный свод. Сторож дал знать полиции, полиция продолжила раскопки. Наконец в углублении показался глиняный горшочек, наполненный монетами, и, отдельно, золотое кольцо и монета. Яма была потом засыпана.

КЛАДОВАЯ ЗАПИСЬ, «ЗАВЕТ» И КРЕСЛОВСКАЯ ЛЕГЕНДА

Кладовая запись дьяка Злюка была выкопана случайно Гончаренко в 1898 г. у Хаджибеевского лимана под Одессою и продана А. И. Маркевичу [...]. «Ця опись писана в 1811 року 12 апр. в Туретчине, за Дунаем, перед смертю в 1769 року. Писав дьяк Микита Злюк. Знаки Х о.о.о.лш показывают де лежить добро. Не забувайте нас грішних бурлаків запорожців».

Для отыскания кладов по народному суеверию существуют некоторые указания мистического характера. К числу таких указаний относятся «заветы». [...] «Завет оставляли на месте склада его владельцы воткнувшим или слегка зарытым в землю, чтобы по нему можно было найти самый клад. Вера народа в силу этих указаний, без сомнения, всегда подавала повод к самому бесстыдному надувательству суеврных людей со стороны разных ловких мистификаторов. Найденный недавно (в 1896 г.) в Малмышском у. Вятской губ. каменный крест представляет собой редкий памятник этого рода и может служить превосходным образчиком подобного надуательства. Крест этот размером в 4 вершка³ в длину, 2,5 вершка в ширину и 1 вершок в толщину высечен из твердого песчаника серовато-желтого цвета. Выкопан он одним крестьянином из земли близ своей усадьбы. Часть камня была отбита лопатой при окапывании. Судя по рисунку букв (гражданская печать нач. XIX в.), слогу надписей, упоминанию о пугачевщине и «ассигнация» можно с уверенностью сказать, что крест изготовлен не более 80—90 лет тому назад и, вероятно, все это время находился в земле. На это указывают стертые буквы и округления краев и углов креста. Надпись на кресте следующая:

«Сей крест заветный, кладенная сия поклажа раз... ехшей шайки сибирским пугачевским воинам и двадцати четверем

человекам есаулам Змеюлановым свидетельствована казна и положена в сундук счетом полуимпериалами⁴ сто тысяч, империалами чотыреста тысяч, монетами шестьсот тысяч, да кто сей заветный крест счастливым рабом или рабом найдет, тот и казну нашу возьмет. Нашу казну возьмите и по себе делить дру[г] друга не обитти, по вм[е]сто нашей казны по за[ло]гу нашему положите в яму ту двух младенцев, а по второму, если пожелаете избавится младенцев, то во избавление их положите за каждую голову по двести монет... которой превратится в прах и будет служить для вечной потехи. Страхам нашим в завет класть не звонкой монетой, а бумажкой царской и без исправленного завета к казне нашей не приступайте, ибо наши стражи страшны и люты, чего делают рабам противно, их не видно, а за свое будут стоять крепко. По выинити сего местного креста и завета готового, младенцем или деньги, то ищите отговорщика, а отговорщик должен знать сд[е]лать завет, потом завещается и как с нашим сторожем управляться. Наша поклажа в земле, как рыба в воде». На одном из продольных ребер креста подпись: «А под казною в сундуке заговоры от стрелы, меча и пищаши, также когда вымните сундук с казною, тогда сей крест изотрите в песок и засыпте свой завет». На другом ребре: «Поминать за упокой воинов первого названного есаула Андрея и прочих: Якова, Михаила, Савелия, Дмитрия, Спиридона, Григория, Филола, Илью, Силу, Самсона, Карла, Тихона, [Т]имофея». И дальше, на углу креста: «Варфоломея, Петра, Лазаря, Прохора, Карпа, Фрола, Тихона, Семиона, Кескентия и он...» На одном из боковых ребер креста надпись: «Правило завета заговорщику» и под него, крупными заглавными буквами: «Д (сверху) ЦМИН (снизу под чертой)». На четырех углах креста вырезано по заглавной букве с точками О.....С.....Д.....Х.....

Нечего прибавить, что нашедший крест мужик пробовал копать землю и под и возле креста, но без малейших результатов. [...]

В Латвии существует множество легенд о зарытых кладах, подчас совершенно невежественных. [...] Одна, впрочем, заслуживает некоторого внимания. По сохранившемуся поверью в Кресловке существовал когда-то укрепленный замок. Действительно, несколько ниже местечка, у круглого поворота Двины, называемого Красная Лука, на левом берегу находится возвышенная местность, рассеченная рвами, странным своим видом напоминающая укрепление. [...] В этом мифическом замке жил шведский или польский феодал, у которого была единственная красавица дочь и неисчислимые богатства. Во время осады замка неприятелем красавица пригласила военачальнику противной стороны, которого хитрый воиновда залучил под видом переговоров к себе. Затем, видя себя окруженным сонмищем неприятелей, пришедших на выручку к своему вождю, и отчаявшись в целности обороны, гордый феодал с криком «Поколения дальних веков будут помнить меня!» взорвал все и всех, находившихся в замке. Говорят, что в Иванову ночь, ровно в полночь, таинственный холм становится самым обыкновенным холмом — поэтому «куловить момент» особенно трудно и наблюдателю всегда что-нибудь мешает, т.е. заставит его в критическую минуту оглянуться, и тут все пропадет.

СЧАСТЛИВЫЕ НАХОДКИ

Еще нигде в мире не было найдено такого богатого клада, как откопанный в июне 1912 г. на общественной земле в с. Малая Перещепина на юге Полтавской губ. в прибрежных песках р. Ворсклы. Открыл деревенский мальчик Деркач. Край полушаровой серебряной вазы слегка виднелся в размы-

³ Вершок = 4,45 см.

⁴ Полуимпериал; империал — золотая русская монета, чеканившаяся с 1755 г.

том песке, мальчик заинтересовался находкой и откопал вазу. К Деркачу присоединились товарищи Маджара. Они спрятали вазу в воде ближайшего озера. Узнав про находку, мать Деркача заставила ребят рыть дальше. 11 золотых кубков с драгоценными камнями стали добычей счастливой семьи. «А вдруг это церковные чаши? — испугалась женщина. — Еще попадешь под суд, кроме греха...» Раскопки прекратились. Но дети разболтали, слухи о кладе пошли в народе. Узнал пристав, добрался стражники до «золотых песков» и открыли еще множество драгоценных вещей. Пристав... свалил находки за пещку без описи. А стражники за трупы поделили между собой добытое. Что клад не разошелся по рукам и не исчезла безвозвратно его громадная научная ценность, за это приходится благодарить помощника исправника господина Федоровского. Он принял меры к спасению находки и довел о ней до губернатора, а тот сообщил археологам в Петербург. [...] В кладе весом более пуда золота и полтора пуда серебра целая масса предметов: блюда, чаши, мечи, кольца, 200 золотых бляшек. [...] Предполагается, что клад относится к эпохе византийского императора Фоки, который послал эти драгоценности русскому князю Святославу. [...]

Житель с. Усахело бывший Кутаисской губ. обринул в трещину на своем дворе 10-копечную монету. Раскопав трещину и вынул богатый клад — четыре иконы древнего письма, громадный, около 2,5 аршина⁵, меч, женские украшения и прочее. Частично этот клад не миновал рук ученых и был ими изучен. Среди его вещей оказался медальон времени императора Нерона [...] это круглая золотая бляшка с загнутым над хрусталиком краем, с вырезанной на одной его стороне лунечарной головой Гелиоса⁶, очень похожей на голову Александра Македонского. [...]

В Фергане издавна существовало предание о пещере с несметными богатствами, находящейся в горах. В 1925 г. эту пещеру разыскала и обследовала экспедиция Ферганского отделения АН СССР. «Вход на высоте 1500 м. Лабиринты пещеры. Глубок Ариадны и связанные между собой туристы с асфальтовыми фонарями. Шесть скелетов в тупике. Преграда — провал в 20 сажен глубины; перебрава по веревкам. На дне провала — скелеты, ножи и глиняные горелки 300-летней давности. Тучи летучих мышей. Длина пещеры 2000 м. В пещере сокровища, конечно, не найдено. Пещера в древности служила рудником, т.к. обнаружены серебряные и железные руды и найдено очень много неизвестных горных пород».

СПУСТЯ СТОЛЕТИЯ

Неразысканные клады:
а) Варяжский клад, награбленный викингами-варягами по побережью Западной Европы и по пути в Царьград, зарытый в неолитической пещере, прозванной «варяжской» (в системе «дальних» бывший Киево-Печерской лавры), мною открытой и описанной. На мой призыв к ученым исследовать таинственную пещеру — в эту последнюю вместо ученых проникли в первые годы революции хищники-кладоискатели, поставившие пещеру «дыбом». Исторически достоверно, что клад этот однажды уже был найден в пещере затворниками-монахами, определившими его содержимое в несколько возов, и снова зарыт ими там же, в «варяжской» пещере. Киевскому князю Мстиславу очень хотелось прибрать сокровище к рукам. Находчик-монах был князем замучен до смерти, но странным образом тайны клада не открыл. [...] Сокровище латинское («сосуды латинские суть») полностью и неприкосновенно (если считать, что поиски клadoискателей 1921 г. безрезультатны!) сохранилось до наших дней, потому что «варяжская» пещера во все века оставалась маловедомой и недоступной. О ней мало знали, и ее боялись сами печерские монахи: прикомандированный ко мне для исследований в качестве проводника (в довоенное время) монах не решился следовать за мною дальше

входной галерей, обмеры и фото неолитических лабиринтов пришлось делать одному, в обществе только летучих мышей. Площадь, где мог быть зарыт клад, слишком территориально ограничена, чтобы при научно поставленных поисках его можно было промахнуться. [...]

б) Польский клад или невыезденный в 1648 г. сокровища Иеремии Вишневецкого в подвалах и тайниках замка в его столице Лубнах (на Полтавщине). Суровый ренегат прослезился, вынужденный под нажимом казаков Кривоноса спешно покинуть свое имущество и ценности в подземелье замка и давая себе зарок еще вернуться за ними... И он уже победоносно двинулся к своей покинутой «столице» с ее «поклажей», и он бы изъясил последнюю, если бы преждевременная смерть от сведенного арбуза не скосила его в Полонном. А «поклажи» его нетронутыми уцелели до наших дней, т.к. доступ к ним был погребен неведомыми казаками под разрушенными стенами замка. Еще недавно между учеными шел спор по вопросу локализации замка. Ныне он решен окончательно и безповоротно благодаря моим изысканиям и археологическим суббонитам: найден переплет фундаментов и остатки стен замка, плиточный пол, сгоревший деревянный ход для бегства, коллекция курительных трубок, перстни и т.п. [...]

в) Клад Богдана Хмельницкого в дворцовом тайнике, воспомет Т. Шевченко в поэме «Великий льох». Я имел случай точно установить его местонахождение. Доступ в тайник рано был утрачен благодаря скопленному удушливым газам. Ныне место запыленного входа знаменует впадина. Несложная раскопка здесь не замедлит, думается, сказаться неожиданными результатами. Правда, замок с тайником-казной Хмельницкого был взят мстительным С. Чарнецким спустя семь лет после смерти гетмана, но он ничего не успел, будучи вытеснен казаками. Даже кости Хмельницкого, подвергнутые Чарнецким сожжению, казаками они были ссыпаны в круглую яму у апсиды Ильинской церкви в Субботове, нашли всего лишь полубогаженины. [...]

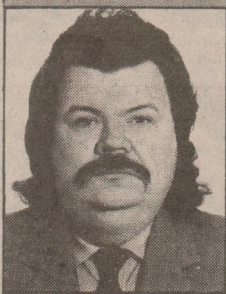
г) Клад Ивана Мазепы, замурованный в подвалах дворца его в «столице» Батурине. Батуринский клад Мазепы, спрятанный после полтавского поражения, усердно, но бесплодно в течение трех дней искала правительственная комиссия из неспециалистов по приказу Петра I.

С такими же результатами искали петровские агенты и старинные серебряные выработки переяславских монахов времен Мазепы, успевавших выработать с помощью спеца-поляка из серебряной руды изрядный процент золота. Об этих «георазведках» петровских времен составилось целое дело, мною разысканное в одном из московских архивов. По указанию архивного документа и по командировке НКФ⁷ СССР мною действительно были найдены в глухом бывшем монастырском лесу, на Левобережье, указанные в документе старинные шурфы и траншеи. [...] Наличие упомянутых в документах золотых россыпей под ХХХ также было твердо установлено.

д) Есть еще одна клadoискательская задача государственного интереса, требующая неотложно своего разрешения. Имею в виду сокровища на дне озера в Казани. В центр Казани врезается огромное озеро, громадное, 7 км длины при 1 км ширины, озеро «Кабан». Туда были спущены татарские сокровища при взятии Казани Иваном Грозным. В Казани по соседству с Кремлем не раз находиликлады и подземные ходы, прорытые осажденными татарами. Бельгийское общество казанских трамваев обратилось к городу с предложением бесплатно расчистить дно озера при условии, что все найденное на дне отойдет в собственность бельгийцев. Город отказал и решил сам поискать счастье. Так обстояло дело в 1910 г. С того момента дело не продвинулось ни на шаг.

Предисловие и публикация
Таниси БЕЛОУСОВОЙ

ОТКРЫВАЯ
АРХИВЫ

Евгений
ДАНИЛОВ

О том, что семья Керенских когда-то жила в Ташкенте, сегодня мало кому известно. Сам я узнал об этом случайно в конце 70-х годов от кого-то из журналистов, хотя к тому времени уже несколько лет заведовал общественной приемной газеты «Известия» по Узбекистану. Тогда мне и в голову не могло прийти, что спустя десятилетие займусь историей семьи главы первого русского демократического правительства, чья звезда на политическом небосклоне закатилась, едва успев подняться к зениту.

Начать поиски побудила появившаяся в конце 1988 года в «АиФе» статья одного профессора об Александре Федоровиче. В первом же абзаце приводился захватывающий «факт» о переплетении судеб Владимира Ульянова (Ленина) и Александра Керенского, закончивших якобы одну и ту же Симбирскую гимназию (1). Рассказывалось также о знакомстве Александра Федоровича со всей семьей Ульяновых, и особенно близко с младшей сестрой Ленина — Ольгой. Год спустя еженедельник «Неделя» повторил версию профессора.

Но я помнил, как реагировал на публикацию в «АиФе» мой друг, собор одной не самой известной, но весьма солидной газеты: «Знаешь, старик, по-моему, никто никогда не ездил, а придумал эту развесистую клюкву, чтобы снять пенки с сенсации». И все-таки я решил начать поиски.

А вскоре появился и «Его величество случай» в лице моего товарища-журналиста, подсказавшего: «Я слышал, в Ташкенте живет один ученый по фамилии, по-моему, Нильсен. Он был знаком с Керенскими».

Профессор Владимир Анатольевич Нильсен, оказался, жив, здоров, работает на кафедре истории архитектуры. Мы провели более часа в увлекательной беседе.

Говорили не только о семье Керенских, но и о малоизвестной непоявившейся интереснейшей истории Туркестанского края. Неожиданно Нильсен спросил: «Вам известно, что на Боткинском кладбище похоронена старшая сестра Керенского Надежда?» («Боткинское» — самое старое ташкентское городское кладбище, открытое в русской части города в конце прошлого века. Название свое получило по имени улицы, проходящей мимо.)

Профессор рассказал немного о Надежде Федоровне. Она была женой знаменитого туркестанского и ташкентского архитектора Георгия Михайловича Сваричевского. В Ташкенте и сейчас стоят прекрасные дома, построенные по его проекту: здание авиационного техникума, бывшее Мариинское училище и многие другие. Им проектировались все вокзалы и пристанционные сооружения на железнодорожной линии Ташкент — Оренбург. Человеком Георгием Михайловичем был весьма состоятельным, очень любил свою жену. Умерла она в молодом возрасте. Спустя несколько лет Сваричевский женился вторично. Сын от второго брака проживает в Ленинграде. Любознательный профессор дал его телефон и адрес. Попутно Владимир Анатольевич объяснил, что здание монгольского консульства — это дом Сваричевского, а Керенские жили рядом в одноэтажном доме на самом углу нынешних улиц Маркса и Гоголя.

Назавтра мы вдвоем с товарищем явились на кладбище, обследовали все возможные и невозможные углы, но могилу не нашли. Через день я вновь появился у В. А. Нильсена. Владимир Анатольевич посмотрел в расписание: «У меня есть час с небольшим. Поехали». На моих «Жигулях» уже через пятнадцать минут мы прибыли на место. Действительно, все оказалось просто и ясно: мы сворачивали с дороги несколько раньше, а надо было пройти с десятков метров ближе к церкви, куда и привел Нильсен. В невысокой, старинной, чутунной оградой стоял огромный двухметровый крест из черного мрамора с выбитой золотом надписью: «Надежда Федоровна Сварчевская (именно так, с пропущенной «и»). 16.08.1875—26.04.1911». Внутри ограды находилось еще несколько могил, и среди них, рядом, стояли два больших чутунных креста без надписей, которым тогда я не придал никакого значения.

Так начался поиск следов семьи Керенских в Туркестане. Через неделю он привел меня в Центральный Государственный архив Узбекской ССР, сокращенно именуемый «ЦГА».

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ КЕРЕНСКИЙ, ОТЕЦ

Было известно, что отец Александра, Федор Михайлович Керенский, служил в Ташкенте в должности Главного инспектора училищ. В описи фонда и. 47 инспекции училищ ожидала первая удача: под н. 2551 значилось дело «О назначении Ф. М. Керенского Главным инспектором училищ». Жду заказа и наконец открываю долгожданный том вековой давности. Первые семнадцать листов дела отсутствуют, о чем на последней странице произведена запись еще в 1980 году. Непонятно. Обыкновенно сначала идут общие документы: анкеты, формуляры и тому подобное, откуда можно почерпнуть первоначальные сведения, хотя бы о составе семьи. Но Лилия Халиловна, мой помощник в отделе, кладет на стол дело с дневниками Н. П. Остроумова — двоюродного брата Федора Михайловича по Казанскому университету, служившего под его началом. Дневники оказались предельно подробнейшие.

⁵ Аршин = 71,12 см.
⁶ Бог солнца.

В ту пору, то есть когда Керенский стал Главным инспектором училищ Ташкента, ему шел сорок первый год. Свое обучение Федор Михайлович начал в Пензенской духовной семинарии. Окончив курс и выдержав испытание, он был определен учителем русского языка в Пензенское уездное училище. Отслужив два года, поступил в Казанский Императорский университет на историко-филологический факультет, где они и встретились с Николаем Петровичем Остроумовым. Затем служба в Казани, Вятке, Симбирске. (Из формулярного списка: «Приказом г. Министра народного просвещения от 5 мая 1879 года, за № 6, перемещен директором в Симбирскую гимназию с 24 марта 1879 года».)

Еще будучи в Казани, Федор Михайлович вступил в брак с Надеждой Александровной, урожденной Адлер. Н. П. Остроумов в своих дневниках пишет о происхождении Н. А. Адлер — потсдамская немка. В 1875 году в семье Керенских появился первый ребенок, дочь На-

они не встречались — через год Ольга Ульянова умерла в Петербурге. В Симбирскую гимназию мальчик не поступал вообще. Так что же «сплелось» — осталось загадкой.

Путь Керенских через знойную азиатскую пустыню был долгим и трудным. Железнодорожная ветка тогда доходила только до Самарканда, и оставшиеся триста верст до Ташкента надо было пройти в повозке по пыльной и ухабиной дороге. Добралась семья в столицу Туркестанского края только в конце июня.

Из дневника Николая Петровича Остроумова: «Среда, 28 июня 1889 года. Прибыл в Ташкент Главный инспектор училищ Ф. Керенский с семьей... Приехали они из Самарканда в двух экипажах, в сопровождении учителя Миропольского. Я тотчас отправился на казенную квартиру Гл. инспектора на углу Московской улицы и Воронцовского проспекта поздравить прибывших с приездом. Жена его имела нездоровый вид. Дети

АЛЕКСАНДР КЕРЕНСКИЙ

Зная, какое учебное заведение окончил Александр Федорович, заказываю дела по Ташкентской мужской гимназии. В деле, или, по-архивному, в «единице хранения» № 253 «Об испытании на аттестат зрелости за 1899 год», находим экзаменационные документы класса, где учился Саша Керенский: списки учеников, билеты, темы сочинений и прочую школьную атрибутику. Ого! Оказывается, Александр — круглый отличник, последний год учившийся без единой четверки и получивший золотую медаль. В голове проносится мысль: в октябре 1917 года власть у бывшего круглого отличника Керенского отобрал не менее круглый отличник Ульянов, имевший такую же золотую медаль. Вот где оно — «судьбы сплетение»!

Воспоминания Остроумова расположены в нескольких папках, и в «единице хранения» № 66 обнаруживаю

ТАЙНА

СЕМЬИ КЕРЕНСКИХ

дежда. А затем каждые два года любящая супруга дарит счастливого отца детей. В 1877 году появилась на свет Елена. В 1879-м, незадолго до переезда в Симбирск, Анна. В Симбирске, где семья Керенских проведет ровно десять лет, у них появятся два долгожданных сына — Александр, 22 апреля 1881 года, и Федор, 17 июня 1883 года.

В Симбирске Керенские познакомятся и будут поддерживать товарищеские отношения с семьей Ульяновых, глава которой — Илья Николаевич — станет непосредственным начальником Федора Михайловича. В январе 1886 года Илья Николаевич скончался. В следующем году закончил гимназию Керенского Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Памятуя о давней дружбе с его отцом, Федор Михайлович выдал Володе Ульянову прекрасную характеристику, открывшую путь в Казанский университет. Подписал документ, зная, что брат В. И. Ульянова казнен как государственный преступник несколько недель назад.

2 мая 1889 года следует Высочайший приказ по Министерству народного просвещения о назначении Федора Михайловича Главным инспектором училищ Туркестанского края. Собрав пожитки, большое семейство Керенских двинулось в далекий и пугающе незнакомый Туркестан.

Тут самое время вспомнить о статье в «АиФе» о «переплетении судеб». В момент выезда из Симбирска Александру Федоровичу только исполнилось восемь лет. Какие же «близкие отношения» могли быть в этом возрасте у Саши с 18-летней Ольгой? И позже

Керенских тоже не отличались цветущим здоровьем».

Несмотря на давнее знакомство, близкими друзьями однокашники не стали. Отношение к товарищу-начальнику Остроумов определяет на первой же странице дневника: «Служебное общение мое с Ф. М. Керенским оставило в моей памяти неизгладимый (не скажу — приятный) след...» Под стать началу и характеристика Федора Михайловича: «Был властным руководителем. По личному характеру был выдержан и не общителен (написано сверху зачеркнутого «осторожен»). — Е. Д.), самокритичен, считал местных педагогов ниже себя по уму. Особенно избегал он критики правительства и министерских распоряжений...» Интересен и словесный портрет Керенского: «Рост выше среднего, общее сложение мужественное, большая голова на толстой шее, широкая грудь и такая же спина. Высокий лоб и маленькие глаза... широкий подбородок, цвет кожи смуглый. Волосы на щеках и бороде бритые. Походка тяжелая, увалистая». Но, заключает Остроумов, учебное дело в крае Керенский крепко держал в своих мускулистых руках.

Туркестанский край станет вершиной карьеры Федора Михайловича. Он прослужит здесь свыше двух десятилетий — до 1910 года. При Главном инспекторе Керенском только в одном Ташкенте откроется свыше 30 учебных заведений, например первое одноклассное мужское училище, второе татарское мужское приходское училище, Маринское женское училище, пятая и шестая русско-туземные школы, училище для мальчиков бухарских евреев, частная школа Н. Гориздров.

листы, посвященные учебе Александра Федоровича в Ташкентской гимназии, с критическими замечаниями, оценками и суждениями его учителя. Не всякому ученику, понятно, такая честь — только фигурам исторического масштаба.

Начинает педагог свои записки с примера лжеистории — постоянной, на протяжении десятилетий спутницы всего, что касалось фигуры первого русского премьера. «Об ученике Ташкентской гимназии Александре Федоровиче Керенском в журнале «30 дней» за 1927 год, в очерке М. Ильина под заголовком «В семнадцатом году» напечатана краткая заметка о Сашинном детстве в следующих выражениях: «В октябре 1894 года седой директор Ташкентской гимназии, собрав в актовом зале вверенных ему питомцев, обратился к ним с прочувственным словом: «Дети! Нашу родину постигло тяжкое, неизбывное горе: скончался Александр III, наш мудрый, обожаемый монарх...» Общее молчание. И вдруг тишину прерывают визгливые ноты истерики. На полу в припадке бьется маленький гимназист. Это — Саша Керенский. Он был единственным — свидетельствуют его товарищи по гимназии, — кто не смог спокойно вынести известие о смерти царя. Предчувствовал ли уже тогда Керенский, что в будущем он окажется в Зимнем дворце и осуществит свое, более оригинальное, чем почтение, желание спать именно в царской постели?»

По поводу этой заметки я, как бывший директор Ташкентской гимназии в указанное время, считаю себя обязанным заявить, что М. Ильин сообщает неправдо-

подобный, хотя интересный по выдумке из жизни бывшего ташкентского гимназиста факт. Очевидно, что в краткой заметке М. Ильина воспроизведено посещение Ташкентской гимназии в октябре 1894 года седьмым попечителем Кавказского учебного округа К. П. Яновским, при котором я находился во все время его осмотра гимназии. Но я не слышал визгливых звуков истерического припадка маленького гимназиста, бывшего на полу при известии о смерти русского царя...»

Следом Николай Петрович пишет, как, возмущенный лжесвидетельством, он встретился с двумя бывшими гимназистами, к тому времени профессорами — Г. К. Черданцевым и Л. В. Огланяниным. Они рассказали ему, что при известии о смерти императора Александра III в 1894 году гимназисты были собраны в актовом зале и, когда Н. П. Остроумов, как директор, сообщил им об этом печальном для России факте, у многих гимназистов навернулись слезы, а у одного крупная слезинка скатилась по щеке на пол, но никто не произвел никакого звука. И Саша Керенский в то время был уже не маленьким мальчиком, а тринадцатилетним подростком добавляет педагог.

Может быть, именно подобные измышления о жизни Керенского и побудили Николая Петровича взяться за перо и самому изложить известные ему сведения о той далекой поре. Сведения, так и оставшиеся до сего времени неопубликованными из-за того же страха перед ф. милией. И, надо заметить, — страха обоснованного. Кое-кто расплатился за это жизнью, о чем мы узнаем ниже, а сейчас откроем воспоминания Остроумова.

«... Он был любимым сыном своего гордого отца и самолюбивой и властной матери, которые деляли его, как первого сына в своем семействе, и на которого возлагали свои фамильные надежды. Поэтому мальчик — Саша Керенский — рос баловнем в своей семье и уже в детстве позволял себе выходки, оправдываемые даже разумною родительской любовью. Поступив в подготовительный класс Ташкентской (классической) гимназии, этот бойкий и избалованный шалуни, очевидно, сознавал про себя, что он — сын Главного инспектора училищ в Туркестане и что поэтому могут быть позволительны такие шалости и кривляния над подчиненными его отца. Так, однажды я и секретарь управления учебны сидели у Керенских в столовой за вечерним чаем в присутствии всей их семьи. Секретарь сидел лицом к хозяйке, на конце стола, а я рядом с хозяином. Когда я разговаривал с хозяйками, Саша зашел за стул секретаря, и кривлялся у него за спиной, и, не останавливаемый родителями, вертел своими растопыренными пальцами над головой секретаря, и даже касался волос на его затылке... Секретарь (типа Молчалина) не мог не чувствовать этого, но не обращал внимания на шалости сына властных хозяев, а мне, как педагогу, бросилась в глаза такая вольная шаловливость сына начальника учебных заведений...»

Резвый шалуни обнаруживал и другую склонность — бороться с другими гимназистами, не рассчитывая сил противника. Он вместе со своими сестрами и младшим братом бывал у нас в праздничные дни. Однажды вздумал Саша побороться с моим сыном. Более старший мальчик уложил Сашу на пол, да так, что тот стукнулся затылком. И, — продолжал Остроумов, — пожаловался дома на оказанное ему неуважение. Мать задорного бойца не преминула высказать мне при свидании свое неудовольствие по этому поводу, в виду возможности серьезного вреда от ушиба головы... Других последствий от рассказанного случая не было. Но вскоре мне пришлось пережить более серьезную неприятность как директору гимназии...»

В то время Саша учился в подготовительном классе, и ученики 1-го и 2-го классов относились к ним свысока. «... А. Ф. Керенский возглавил «освободительное» движение приговорок, решивших дать бой на улице, по пути домой, насмешникам. Саша на уроке чистописания занялся составлением списка своего «отряда», что было замечено учителем, не преминувшим доложить инспектору гимназии. Старший инспектор, несмотря на мое благодушное отношение к проступку мальчика Керенского, настоял на внесении в дневник резвого ученика замечания о шалости его для сведения родителей. Свою настойчивость в этом случае инспектор мотивировал тем соображением, что сын главного инспектора не должен пользоваться привилегиями сравнительно с его одноклассниками...»

Когда ученик Керенский предъявил своим родителям упомянутую запись в его дневнике, то отец и мать и другие дети, а также и старушка няня Саши Керенского растрогались до слез и рыданий... Заслуженный педагог — отец шаловливого гимназиста — нашел нужным вызвать меня как директора гимназии для объяснения с ним уже в начальном тоне. Явившись в квартиру родителей ученика Керенского, я увидел их в сильно возбужденном настроении, в котором личное огорчение соединилось с оскорбленным самолюбием властных родителей... Я услышал от Керенского-отца такие патетические восклицания: «Мы сохраним этот дневник для истории...» Меня удивило такое высокомерие опытного педагога в отношении своего сына, какого не проявил даже германский император Фридрих в отношении своего сына Вильгельма, учившегося в гимназии.

В примечании Н. П. Остроумов рассказывает эту поучительную историю — как директор Потсдамской гимназии, единственный, кто согласился взять императорского сына на обучение, предупредил отца, чтобы этот ученик ничем не отличался от остальных сотворившей гимназистов. Согласившийся император в дальнейшем посещал директора именно как отец

ученика, но не как кайзера Германии.

Сашина резвость и шаловливость вызывались только издержками роста и развития. В дальнейшем у Остроумова-педагога претензий к его поведению нет: «К нашему благополучию... ученик Керенский, как способный мальчик, учился хорошо и не вызывал замечаний учителей по поводу его успехов и поведения».

Остроумов запомнил такую деталь в характере Александра: «В развитии природных наклонностей гимназиста Керенского была замечена преобладающая черта — живость темперамента и самолюбивое стремление выдвигаться из окружающей его товарищеской среды, чтобы казаться и обращать на себя внимание публики». Далее Николай Петрович рассказывает, как Саша с удовольствием помогал настоятелю при богослужении, участвовал в гимназической эстраде, что и давало ему возможность сравняться со старшеклассниками, принимавшими участие в этих мероприятиях.

А. Ф. Керенский в рабочем кабинете

Немного забегаю вперед, расскажу, как чуть позже, просматривая дела людей, занимавших далеко не последние роли в Туркестанском крае, я обнаружил в фонде Николая Гурьевича Маллицкого, ученого, педагога, редактора газеты и городского головы, папку с брошюрой: «Отчет о состоянии Ташкентской мужской гимназии за 1893—1898 годы». В ней кроме сведений о преподавателях, учениках (в их списках два брата Керенских: Александр — 8-й класс и Федор — 6-й), состоянии библиотек и т. д. и т. п. в разделе «Выдающиеся лица в жизни гимназии» имеются программы литературно-вокально-музыкальных вечеров. Читаю программу вечера, бывшего 31 января 1896 года. Отделение первое. Седьмым по списку номером: «Стих Рылева «Сусанин». Читает уч. 5-го кл. А. Керенский».

Листаю дальше. Страница 95. Программа за 19 февраля 1897 года: «Отделение первое. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор», второе действие. В роли Ивана Александровича Хлестакова уч. 6-го класса А. Керенский». А это что? В роли Сквозник-Дмухановского, гордничего, ученик 8-го класса Каплан, в роли Петра Ивановича Добчинского ученик 7-го класса Ульянов. Вот уж где действительно «переплетение судеб»! Встретились: Керенский, Ульянов и Каплан!

Отвеселившись, переворачиваю страницу. Программа — 13 февраля 1898 года. Комедия Островского «Лес». Ученик 7-го класса А. Керенский в роли Ивана Ксенофонтовича Иванова, отставного учителя. Переворачиваю последнюю страницу отчета, задумываюсь: насколько же та гимназическая жизнь отличалась от нынешней школьной. А уровень подготовки? Одних языков учили четыре: латинский, греческий, французский и немецкий. Это не считая русского и церковнославянского.

Пролетели ученические годы. В мае 1899-го выпускной, восьмой класс Ташкентской мужской гимназии подготовился к сдаче экзаменов на аттестат зрелости. Первым 10 мая сдавали экзамен по закону Божию. Александр достал билет под н. 4: «Создание человека по образу и подобию Божию. Грехопадение прародителей. Лжеучение Пелагия относительно первородного греха. Взгляд римско-католиков на первобытный грех, как на утрату первобытной праведности. Римский догмат о непорочности зачатия Пресвятой Девы». Оценка — «отлично».

Второй экзамен — по русскому языку. А. Керенский вытягивает билет под н. 9: «Роман. Происхождение романа. Роман Сервантеса. Общечеловеческое значение «Дон Кихота». Романы Ричардсона. Исторический роман Вальтера Скотта». «Отлично»!

24 мая экзамен по истории. Александр попадает билет н. 8: «Уничтожение местничества. Перемены в русском обществе перед появлением Петра Великого. Положение женщины. Пунические войны (1-я и 2-я).

Орешение Италии. Северное пространство Российской империи (Архангельская губерния). И снова — 5!

29 мая — математика. У Керенского билет н. 1: «Деление алгебраических выражений. Поверхность и объем шара. Основные тригонометрические функции и соотношения между ними». Пятерка!

Спустя несколько недель Александр Федорович отбыл в Петербург для поступления в университет. Согласно существовавшим в те времена правилам характеристика на руки ученику не выдавалась, а направлялась спецпочтой в указанное им учебное заведение. «24 июня 1899 г. Н. 993. Секретно. Г. Ректору С.-Петербургского Императорского Университета... Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что окончивший курс в текущем 1899 году во вверенной мне гимназии с аттестом зрелости Керенский Александр имеет очень хорошие способности и выдающиеся умственные развитие... с особенным интересом занимался историко-литературными предметами и отличался начитанностью. К требованиям гимназической дисциплины относился всегда с должным вниманием. Характер имеет живой и впечатлительный, но, как юноша благосклонный, дурных наклонностей никогда не проявлял; в политическом отношении он вполне благонадежный...»

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА КЕРЕНСКАЯ, МАТЬ

В своих дневниковых записях Н. П. Остроумов посвятил несколько строчек матери Александра Федоровича — Надежде Александровне Керенской. Но мне в тональности строчек почудилась некая субъективность оценок, навеянная, по-видимому, натянутыми отношениями между Ф. М. Керенским и Николаем Петровичем. «Супруга Керенского — особа самолюбивая, гордящаяся своим положением как жена начальника учебных заведений». Сказать по правде, гордиться было чем: по нынешним меркам должность Федора Михайловича соответствовала примерно должности министра просвещения республики. Жаль, что не обратил внимания Н. П. Остроумов на такую черту характера Надежды Александровны, как принципиальность. В папке с его мемуарами имеется конверт с различными письмами и визитными карточками, среди которых я и нашел записку супруги Главного инспектора училищ об отце (священнике) Екатеринбургском. Суть ее состоит в следующем. На торжественной службе в храме в честь христианского праздника, наполненном родителями с детьми, многим, в том числе и Надежде Александровне, стало ясно, что отец Екатеринбургский находится в состоянии легкого подпития. Надежда Александровна просила Николая Петровича передать священнику об отказе ему в приеме в доме Керенских.

Пробегаю глазами текст. Совершенно неожиданно попалось письмо с такими строчками: «Вскоре после моего отъезда в Петербург умерла жена Керенского и дата — июнь 1905 года. Значит, Надежда Александровна умерла и похоронена в Ташкенте?»

Немедленно заказываю подшивку газеты «Туркестанские ведомости» за 1905 год и спустя полчаса в нетерпении перелистываю странички, начав с апреля. Дошла до мая, читаю в номере 68: «Сегодня, в воскресенье 8 мая, в 8.30 утра состоится освящение вновь выстроенной церкви на Ташкентском кладбище». А в следующем номере от 11 (24) мая обведенное траурной рамкой сообщение: «Вчера, во вторник 10 мая, состоялось погребение скончавшейся в воскресенье, 8 мая, в 1 час. дня, Надежды Александровны Керенской, бывшей одно время председателем Туркестанского благотворительного общества и недавно избранной почетным членом общества вспомоществования учащимся в учебных заведениях города Ташкента». В следующем выпуске «Туркестанских ведомостей» маленькая заметка: «Муж и дети Надежды Александровны Керенской приносят глубокую благодарность всем лицам, молитвою об усопшей почтившим память ее и принявшим участие в постигшем их горе».

Вот тут-то я и вспомнил о двух черных, чутунных крестах без надписей рядом с могилой Надежды Федоровны. Один из них, стало ясно, принадлежит Надежде Александровне. А кто же тогда покоится под вторым? Пока ответа не было.

ЕЛЕНА, АННА И ФЕДОР КЕРЕНСКИЕ

Итак, у меня появилась никогда ранее не публиковавшаяся информация об отце, матери и одном из сыновей — известном политике. Но остальные члены семьи — неужели они не представляют интереса для истории? Сколько на сегодня издано и переиздано книг о семье Ульяновых, знаменитом своим родством с Владимиром Ильичем. Однако и фигура Александра Керенского, при всей спорности, имеет воистину мировое значение. Решаю продолжать поиски следов остальной родни.

Где могли учиться сестры? Либо в женской гимназии, либо в Мариинском училище. Заказываю описи фондов и начинаю подбирать дела. Просматриваю новую гору и — удача! Одно из дел именуется: «О назначении Елены Керенской и т. д. классной надзирательницей Ташкентской женской гимназии». Выходит, Елена пошла по стопам отца. Открываю синюю обложку с потрепанными от столетнего хранения края

ми. Лист первый: рапорт на бланке директора гимназии от 8 января 1895 года на имя Главного инспектора училищ: «Окончившая в прошлом, 1893/94 учебном году курс во вверенной мне гимназии, с правом на получение звания домашней наставницы, девица Елена Керенская обратилась ко мне с прошением об определении ее классною надзирательницею женской гимназии на вакансию уволенной от службы госпожи Богданович... Госпожа Керенская с самого начала текущего учебного года беспрерывно исполняет до сего времени обязанности классной надзирательницы во II классе...»

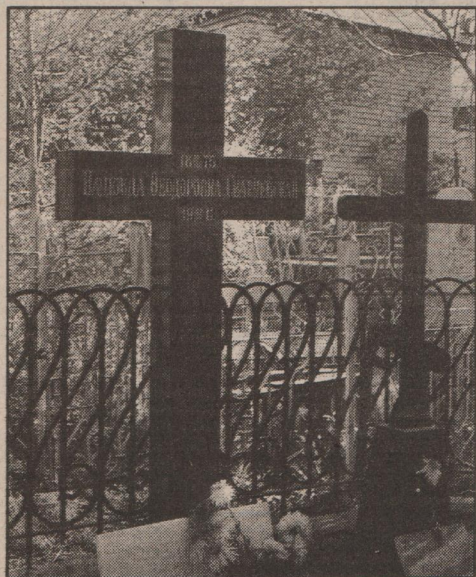
9 января следует приказ генерального штаба Туркестанского края по учебному ведомству о назначении Елены Керенской на должность. 8 мая Елена в должности утверждается.

Из формулярного списка Е. Керенской: «Составлен на 1 января 1896 г. 18-ти лет от роду, родилась 6 февраля 1877 года, знаков отличия не имеет, жалованье получает 450 руб. в год. Воспитанье получила сначала в Симбирской, затем в Ташкентской женской гимназии, в последней из которых окончила курс наук в 1894 году с награждением ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ».

Как видим, сестра в прилежании не уступала брату. Прослужив в гимназии более трех лет, Е. Керенская обратилась с прошением об увольнении ее от должности «по случаю поступления в слушательницы С.-Петербургского Женского Медицинского Института». 12 августа 1898 года директор гимназии в своем докладе Главному инспектору поддержал прошение молодого педагога.

А вот с младшей сестрой, Анной, мне не повезло. Единственно, где она упоминается (не считая отцовского служебного формуляра), — в фонде Главного инспектора училищ. На бланке председателя Туркестанского окружного управления Российского общества Красного Креста письмо от 22 июня 1906 года: «Милостивый государь Федор Михайлович! С соизволения Августейшей покровительницы Российского общества Красного Креста, Государыни Императрицы Марии Федоровны, Главное управление общества, согласно постановлению своему от 18-го сего мая, предоставило Вашей дочери Анне Федоровне право ношения Высочайше установленного 24 июня 1899 года знака Красного Креста за труды по сему обществу. Препроводя при сем знак... прошу Вас, согласно положению о сем знаке, выслать в Окружное управление 25 рублей».

Подняли дела общества Красного Креста. Но по 1906-му и более ранним годам списков членов не сохранилось. В более поздних Анна уже не встречается. Увязав награждение с недавно окончившей русско-японской войной, перебрал дела медсестер госпиталей. Ничего нет. Не значилась Анна и в списках гимназий.

Ташкент. Боткинское кладбище

Однако в Ташкенте существовало много частных учебных заведений, о воспитанниках которых сведений в архиве не нашлось...

Зная о существовании младшего брата А. Ф. Керенского — Федора и разницу в возрасте между ними — два года, без особых затруднений нахожу его в списках мужской гимназии. Федор Федорович не был такой яркой натурой, как его брат.

Восьмой, выпускной класс Федор закончил неплохо. Правда, без золотой медали, как его брат и сестра, но и без троек. Младший Керенский решил поступать не только в тот же С.-Петербургский университет, где уже учился Александр, но и на тот же юридический факультет.

ТУРКЕСТАНЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Перебирая личные фонды, я натолкнулся на незнакомое имя — Николай Порфирьевич Архангельский, доцент, заслуженный учитель Узбек-

ской ССР. В его деле я впервые встретил упоминание о «Туркестанском землячестве в Петербурге». На мое счастье, оказалось, что в архиве имеется несколько дел об этой организации. Заказываю их, а пока продолжаю просматривать документы Н. П. Архангельского и в одной из папок обнаруживаю воспоминания о его учебе в Петербурге и знакомстве с А. Ф. Керенским, где, кстати, Николай Порфирьевич уведомляет нас о правильном произношении этой фамилии. Он пишет, что Александр Федорович произносил свою фамилию с ударением на первой «е».

Александр Федорович к этому времени уже трудился в Петербургской адвокатуре. Адвокаты тогда, правда, чисто условно, делились на три группы по категориям проводимых дел: уголовные, гражданские и политические. Керенский с самого начала своей деятельности входил в группу «политиков». Познакомились они, как рассказывает Николай Порфирьевич, в Туркестанском землячестве, в правление которого входили А. Ф. Керенский и, позже, Н. П. Архангельский. Когда же мне на стол легли папки с делами землячества, я увидел в протоколах фамилию, сразу привлекшую внимание: Л. В. Фрунзе. Родственников? Оказалось — родная сестра. Людмила Васильевна Фрунзе, член правления. Она значится в протоколе от 7 ноября 1911 года, в списке присутствующих на заседании под номером 7, следовательно, восьмым, идет А. Керенский.

А за два года до этого разыгралась целая драма, документальные следы которой сохранились в одной из «единиц хранения». Телеграмма из Москвы в Петербург на имя Л. Фрунзе: «Миша (то есть Михаил Васильевич Фрунзе. — Е. Д.) приговорен приезжайте Владимир, 27 января 1909 года».

На следующий день Людмила Васильевна пишет заявление: «Председателю правления Туркестанского землячества. (По свидетельству Архангельского, им в то время был А. Ф. Керенский.) Прилагаю при сем телеграмму из Москвы, сообщющую о смертном приговоре над братом моим, Михаилом Фрунзе, обращаюсь к правлению Т. З. с усиленной просьбой помочь мне в трудный день свидания с братом и принести ему посильную помощь своим присутствием в г. Владимире, в тюрьме которого он находится».

В настоящее время мне более, чем когда-либо, нужны деньги, которые были ассигнованы Правлением землячества в ноябре месяце в сумме 150 рублей.

Признавая затраты, которые приходится делать Правлению зем-ва по устройству вечера, все-таки надеюсь, что Правление поймет то безвыходное положение, в котором находится мой брат и я, и окажет мне посильную помощь из ассигнованной раньше суммы, хотя бы и не в полном размере.

Р. С. Деньги прошу переслать в Москву по следующему адресу: Большая Спасская ул., д. Белорукова-Навроцвало, кв. н. 3, Александре Павловне Гавриловой для передачи Людмиле Фрунзе. Л. В. Фрунзе. 28 января 1909 г.»

В тот же день согласно сводной ведомости Людмила Васильевна полностью получает просимую сумму. Вот уж действительно — судьбы сплетение!

УДАРЫ СУДЬБЫ

Деятельность Федора Михайловича в хлопотной должности Главного инспектора училищ подходила к концу. Здоровье его с каждым годом ухудшалось.

12 декабря 1909 года Ф. М. Керенскому в Ташкенте приходит телеграмма из Симбирска: «Собравшись в день столетнего юбилея Симбирской гимназии бывшие Ваши воспитанники шлют своему любимому директору сердечную благодарность за вложенные твердые начала и желают Вам многих хороших дней». А прошло ни много ни мало целых 20 лет!

Но, к сожалению, хороших дней остается совсем немного, и спустя всего полгода после юбилейной телеграммы Ф. М. Керенский подает доклад: «Переутомление и усиливающееся болезненное состояние мое требует, по совету врачей, немедленного прекращения занятий и систематического лечения. Докладывая об этом, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство освободить меня от исполнения служебных обязанностей. 27 июля 1910 года».

Как нам уже известно, в 1911 году семью Керенских постигает вторая после смерти матери удар — в тридцатилетнем, цветущем возрасте умирает старшая дочь — Надежда Федоровна, по мужу Сваричевская.

Спустя год с небольшим новый Главный инспектор училищ, Аркадий Александрович Соловьев, пишет докладную записку на имя Туркестанского генерал-губернатора: «Его Высокопревосходительству А. В. Самсонову... 8 сего июня в гор. С.-Петербурге скончался после тяжелой и продолжительной болезни бывший Главный инспектор училищ Туркестанского края Федор Михайлович Керенский».

Служащие в Управлении учебными заведениями Туркестанского края, а также учащиеся в средних и низших учебных заведениях города Ташкента выразили желание отсудить по нему панихиду. Панихида предполагается завтра, 13 сего июня, в 1 час дня в домово́й церкви Туркестанской учительской семинарии».

Слева, в углу, размещается резолюция генерал-губернатора: «Конечно, разрешаю».

Словно злой рок преследует семью Керенских. Еще через год из Петербурга в Ташкент приходит письмо из Департамента общих дел по пенсионному обеспече-

нию, датированное 9 мая 1913 года: «Вследствие отзыва от 30 января сего года уведомляю Ваше Превосходительство, что совершеннолетней, неизлечимо больной дочери б. Главного инспектора училищ Керенского, круглой сироте Елене Керенской... назначена мной пенсия в размере одной четвертой части пенсии отца (3000 рублей), именно по 750 рублей...»

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ КЕРЕНСКИЙ

Касаясь судьбы А. Ф. Керенского после октябрьского переворота 1917 года, Николай Петрович Остроумов пишет: «...об отзывах о Керенском не слышали ни его гордые родители, плакавшие над его дневником, ни младший брат его Федор (бывший тов. прокурора в Ташкенте), сказавший самодовольно моему хорошему знакомому во дни славы его брата: «Что скажет бывший директор нашей гимназии о моем брате Саше теперь?» И в сноске Остроумов дополняет: «Судьба его была тоже печальна: он был убит выстрелом из ружья только потому, что был братом Александра Керенского, громкой славы которого восхищался».

Из дневника мне стали понятными два обстоятельства. Первое, что Федор Федорович служил в судебном ведомстве, поскольку прокуроры, по структуре правовых органов того времени, входили в состав судебных палат или округов.

Второе, что он был убит в Ташкенте. Но когда и кем — не ясно. Если бы Николай Петрович указал в дневнике хотя бы год — сколько бы он сэкономил мне времени и сил. Увы, о дате не было даже намека. Но, исходя из особенностей того смутного времени, это должен был быть 17-й или 18-й год, решил я для себя. И почему-то мне вспомнился второй черный крест на Боткинском кладбище.

Выясняю, что в архиве имеются документы Ташкентской судебной палаты и прокурора при ней, Ташкентского окружного суда с прокурором и отдельно прокуроров. Для представления о количестве дел (единиц хранения) в одном фонде приведу в качестве примера такую цифру: только в описи судебной палаты их около двух тысяч. А то, что интересует исследователя, может находиться в одной-двух папках, зачастую поименованных совсем не по своей теме.

Но, слава Богу, одно из дел называлось: «Счета в употреблении аванса, отпущенного товарищу прокурора Ташкентской судебной палаты Ф. Ф. Керенскому на разъезды по делам службы».

Эти сухие бухгалтерские документы означали, что в конце 1918 года Ф. Ф. Керенский был жив.

Более недели ушло на переборку дел, пока не нашлись несколько, имеющих отношение к Федору Федоровичу. В одном из них был и формулярный список, составленный в 1910 году, с поправками в 1913-м.

К 1913 году Федор Федорович получает чин коллежского секретаря и повышение по должности. Ташкентский окружной суд... Товарищ (по нынешнему «помощник». — Е. Д.) прокурора Ашхабадского окружного суда.

Два года прослужил Федор Федорович в Ашхабаде. О его должностных качествах и способностях лучше всего говорят документы. Например, представление на имя председателя Ташкентской судебной палаты от 14 декабря 1915 года: «...составил себе прочную репутацию выдающегося судебного работника, обладающего исключительной трудоспособностью, энергией и основательным запасом юридических знаний».

Нравственные его качества и твердость политических убеждений не составляют желать ничего лучшего, а его уравновешенность и корректность на службе и в частной жизни делают особенно желательным его перемещение в Ташкент, который является административным центром края...»

Ташкент для Федора Федоровича был желанным городом по многим причинам. Здесь прошли его детские и юношеские годы, здесь находился отчий дом и, наконец, в 1912 году, незадолго до перевода в Ашхабад, 29-летний прокурор женился на учительнице Мариинского женского училища Н. А. Сервиной.

Последний документ, имеющий отношение к Федору Федоровичу, который мне удалось обнаружить, датирован 30 ноября 1918 года. К этому времени Ф. Ф. Керенский исполняет обязанности прокурора Ташкентской судебной палаты — высшая ступень в краевой иерархии.

Десятки пересмотренных дел со списками осужденных, арестованных, сидящих в Ташкентской тюрьме успеха не принесли. По совету многоопытных архивистов, знающих от меня, что Федор Федорович был убит, решаю посетить городской архив ЗАГСа, где имеются книги регистрации смертей.

Представляюсь, объясняю цель своего визита. Заведующая сначала говорит о каком-то письменном запросе, но потом решает показать мне старые книги. Начинаю с 1918 года. На букву «К» всего три фамилии. На остальные примерно столько же. Одно из двух: или в 1918-м резко прекратили умирать, или перестали регистрировать умерших. Склоняюсь больше ко второму варианту.

Просматриваю до 1926 года — когда Н. П. Остроумов начал писать воспоминания Керенских нет.

Где еще регистрируют умерших? Да на кладбище, конечно!

Прямо из архива ЗАГСа двигаюсь на Боткинское

кладбище. В конторе меня уже знают по прошлым визитам. Рассказываю суть дела. Бухгалтер Мария Николаевна объясняет, что старые книги хранятся в шкафу и она сама их посмотрит в течение 3—5 дней. Благодарю и уезжаю.

Тогда же решаю, что настала пора потревожить живых людей, в памяти которых только и могут сохраниться интересные для меня детали. Начиная с Ленинграда. Несколько дней накручиваю диск, набирая номер Николая Георгиевича Сваричевского. Наконец дозвонился. Знакомимся. Рассказываю о своих поисках, спрашиваю о Федоре Федоровиче, интересуюсь фотографиями семьи Керенских.

Николай Георгиевич расспрашивает об уцелевших памятниках. Он очень давно не был в Ташкенте и удивлен, что все в общем-то сохранилось. Но для меня сведений не так уж и много. Фотографии семьи Керенских были — Федора Михайловича, Надежды Александровны, Александра Федоровича, Федора Федоровича, но... их уничтожили в 30—40-х годах, боясь возможных репрессий. О смерти Ф. Ф. Керенского в Ташкенте Николай Георгиевич слышал от родителей. Произошло вот что. После революции (в каком году — он не знает) Федор Федорович шел по своим делам где-то в районе железнодорожных путей. Его остановил красногвардейский патруль для проверки документов. Узнав фамилию «Керенский», его тут же расстреляли.

Преступление заключалось не в совершении конкретных злодеяний, а в принадлежности к роду. Немудрено, что все, кто знал об этой истории, жгли фотографии и боялись вслух произнести фамилию Керенских. А в издательствах как черт от лапана кидались прочь от рукописей, посвященных опальной семье.

На прощание Николай Георгиевич пообещал позволить мне, если что-то вдруг обнаружится, и посоветовал найти дальнего родственника Виктора Сваричевского, живущего в Ташкенте. Надо же такому быть, что Виктора я знал лично. Он был в 70-х годах фотографом журнала «Огонек». Дня три мне понадобилось, чтобы найти его новый номер домашнего телефона. Звоню. Жена отвечает: «Виктор в командировке, будет дней через пять». Ничего, подождем.

Виктор Сваричевский позвонил где-то в середине недели. Договорились встретиться в воскресенье у меня, чтобы спокойно обо всем поговорить.

Из рассказов бабушки (по отцу) Нины Владимировны Виктор знает с детства, что на кладбище в их семейной ограде похоронены кроме Надежды Федоровны отец и мать Александра Федоровича Керенского. Начинаю рассказывать обо всем, что удалось за эти месяцы установить, в том числе сообщая место смерти Федора Михайловича — Петербург. Но Виктор напоминает, что вроде бы бабушка говорила ему, как тело Ф. М. Керенского позже перевезли из Петербурга в Ташкент и похоронили рядом с телом жены.

Итак, в 1911 году умерла Н. Ф. Керенская (Сваричевская). Ее безутешный муж заказывает в Петербурге крест из черного мрамора и литую ограду по собственному проекту. Как водится у православных, памятник ставится на могиле не ранее чем через год, когда осядет земля. В следующем, 1912 году умирает Федор Михайлович. Возможно, его кремировали, но могли доставить в Ташкент и в оцинкованном гробу, уже имевшемся в те времена.

Кроме ограды по заказу Георгия Михайловича были изготовлены венки из белых фарфоровых роз. К 50-м годам розы начали разрушаться, и через несколько лет от них остался лишь металлический каркас, который убрали.

Узнал я и вот о чем. Я видел в ограде могилку с металлическим крестом и надписью «Сваричевский Юрий. 1902 год». Оказывается, это сын Георгия Михайловича и Надежды Федоровны, умерший в малолетнем возрасте. А надписи на загадочных черных крестах о том, что здесь покоятся Керенские, сбили по просьбе семьи Сваричевских, опасавшихся разделить участь Федора Федоровича.

О судьбе ташкентского прокурора Ф. Ф. Керенского Виктор в тот день ничего сказать не мог, но обещал узнать у матери. Через несколько дней Виктор Владимирович позвонил. Да, ее бабушка была знакома с женой Федора Федоровича — Ниной Алексеевной. Бабушка вспоминала, как спустя примерно год после октябрьского переворота 17-го года Федор Федорович внезапно исчез — ушел утром из дома и не вернулся. Продав сутки, Нина Алексеевна бросилась на поиски. Следы привели в ВЧК, где ей сообщили, что Ф. Ф. Керенский расстрелян. Но тело выдать отказались.

За одну ночь Нина Алексеевна посидела. У них с Федором Федоровичем была дочь, страдавшая туберкулезом, вместе с которой она спустя два месяца уехала из Ташкента в Ялту, и следы ее затерялись.

Перед тем как положить трубку, Виктор рассказал мне еще об одном загадочном факте. В течение многих лет, как он посещает могилы близких, в семейной ограде именно около двух черных крестов без надписей появляются цветы. «Может быть, тебе это для чего-нибудь пригодится», — добавил он.

Как знать, но сейчас этот факт навел меня на размышления: ведь тот, кто кладет цветы, знает, КОМУ именно они предназначены, а значит, пока жива память хоть одного человека, надежда узнать всю правду о забытой семье не потеряна.

Елена СВЕТЛОВА,
обозреватель
«Совершенно секретно».

23 января 1985 года был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР подполковник КГБ Владимир Савельев (фамилия изменена), который обвинялся в измене родине. Двойной агент по кличке Faréwell передал французским спецслужбам около трех тысяч страниц документов с печатью КГБ, в том числе списки 250 офицеров КГБ, работающих за рубежом, данные советской контрразведки, угрожающие безопасности Франции, США и Великобритании.

При слове «шпион» воображение рисует этакое супермена, спящего с пистолетом под подушкой, стремительно уходящего от погони. Трудно представить себе обыкновенного человека со всеми слабостями и вполне земными чувствами. Давайте посмотрим на него глазами той, что знала его лучше других. Глазами жены.

Если существует любовь с первого взгляда, то это был именно тот случай. Взгляды встретились, судьба решилась в два слова, они поженились.

Владимир заканчивал МВТУ имени Баумана, был далеко не последним на курсе, с хорошей анкетой, к тому же спортсмен — эти качества сыграли роль в том, что его пригласили работать в КГБ. Не успев попробовать себя в качестве молодого специалиста-бауманца, он снова взялся за учебу — теперь уже в Высшей школе КГБ. Два диплома плюс знание французского и английского обеспечили отличный старт карьере Владимира.

Официально инженер Торгово-промышленной палаты СССР, а на самом деле сотрудник Первого главного управления КГБ, Владимир Савельев получает завидное назначение: то во Францию, то в Канаду. С точки зрения обыкновенного человека, который круглый год копил деньги на незамысловатый отпуск и до самой смерти мечтает о машине, Савельев просто баловень судьбы.

На двадцать пятом году супружеское счастье Савельевых умерло. Ситуация банальна как мир: у Владимира закрутился роман. Соперница была из тех, о ком говорят «книжное особенного», к тому же далеко не первой молодости, но у нее было одно важное преимущество — она работала вместе с Савельевым, а на службе наши люди, как известно, проводят куда больше времени, чем дома. Разводиться с Ольгой он не собирался, наваждение постепенно исчезало, страсть прошла, и рад был бы он поставить на своем увлечении точку, да было уже поздно. Любвища, назовем вещи своими именами, требовала развода. Однажды она застала Савельева за подозрительным занятием: маленькой камерой он фотографировал секретные документы. Капкан захлопнулся. К любовным увещаниям добавился грозный шантаж.

Савельев отлично понимал: стоит только потянуть за ниточку, размотается весь клубок, и клубок опасный, в конце которого только пуля в висок. Подполковник КГБ, сотрудник элитарного ПГУ вел двойную игру. Именно от него французская разведка получала сверхсекретную информацию чрезвычайной важности, позволившую Марселю Шале, начальнику службы безопасности, назвать дело Савельева крупнейшим в истории шпионажа за всю послевоенную историю.

В ночь на 22 февраля 1982 года в квартире Савельевых звонил телефон. «Наверно, тебя», — сказала Ольга мужу. Это был не первый ночной звонок за мучительный для обоих год, но, как оказалось, последний. Та женщина не хотела больше ждать. Ультиматум был поставлен жестко: «или разведись с женой и женись на мне, или...». Он достаточно изучил свою партнершу, чтобы понять: это не пустая угроза, обезумевшая любовница готова на все. Срок ультиматума истек меньше чем через сутки, и Савельев, как никто другой, знал, что пощады ему не будет. Но идти в ЗАГС под дулом пистолета и всю оставшуюся жизнь быть на мушке у шантажистки, в любой момент ожидающей подвоха... нет, худшей доли не пожелаешь и врагу. И тогда он принимает, как ему кажется, единственно возможное решение...

Вечером 22-го после работы он распаковывает дверцу своей «Волги» перед той, которая ждет его слова. Он возбужден, но ничем не выдает своего состояния. Она садится в машину в предвкушении праздника — Владимир уверяет, что оставит жену, теперь они будут вместе и это надо отметить. Он припас «Шампанское», они поедут за город, он знает тихое местечко.

Дальше события раскрываются, как в детективе. Савельев достает нож и начинает избивать свою жертву, чтобы покончить с ней. Но тут появляется бывший милиционер, уволенный из органов внутренних дел. Он подходит к машине, думая, что там очередная бездомная парочка: кто, в самом деле, будет в феврале слоняться по проселкам? Но в «Волге» разыгрывается кровавая драма. Савельев, охваченный паникой, выскакивает на снег и ударом ножа убивает свидетеля. Хлопает дверца: это женщина в ужасе пытается убежать. Она надеется спастись, но реакция Владимира быстрее. Он снова за рулем, жмет на «газ» и сбивает беглянку на полном ходу. Все. Конеч.

Ольга уже дома. Она весь вечер чувствует необъяснимое волнение. Когда появляется Владимир, Ольга не задает ему лишних вопросов. Отношения их за последнее время стали настолько натянутыми, что об откровенности не может быть и речи. Она замечает, конечно, его странный вид, видит кровь на дубленке, но думает, что он упал у подъезда. Там лед. Он торопится, говорит, что обещал заехать за сыном в институт. Потом позвонили друзья: «Ольга, зайди к нам, приходил Володя, с ним что-то произошло». Она бежит к ним, чтобы услышать страшные слова: «Володя сказал, что убил двух человек».

Он ошибся. Убит был только неожиданный свидетель, а женщина осталась жива. Его арестовали в тот же вечер. Следствие. Суд. Приговор. Пятнадцать лет.

Потом второй суд, на этот раз закрытый. И — пуля в затылок.

Ольга открывает бутылку водки. Мы пьем не чокаясь. Так пьют на поминках.

— Когда вы в последний раз видели мужа?

— В 84-м году, в декабре, на свидании. В январе следующего года его не стало. Я узнала об этом только в феврале. Готовилась, как обычно, нести ему передачу. Там был приемный день. Звонила, чтобы уточнить время, но телефон молчал. Почему-то ни один телефон там не отвечал. С трудом мне удалось выйти на человека, который сказал, что на все интересующие меня вопросы я получу ответ в Военной коллегии Верховного суда. Меня привели в какую-то маленькую темную комнату на первом этаже и сообщили, что муж расстрелян по приговору, свидетельство о смерти я могу получить в ЗАГСе Киевского района Москвы. У меня была одна мысль: выдержать, не упасть, не заплакать, не зарыдать. Отскочила вниз на скамейке и пошла домой. Мне все казалось, что это страшный сон, который должен кончиться, но он не кончался. Месяца два я ничего не говорила дома. Молчала. Но однажды мама что-то сказала, и я разрыдалась. Мама поняла, не стала успокаивать, иначе я, наверно, умерла бы от слез.

— Вы не думали поменять фамилию?

— Никогда. Мне предлагали не раз

ИНТЕРВЬЮ В ДОМЕ РАССРЕЖАННОГО

развестись с мужем и поменять фамилию. Просто и легко. Но если мы прожили четверть века в счастье, почему я должна была бросить его в беде. Он отец моего ребенка.

— Как отнеслись к случившемуся ваши друзья?

— Многие отвернулись. Они прямо сказали: «Оля, ты должна понять, что мы не можем больше поддерживать с тобой отношения. Это опасно». А на работе никто не знал. Я говорила, что муж скоропостижно скончался. Но как трудно носить эту маску и вести себя по-прежнему...

— Внешне на судьбе вашей семьи никак не отразился тот факт, что вы — вдова государственного преступника?

— Да, ко мне отнеслись гуманно, как к человеку, с которым случилась большая беда. Но я все равно чувствовала себя отщепенкой.

— Каким Владимир остался в вашей памяти?

— Человеческая память так устроена, что всегда вспоминаешь все самое лучшее, но, независимо от этого, я должна сказать, что за 25 лет совместной жизни, исключая ту трагедию, конечно, я не могу вспомнить ничего плохого. Рядом с ним я чувствовала себя как за каменной стеной, какая бы я ни была — грустная или веселая, капризная или злая. Это был праздник, который всегда со мной... В том, что случилось, есть и моя вина. Женщина всегда определяет тот момент, когда она нежеланна, нелюбима, неприятна, как бы мужчина ни пытался это скрыть. После долгих лет счастливой жизни для меня это был страшный удар. Может быть, я неправильно себя повела, потому что не использовала чисто женских способов, чтобы вернуть мужа. Мы отдалились друг от друга, я не пыталась его понять.

— Очевидно, он не видел выхода из ситуации, в которой оказался...

— Да, он был загнан в угол. Он ведь был очень добрый, ласковый, даже сентиментальный — и вдруг такие страшные поступки, которые не увязываются с представлениями о человечности. Такая озлобленность, жестокость. Он был в состоянии аффекта, не соображал, что делает. Он, конечно, не обдумывал заранее, решение созрело, видимо, в последнюю ночь. Я встретила его надзавтра случайно ту женщину. Она жутко выглядела, страшные шрамы на лице... Я была в таком шоке, когда узнала о том, что произошло. Я шла и думала, что хорошо бы для меня машина насхлала. Представьте себе состояние человека, который спокойно плавает на пароходе, и вдруг его сбрасывают в воду. Мне казалось странным, что я иду на работу, что жизнь продолжается, идет своим чередом...

— Давайте вернемся к самому началу. Почему Владимир принял предложение работать в КГБ и как вы к этому отнеслись?

— Сыграл роль дух романтизма, какого-то преклонения перед этой организацией. Ему казалось, что именно там сосредоточены лучшие силы общества, которые принесут стране благо.

— А 37-й год? Мало было романтики...

— 37-й год был для нас исключен. Мы ничего не знали.

— Когда наступило разочарование?

— Достаточно скоро. Володя стал замечать, особенно в Канаде, что система развалена, никто не хочет работать, царит дух разобщенности и подозрительности. Проворачивается посредственность, подобранная по признаку кумовства и семейственности. Тогда начали брать в КГБ людей из райкомов, по линии комсомола. Им сразу присваивали звание майора. Среди них была масса бездуховных, безграмотных людей. Любая инициатива сразу разбивалась об эту стену непрофессионализма и нежелания работать. Если уж он вырвался за границу, то с единственной целью отсидеться и приобщиться к материальным благам. Удивительно, как они сразу находили дешевые магазины, о существовании которых мы не подозревали, прожив в стране три года.

В самом начале атмосфера была другая. Работали хорошие ребята, не шадившие ни сил, ни здоровья. Был дух товарищества. Летом семьи наших сотрудников жили на даче. Помню, как ждали приезда мужей, как все вместе накрывали на стол, как играли в волейбол... Но приехавшие вновь сразу замыкались. В тесном мирке быстро проявляются самые отвратительные черты характера. Дача эта в свое время принадлежала министру финансов правительства Виши, она была куплена советским посольством за мешок оккупационных марок. Этот дворец мы заселили, как клопы. Проводили субботники, воскресники, но в последние годы дача пришла в запустение. Застекленную оранжерею разбили, конюшни разрушили, о теннисных кортах забыли.

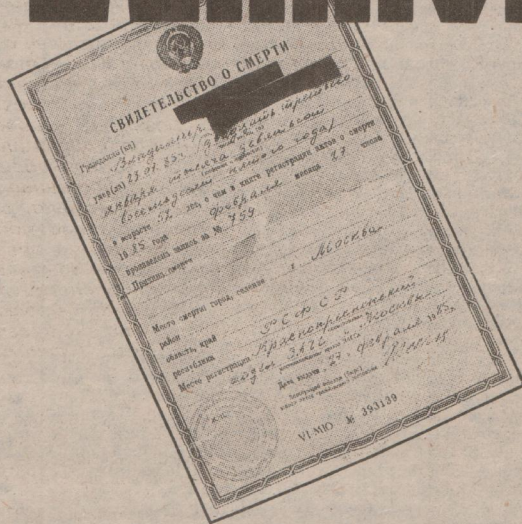
Работать никто не хотел. Зачем? Пытаешься что-то сделать, засветишься — вылетит, и уже невыездной. Зачем это надо? Лучше три года тихо, спокойно просидеть. Конечно, Канада — сложная страна, там могли за каждым поставить слежку, но все равно... Там Володя начал попивать.

— Вы могли спокойно ходить по городу?

— Могла, но там еще свои следили за своими.

— Вы замечали?

— Конечно, замечала. Нам и консержи говорили: «У вас сегодня были гости...» Натянешь где-нибудь нитку, вернешься домой — нитки нет.

— Как к этому относился ваш муж?

— Переживал. Часто говорил о развале. Я уговаривала его доработать до пенсии. Его выводил из себя бесконечный фаворитизм, когда тебя без конца обходят по служебной лестнице. Я понимаю, когда речь идет о более достойном человеке, но коли это мальчишка — чей-то сын... А ведь Володя был высоким профессионалом.

— Не было ли у него мысли остаться на Западе?

— Думаю, что нет. Конечно, когда возвращаешься сюда и сталкиваешься с нашим «ненавязчивым» сервисом, контраст очевиден... Однажды у него вырвалось по какому-то поводу, что если бы мы остались во Франции, то жили бы иначе. Я не придала этим словам значения. Кроме того, Володя понимал, что я не в состоянии бросить свою страну со всеми ее бедами, сложностями, проблемами.

— Как ваш муж относился к деньгам?

— Деньги для него немного значили. Он по натуре был такой человек, что, если к нему приходил кто-то и говорил: «У меня ничего нет», он был готов все отдать.

— То есть он был не из числа наших соотечественников, которые, находясь в загранкомандировке, сидят на консервах и чуть ли не мрут голодом домашних?

— Да что вы?! Были, конечно, люди, которые складывали покупки в чемодан, а сами носили обноски. А мы жили в очень respectable районе, я гуляла с маленьким сыном в Булонском лесу, он был одет, как парижанин. Там я замечала одну пару, которая приезжала на «роллс-ройсе». Оказалось, они ездили, чтобы послушать русскую речь. Мужчины — его фамилия Расторгуев — рассказывали мне, что у него жуткая ностальгия по России. «Вы сами гуляете с ребенком, — заметил он как-то, — а вот другие русские дети гуляют с нянями». Он принял жен наших сотрудников за нянь...

— Значит, не деньги явились причиной сотрудничества вашего мужа с французскими спецслужбами?

— Нет. По крайней мере, в доме я этих денег не видела.

— Замечали ли вы что-либо странное в поведении Владимира?

— Дело в том, что я была занята своей личной трагедией. Потом уже, во

время следствия, меня поставили в известность о сотрудничестве мужа с французами.

— Как вы восприняли это известие?

— Тяжело... Я вот думаю, почему, если человек работает на нас, его называют разведчиком, а если против нас — шпионом? Вы не читали Николая Костомарова? Там как раз всплывает вопрос предательства, когда речь идет о взаимоотношениях Ивана Грозного и Андрея Курбского.

— Известны ли вам мотивы поступка вашего мужа?

— Я знаю лишь, что в своем последнем письме, которое до меня не дошло, он объясняет причины своего предательства, в частности нежеланием мириться с советской системой, разобщенностью и недоверием в КГБ, духом нечестного соперничества и бесконечного фаворитизма, неповоротливостью бюрократической машины, мелочной придирчивостью. Я этого письма не видела, о его содержании узнали на Западе через перебежчика Юрченко, который, по его словам, вел дело моего мужа.

— Сохранились ли у вас другие письма Владимира?

— Он чуть ли не каждый день писал мне из колонии, просил сохранить письма, с тем чтобы потом написать книгу. Но при обыске все письма отобрали.

— Не вернули?

— Нет, конечно.

— Долго ли длилось второе следствие?

— Быстро, примерно полгода.

— У вас было свидание?

— Мы разговаривали в присутствии

трех-четырех людей. Один смотрел на мой рот, другой смотрел на мои руки, третий — на него в надежде перехватить какие-то условные знаки. Это было мое ощущение. Володя после долгой разлуки целовал мои руки, смотрел на меня, словно мы были вдвоем. Большие я его не видела. Проститься нам не дали.

— Каким вы нашли его в ту последнюю встречу?

— Как я поняла, они его обработали прилично. Медицина у нас для этого достаточно приспособлена.

— Знаете ли вы, где похоронен Владимир?

— Не знаю. Так легко. Такое чувство, что он жив, просто уехал куда-то очень далеко.

Как «сгорел» подполковник Савельев? Мы этого не знаем. Передавая французской разведке сведения исключительной важности, касающиеся военной безопасности, раскрывающие механизмы советского шпионажа, подполковник сознательно шел на колоссальный риск, никак не сопоставив с суммой 100 тысяч франков, приводимой в книге Марселя Шале. Дело Савельева не только значительно повлияло на карьеру самого Шале, но принесло политический успех Миттерану. Ведь именно от французов американцы узнали, о чем идет речь во взрывоопасных материалах, предоставленных советским подполковником.

Утратил ли Владимир Савельев обязательную для шпиона осторожность или выдали его сами французы, выдворившие в апреле 1983 года из страны 47 советских дипломатов, некоторые из которых значились в списках Савельева? Остается только гадать.

Недавно по приглашению КГБ в Москву побывали журналисты из «Антенн-2». Они разыскали Ольгу Савельеву. «Французское правительство должно нести обязательства перед вашей семьей», — сказали они. — Есть ли у вас какие-нибудь претензии? «Претензии? — спросила она. — Это смешно. Какие у меня могут быть претензии? Я живу в своем мире, где только одни воспоминания...»

В когда-то роскошном, а теперь побиенном от времени кресле приставается маленькая белая собачка, совсем старенькая по собачьим меркам. Когда-то ее принес в этот дом хозяин, которого вот уже шесть лет как нет в живых. Ей-то не объяснишь, почему он ушел и не вернулся.

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ

Два года назад мне позвонил один английский издатель и предложил написать книгу — мой взгляд на происходящее в нашей стране, в отечественной культуре. И даже прислал договор. Гарантия, что написанная книга будет опубликована, меня соблазнила. Дело в том, что «роман» с отечественными книгоиздателями у меня как-то не складывается: шестой год в издательстве «Искусство» валяется моя книга «Шесть вечеров в мире музыки», написанная совместно с Г. Прибегой, и каждый год регулярно мне обещают, что уже в следующей книге выйдет непременно. Короче, я написал «Кому принадлежит искусство».

По иронии судьбы к моменту завершения работы английский издатель разорился, однако по воле случая с рукописью познакомилась нью-йоркское издательство «Либерти» и обратилось ко мне с предложением ее опубликовать. Я дал согласие. В «Совершенно секретно» публикую фрагменты из нее. Полностью книга выйдет в издательстве «Либерти».

В шестидесятых—восьмидесятых годах на посту министра культуры сменились три человека. Первой была Екатерина Фурцева. Человек трогательной безграмотности в области культуры. Я до сих пор помню ее выступление у нас в Союзе композиторов, когда она объясняла нам, композиторам, как замечательно опера Мусоргского «Ночь на Лысой горе». Сказать же ей, что великое сочинение Мусоргского — это симфоническая поэма, но никак не опера, никто из нашего начальства не решался. Мы же, молодежь, потихоньку фыркали в зале и толкали локтями друг друга в бок, полагая, что представители культуры — это как раз мы, а министр культуры, по нашим привычным меркам, совершенно необязательно должен быть человеком интеллигентным и никакого вреда от этого не будет. К сожалению, мы опять ошибались.

Я вспоминаю смешную историю, когда Фурцева собрала у себя деятелей культуры и в целях экономии средств предлагала объединить несколько существовавших тогда хоров донских казаков, представлявших разные регионы казачества, каждый со своими особенностями, чем они и были драгоценны.

Фурцева сказала: «Дайте объединим все эти хоры в один единый казачий хор, это будет и удобней, и дешевле». На что один из знаменитых и старейших актеров ей возразил (время было другое, и возражать уже было можно, хотя бы на словах). Он сказал: «Екатерина Алексеевна, до вас это пытался сделать царский генерал Деникин в годы гражданской войны». Скандал был неописуемый.

Следующим был Петр Демичев. Почему именно он, непонятно. Все полтора десятка лет, которые он провел на посту министра, он не мог забыть, что его «унизил», так как разжаловали из ранга крупного партийного деятеля, его, кандидата в члены Политбюро, назначили министром культуры. Ничего не понимая в культуре, он умудрился развалить то, что не успела развалить Фурцева.

Это при Демичеве начались массовые отъезды замечательных музыкантов-исполнителей за рубеж, началась массовая культурная эмиграция. Но никто не хотел задумываться, почему бегут из страны выдающиеся деятели культуры. Это при нем урезали средства на развитие культуры. Это при нем заморозили и запретили выделение средств на культурные стройки. При нем стали выходить из строя доставшиеся нам в наследство от предыдущих поколений замечательные памятники культуры, до сих пор ждущие своей очереди на ремонт и реставрацию.

Забегая вперед, должен с печалью признать, что и следующий министр культуры, Василий Захаров, по профессии своей далек от этой области.

А пока, возвращаясь в шестидесятые годы, еще раз приходится вспомнить, что тучи, которые стали сгущаться над советской культурой в начале шестидесятых, тем не менее исходили не от правительства и даже не от перечисленных министров культуры, а выросли из внутренней междоусобицы и борьбы деятелей культуры старого образца, напуганных столь стремительным продвижением творческой молодежи. Переполенные выставки новой живописи, воспринятые публикой с огромным интересом, вызвали панику среди начальства Союза художников, привыкшего к сытой жизни, полученной им за отображение современных им вождей и счастливых колхозников. Все это бесестное вранье и безбедная жизнь были поставлены под угрозу. Начальство Союза писателей было также чрезвычайно обеспокоено новым взрывом интереса молодежи к современной литературе, к переполенным залам стадионов, на которых читались новые стихи и выступали Вознесенский, Ахмадулина, Евтушенко и другие. Обеспокоено было и начальство Союза кино бумом вокруг таких имен, как Тарковский, Калик, Парджанов. То же самое творилось и в Союзе композиторов.

Скандал разразился, сначала будучи локальным, в Союзе художников. Тогдашний председатель Союза художников Серов добился от Хрущева его согласия приехать и посмотреть выставку, в том числе и работы

молодых художников-авангардистов, выставивших свои работы в Манеже. Расчет был гениально прост. И сработал он совершенно четко. Выстрел «попал в десятку». Мишень отреагировала так, как от нее и ожидали. Хрущев, человек, бесконечно далекий от культуры и искусства, за всю свою жизнь, вероятно, видевший только картины соцреализма и воспитанный на собственных портретах, написанных лакеями-художниками, на картинах, которые изображали дородных розовощеких доярок и упитанных коров, выписанных с большой тщательностью, как и планировалось начальством Союза художников, пришел в ярость, когда увидел картины молодых художников-абстракционистов. Скандал, вспыхнувший на выставке в Манеже, перекинулся на другие виды искусства. Началась новая охота на ведьм. С большой радостью подкидывали хворост в этот огонь руководители других Союзов, находились и выискивались новые имена. В общем, это походило на 1948 год. Правда, это было не так страшно, скорее, пародийно. Но последствия были вполне серьезными. (У меня до сих пор висит дома картина замечательной художницы Гаяны Каждан, тоже попавшей в этот скандал, так как ее картина — автопортрет — была выставлена в тот злосчастный день в Манеже. Удивительно тонкий портрет, одухотворенность — вот, наверное, наиболее точная характеристика, которая возникает, когда смотришь на него.) Гаяна Каждан, как многие другие молодые художники, осталась без средств к существованию. И тогда в Москве появился известный коллекционер Кастаки, который практически за бесенок скупал эти картины и увозил их за рубеж. Я не хочу, чтобы меня поняли, что я осуждаю Кастаки. Нет, он действительно многих спас. Просто от голода. Но факт остается фактом. Многие замечательные картины художников, сегодня знаменитых во всем мире, уехали в частные коллекции разных стран. И отечественная культура потеряла их безвозвратно. Впрочем, это же происходило и позже. Не только в шестидесятые годы.

Я помню, как в пятьдесят третьем году я, студент первого курса, был на панихиде величайшего композитора XX века Сергея Прокофьева, который имел несчастье умереть в один день со Сталиным. Я прекрасно помню, что в зале Союза композиторов, где был выставлен гроб Прокофьева, было не больше десяти человек. Я был потрясен этим. Я ожидал увидеть на этой панихиде огромное стечение людей. Я боялся, что мне туда не удастся пробиться. Каково же было мое изумление, когда я увидел пустой зал. Все музыкальное начальство в этот день находилось на церемонии похорон Сталина, искренне и горько его оплакивая. Это было в пятьдесят третьем. Но в шестидесятых это же начальство уже клялось именами Прокофьева и Шостаковича.

Много позже, перед самой своей смертью, Никита Хрущев сказал моему другу, художнику Борису Жутовскому, примерно следующее: «И зачем я только полез в это дело?» Мне рассказывал об этом сам Борис в тот день, когда он был у Хрущева, одинокого, никому не нужного. По традиции Хрущев у себя на даче отмечал дни рождения, где выставлялся огромный стол со всевозможными закусками в ожидании его бывших соратников и друзей. Жутовский рассказывал, что от года к году на них было все меньше и меньше

ей было под семьдесят. Вероятно, это был один из самых интересных домов в Москве, где пересекались очень разные люди, хотя круг их достояточно ограничен. В этом доме бывали Луи Арагон, Эльза Триоле, Надя Шагал, Плисецкая, Щедрин, Вознесенский. О Лиле Брик и тогда говорили разное. Но общение с женщиной, так связанной с великим поэтом, мне дало бесконечно много. Помню, она подарила мне только что вышедший том изданной ею личной переписки с Маяковским. Книга оставила у меня двойственное впечатление. Уже очень много интимного, что, вероятно, широкая публика не имела права знать, проступало в этой книге. Я сказал ей об этом. Я был молод, и, как теперь понимаю, большим тактом это мое замечание не отличалось. Но она ответила мне: «Я хочу, чтобы, пока жива, все, что было связано с Маяковским, стало бы достоянием всех. Желаящих извратить наши отношения, уверю вас, предостаточно». Она так и надписала мне эту книгу: «Микаэлу Таривердиеву. Эта книга о правде и кривде Маяковского».

Тесная трехкомнатная квартира на проспекте Кутузова, уставленная полками с книгами. Книги были везде — в гостиной, кабинете, в холле, по-моему, даже в спальне. В этом доме царил дух сопричастности к великому поэту. И мне кажется, что никому не дано право ни тогда, ни сегодня, ни завтра судить женщину, которую любил великий поэт. По-моему, это единственно возможная позиция.

Влияние Лили Юрьевны на художественную интеллигенцию Москвы тех лет было огромным. Самое любопытное, что вокруг нее собиралась молодежь 60-х годов — музыканты, поэты, художники. Она щедро раздавала идеи, конечно, обычно связанные с Маяковским. Это была именно ее идея написать ораторию «Война и мир» по Маяковскому. Я очень жагелся этой идеей. Катаяня, ее муж, известный маяковед, сделал подборку стихов для будущей оратории, что-то вроде либретто. Ужасно жаль, что так эта работа и не состоялась.

Брик попросила записать на магнитную пленку цикл на стихи Маяковского и, хотя этот цикл исполняли прекрасные профессиональные певцы и радийная пленка у нее была, она, несмотря на мое отчаянное сопротивление, заставила напеть этот цикл меня самого. Я напел, аккомпанируя на рояле, своим ужасным «композиторским» голосом, не понимая, зачем ей это нужно. Но она считала, что ей важно сохранить все версии — и профессиональную певческую, и авторскую. Это нужно было ей для каких-то сравнений, исследований. Во всяком случае, я хорошо помню, что я никогда не мог противостать ей. Почему? Не знаю, но в этой уже старой женщине была удивительная магнетическая сила.

В доме Брик я познакомился с Андреем Вознесенским и Беллой Ахмадулиной. Именно Лили Юрьевна сказала, что я обязан писать на их стихи. И она, как всегда, оказалась права. И творческое сотрудничество, и дружба с этими столь разными замечательными поэтами сохранились у меня на все последующие годы. Она «сколачивала» нас в какой-то единый кулак. И действительно, что-то необъяснимое связывало нас всех. Насколько я знаю, именно у нее в доме познакомился Родион Щедрин с Майей Плисецкой. И этот

ПРОРОКИ МУЗЫКИ

народу. На последнем из них было всего несколько человек, не считая, естественно, семьи, в числе которых был Борис Жутовский, жестоко в свое время обруганный Хрущевым, на много лет лишенный заработка и получивший запрет на свое творчество. Но, когда Хрущев оказался в опале, у Бориса хватило человечности регулярно бывать на его днях рождения, подвергая себя большому неудовольствию со стороны правительства Брежнева. И это не было позой. Такой была молодежь шестидесятых. Обидно и удивительно, что эти качества оказались никому не нужными в последующие годы, как, впрочем, и сегодня.

В 1958—1959 годах во время юбилейного торжественного концерта в Большом театре состоялась премьера моего вокального цикла на ранние стихи Владимира Маяковского. На другой день у меня дома раздался звонок. «Это говорит Лили Юрьевна Брик. Вы написали музыку на стихи Маяковского. Мне кажется неправильным, что мы незнакомы. Приходите в среду в пять часов». Так я стал бывать на обедах в доме Лили Юрьевны Брик и Василия Агбаровича Катаяня. Надо ли объяснять, что означало это имя для всех нас и для меня в частности? Лили Брик, женщина, вдохновившая Маяковского на многие его лучшие стихи. Женщина, которая была названа первой в его предсмертной записке. Женщина-легенда. Тогда

союз дал очень многое творчеству обоих. Однажды Щедрин мне даже сказал: «На меня наибольшее влияние в течение моей жизни оказали три человека. Это мой отец, Лилия Брик и Андрей Вознесенский». Что касается меня, то в моем ряду людей, оказавших на меня влияние, Лилия Брик тоже имеет свое место. Я бы назвал мою мать, Лиллю Брик и Мариан Салганик, моего близкого друга, индолога, политолога.

Жизнь позже раскидала моих друзей тех лет. Но даже когда мы сорисили друг с другом, воспоминания о тех годах не давали сегодняшним обидам или неудовольствиям заслонить ощущение общности, которое возникло тогда.

Нет, не слава, не честолюбие и не деньги объединяли нас. Нас объединяло ощущение, что мы нужны обновленной своей стране, своей изменяющейся стране, что мы нужны нашим сверстникам. И в этом нас поддерживала Брик. Но и вообще это ощущение имело под собой основание. Переполенные залы Политехнического на вечерах Ахмадулиной, Вознесенского, Евтушенко, Аксенова. Грандиозный успех в Большом театре первого балета Родиона Щедрина. Исполнение в Большом зале консерватории и Зале Чайковского знаменитой певицей Зарой Долухановой моей камерной вокальной музыки. Огромный интерес к нам со стороны радио, телевидения, прессы. Будущее улыбалось нам. Иллюзии молодости никому из нас не давали возможности трезво оценить ситуацию в стране.

Каждый искал пути самозащиты и пытался хотя бы внутренне отделить свой мир от внешней политической агрессии. Например, Шостакович избрал совершенно удивительный метод. Сегодня некоторые ставят ему в вину, что им написан целый ряд статей — и не только в сталинское время. — поддерживающих позиции тогдашнего политического руководства. Многих это шокирует. Но мало кто знает, что Шостакович не написал ни одной из этих статей сам. Его принцип заключался в том, что он подписывал любую принесенную ему политическую галиматью, созданную любым корреспондентом любой заштатной газеты. От центральной до вечерней. Очень скоро это количество перешло в качество, и очень скоро в журналистских кругах стало известно, что Шостакович подписывает любую статью, не читая, не только не вникая в ее смысл, но, повторяю, даже не читая. Этим самым он как бы отделил себя от статей, справедливо рассчитывая, что история все расставит по своим местам. Так и случилось. В это же время он создает свой «Раек», обнародованный лишь в 1989 году, — кантату-сатиру на тексты, имитирующие постановления ЦК времен 1948 года. Естественно, музыка его, полная трагизма и понимания великим художником эпохи, в которой он живет, никак и ни у кого не ассоциировалась с теми парадными статьями, которые он подписывал. Но тем не менее страх в нем жил до последних дней.

Мне рассказывал один журналист, что, когда он только начинал свою работу в газете «Правда», ему поручили интервью с Шостаковичем по поводу какого-то официального юбилея. Он очень нервничал. Еще бы — ему предстояло интервьюировать великого композитора. Он специально готовился к этой встрече, читал какие-то материалы. Узнав о его волнении, старшие коллеги над ним посмеялись, сказав: «Не волнуйся, Шостакович подписывает все, что ему приносят, не читая». Он рассказывал мне, что, к его изумлению, все именно так и произошло.

Я вспоминаю грустные, может быть, немного смешные истории с другим замечательным композитором, моим учителем Арамом Хачатуряном. Это было уже в шестидесятые годы, когда мое поколение, только вошедшее в жизнь, не боялось никого и ничего. Нам были непонятны по молодой глупости и нетерпимости ощущения людей поколения Шостаковича и Хачатуряна. Однажды Хачатурян позвонил мне и сказал: «Немедленно приезжай!» Он был очень возбужден. Я испугался, подумал, здоров ли он, вскочил в машину и помчался к нему. Когда я приехал, он сказал мне: «Ты знаешь, я сегодня был в Кремле, на обеде, и сидел рядом с Подгорным» (тогдашним Председателем Вер-

ховного Совета СССР). Я сказал ему: «Арам Ильич, вы все перепутали, это вы оказали честь Подгорному, и это он сидел около вас». Хачатурян замахал на меня руками и закричал: «Молчи, ты сумасшедший, тебя когда-нибудь посадят». Повторю, это были уже шестидесятые годы. Но Хачатурян, как человек своего поколения, был травмирован навсегда. Как это печально и как это грустно! И это ведь не просто кто-то — это крупнейший музыкант, имя которого уже тогда осталось в истории. Он напомнил мне в этот день мою маму, которая постоянно боялась за меня.

Это были люди, выросшие, сформированные в атмосфере террора и страха. И они действительно искренне боялись за нас, за ту безобидную ересь, которую мы порой «несли».

Но вот другая фигура. Сергей Прокофьев, входящий в это великое «трио». Он не только отказался в 1948 году каяться. Более того, он был груб с всевышним и наводившим на всех ужас Ждановым во время того совещания, с которого начался разгром советской музыки. Когда он пришел на заседание, куда его вызвали, и Жданов начал его поучать, то Прокофьев сказал ему (передаю это в пересказе, меня там, как вы понимаете, не было): «А кто вы, собственно, такой?» Тот сказал: «Я Жданов, секретарь ЦК по идеологии», на что Прокофьев ему ответил: «А я Прокофьев, меня знает весь мир». Кара, постигшая Прокофьева, была значительнее. На радио были стерты все его записи, было остановлено печатание его сочинений, он был лишен права концертировать. Он умер с долгом почти в 20 тысяч рублей. Ему было труднее всех. Почему он вел себя так? Потому что он был смелее своих великих коллег? Нет, я думаю не в этом дело. Просто становление его как музыканта, человека, крупнейшего деятеля культуры происходило вне влияния сталинского режима. Он приехал на родину всемирно известным композитором. В нем уже жил дух свободы. И он, головой понимая ту или другую опасность, сердцем и душой не мог преодолеть это ощущение внутренней независимости. Может быть, моя версия и наивна, но, задумываясь над этим много раз, я объяснял себе это именно так. Другой версии я не нашел.

У нас существует система заявлений о приеме на работу. Будь то театр, филармония или же оркестр, где в одностороннем порядке желающий получить место в филармонии, театре пишет по установленной формуле: «Директору театра (филармонии). Я, Иван Иванович Иванов, прошу вас принять меня и т. д.», то есть поступающий на работу человек принимает на себя все обязательства, а учреждение в лице

директора — никаких. Да, конечно, у нас существует так называемое трудовое законодательство. И в случае неоправданного увольнения можно жаловаться, подать в суд, но не в этом дело. Важна уничижительная формула: «Я прошу...» Формула, которая по сей день никого не удивляет. И это еще одна из наших деформаций. О тех, кого она удивляет, ходят рассказы. Вот один из них.

Говорят, что в свое время Святославу Рихтеру предлагали преподавать в Московской консерватории. И Рихтер дал согласие. Были проведены предварительные переговоры, и все утряслось, к взаимному удовольствию. Иметь такого профессора, как Рихтер, — это высокая честь для консерватории любого ранга. Когда нужно было решить формальности, Рихтеру позвонили и попросили заехать в ректорат консерватории заявление. Он спросил: «Какое заявление? Я не знаю, как оно пишется». На это ему ответили, что оно пишется так: «Я, Святослав Теофилович Рихтер, прошу вас принять меня в качестве профессора в Московскую консерваторию».

Рихтер переспросил: «Я прошу? Я ничего не прошу у вас». Ему ответили, что такого обязательная форма. Рихтер отказался написать подобное заявление, так и не став профессором Московской консерватории. И никто не хотел изменить формулировку.

Я не берусь судить о достоверности этой истории, может быть, это просто легенда, но факт остается фактом: любой человек, куда бы он ни поступал — в любое творческое, да и не только творческое, учреждение страны, начинает с этой формулы: «Я прошу...» со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Вот это факт абсолютно достоверный.

А вот еще смешная история. Я написал музыку к первому советскому телевизионному телесериалу по роману Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны». Фильм имел очень большой зрительский успех. Каждый вечер в течение двух недель вся страна усаживалась перед телевизорами. Есть даже данные Министерства внутренних дел, что во время демонстрации этого фильма в стране резко падал процент уголовных преступлений, совершенных в эти часы. Так как не только широкая публика, но даже жулики и ворышки усаживались к телевизорам и не могли отвлечься на кражи. Короче, это был успех. Надо сказать, что Леонид Брежнев очень любил кино. А уж детективы — тем более. Видел он и этот фильм, который ему специально привозили на дачу много раз.

Премьера фильма состоялась в 1972 году. С тех пор прошло много лет. В конце жизни Брежнев изъявлял желание посмотреть этот фильм еще раз. Фильм вновь привезли ему на дачу — сериал целиком. После просмотра, по рассказам очевидцев, он заплакал и сказал: «Какая прекрасная музыка, какой огромный труд композитора». И тут же помощники записали: «Композитору Таривердиеву — орден Трудового Красного Знамени». «А радистка Кат, — сказал он, имея в виду актрису Екатерину Градову, — с ребенком на руках она передавала по радию данные о немцах — почит нашим матерям и разведчикам в годы войны». Помощники услужливо записали: «Орден «Знак Почета». Так он прошелся по всей группе, работавшей над фильмом. Ну, правда, он забыл упомянуть автора сценария и книги Юлиана Семенова, поэтому ему никакого ордена не досталось. Видимо, Брежнев полагал, что актеры произносят текст, который придумали сами. Он забыл упомянуть также и главного оператора фильма, на плечи которого легла огромная тяжесть по съемке картины. Видимо, он думал, что на пленке изображение появляется само собой, а никто из помощников не посмел ему об этом напомнить. Так они и не попали в этот список награжденных.

Но самое любопытное началось потом. Брежнев стал называть всем тем, кого он награждал. Он позвонил режиссёру Лиозновой, но ее не было в Москве, и телефон не отвечал. Он позвонил мне, но меня тоже не было в Москве. Короче говоря, из всей группы он дозвонился только артистке Екатерине Градовой, которая исполняла далеко не первостепенную роль в фильме. Дозвонившись ей, он сказал: «Это говорит Брежнев». Но так как в это время Москва была полна анекдотов о нем, то Градова решила, что кто-то ее разыгрывает, и послала его к черту. Обидевшись, он все же набрал ее номер снова. Она послала его к черту вторично. Леонид Ильич ужасно разобиделся. Его помощник позвонил в Государственный комитет по кино, Градовой тут же перезвонили. Какой-то киночиновник, голос которого она знала, закричал: «Не бросай трубку, дура, это действительно Брежнев с тобой говорит». Вот так я получил свой единственный орден.

Вот так рождалось отношение к творческим людям. Так определялись критерии оценок в искусстве — на основе реакции членов Политбюро, слухов об их отношении и так далее.

Мне очень жаль, что этот орден, которым бы хотел гордиться, я получил не за свою безупречную жизнь в искусстве, не за мои оперы, которые идут во многих театрах страны, не за мою камерную музыку, не за музыку к кино, которую я люблю, и даже не за успех фильма «Семнадцать мгновений весны», что было бы тоже приятно. А за минутный каприз человека, которого я никогда не уважал. Почти через десять лет после премьеры. Наверное, именно поэтому я ни разу в жизни его не надел.

НИТЬ

В этой колонии усиленного режима, что под Ленинградом, в прошлом году было начато строительство церкви.

— Как ты относишься к Богу? — спросил я Евгения, когда мы проходили мимо строящегося храма. Он провожал меня до выхода из зоны, где заодно должен был забрать на КПП в свои санки почту для осужденных — такова обязанность библиотекаря.

— Бог, говорят, прощает всех грешников, — подумав, ответил Евгений. — Но у меня слишком много грехов. Не замолить. Не Божьим, но людским судом осужденный Евгений Мирошников отбывает наказание в (как это официально именуется) учреждении УС-20/5 с 7 марта 1988 года. И сидеть ему до 2003 года.

— Что ты вынес из Афганистана, Евгений?

— Изношенную нервную систему. Знание, что человека убить — просто. И еще — злость. Злость ко всему и на все. Я чуть не заработал себе судимость на третьей неделе после возвращения. Когда пьяный мужчина наступил в трамвае моей спутнице на ногу и, не извинившись, выматерил ее. Я оторвал ему ухо. Правое.

— Напрочь?

— Напрочь. Случайно, правда. Я в него вцепился, а он дернул головой после того, как я его ударил коленом. Соответственно голова в одну сторону, а ухо осталось в руке. Ну, там крику, крови! Он катается, визжит. Наверное, надолго запомнит...

— А ты помнишь свою первую детскую обиду?

— Меня в детстве много обижали. Мама — нянечка в детском саду — была электропроводом и ремнями, в доме их было много. Когда подросток в классе седьмым, собрал все ремни в кучу и повесил на стенку. Мама больше не трогала. А отца у меня не было, во всяком случае, я его не помню.

Раз в месяц, как правило, перепадало и на улице. Но в этом был свой плюс: научился хорошо держать удар.

— Как ты в детстве разрешал конфликты?

— А как они в детстве обычно разрешаются? За стол переговоров не садились. Но все же предпочитал действовать словами.

— Твое умение «держат удар» пригодилось в армии?

— Дембелизм, о котором говорили, что его нет, там был

такой, какого нет здесь, в тюрьме. После учебки в любой самой беспредельной тюрьме лучше. Там мне с первого дня дали понять, что я никто, я — не человек. На третий день я был изуродован.

— Но это в учебке, в Союзе. А в Афгане?

— Мы, двое «молодых», попали во взвод, где 16 человек старше нас на год призыва, четверо — на полгода и пять «дембелей». Представьте обстановку! Быть, как в тюрьме говорят, шнырем у одного — это полбеды, а у двадцати — совсем другое. У кого послабше нервы — не выдерживал. В 86-м году в Лашкаргах в штабе бригады доведенный таким макаром «черепа» (так называли там тех, кто служит от шести месяцев до года) кинул в землянку гранату и убил наповал восьмерых старослужащих.

— Послушай, но ты, как я знаю, сам был разжалован из сержантов в рядовые за неуставные взаимоотношения?

— Но я никого не увечил. Мои неуставные отношения выражались в том, что когда кто-то не выполнял приказ, я заставлял это делать. Как? Завяжу на шею у отказывающегося бешат бугая шарфик и тяну с собой. Могу еще затвором автомата поиграть, когда настроение плохое. Наш батальон был отдельным частям. Два года до Капдагара. Комбат — царь и бог. У нас — форма № 8, что

украли, то и носим. Джинсы, пуссера — кто в чем. Но, если ожидается приезд высокого начальства, всем выдается новое х/б, чистятся ботинки, подшиваются воротнички — все в порядке, все нормально. Как везло, как всегда у нас. В Союзе красят пожухлую траву зеленой краской, и тут наводился лоск. Очень многие пристрастились там к паркотикам.

— Во время боевых действий ты видишь, что попал в кого-то?

— Преимущественно да. В белый свет, как в копеечку, никто палить не будет. Стрелять надо одиночными. Очередями только в кино стреляют. Обычно цель выбираешь. Вот когда давишь огневую точку — тогда да, ничего не видно.

— Тебе приходилось ставить к стенке людей?

— Ну, так сейчас не делается: лицом к стене, завязывание глаз... Обычно кладут на землю и стреляют: так удобнее. У меня в деле упоминается 16 расстрелов по приказу. А точное количество я вам сказать не могу. Не помню просто, да и не хочу вспоминать.

— Извини, но что ты почувствовал после первого своего?

— Ничего. Вообще ничего. Выработывается определенная психология: убиваешь не ты. Трудно убить ножом, трудно задушить. А здесь убивает оружие. Ты просто дернул пальцем. Все! Кровь! К крови все же можно привыкнуть. Я с детства относился равнодушно к чужой.

Не к своей, конечно. Стереотип эгоиста, который присущ — к чему скрывать? — большинству из нас.

А первый? Передо мной лежит старик, без оружия, но с дыркой в ноге. Ходить не может. По этой причине с ним вошкаться никто не будет: перебивать, брать с собой — кому это надо? Ну, поскольку я «молодой», «черепа» делай, Евгений. Евгений пулемет направил и сделал. И так дальше.

— Наверное, «делая» это, человек не только убивает себе подобных, но и человеческое в себе самом. Этот старик был душманом?

— Нет, он не мог быть душманом. Хотя бы в силу своего возраста. Но действия наши

Зачем
сейчас

Фото Виктора ДИДЕНКО, Валерия ЗУФАРОВА и Бориса КАВАШКИНА

были все-таки оправданны. Ибо там шла война с народом, а мы были оккупантами. Тот же мальчишка, пастух, который увидит нашу группу, сделает все, чтобы ее сдать. И вечером, когда стемнеет, группа будет окружена. В лучшем случае ее просто обстреляют, в худшем — уничтожат.

— Ну и вещи ты рассказываешь, однако! Мы-то здесь из редких публикаций и телевизионных передач узнавали, как наши ребята...

— ...помогают дехканам осваивать землю, делятся с ними зерном, пищевыми продуктами? Мне тоже доводилось видеть по телевизору раздачу мешков с мукой. Может, это и факт, но думаю, чтобы потом мешки отбирали обратно. Но я лично не участвовал ни в одной из подобных акций. И мой батальон за то время, что я там находился, ни разу никому не помогал. В силу, видимо, нашей специфики: местные знали, чем мы занимаемся, и помощи от нас в общем-то не ждали. А кроме того, знаете, я бы с удовольствием поделился с бедным дехканином продуктами. Но в свое время я побывал у одного дома. Да, у них XIV век, да, они едят и спят на глине. Но зато на всех стенах висят ковры, а комнате четыре «Шарпа» и на базар он ездит на «тойоте».

— Очевидно, не все они живут так хорошо. Ну да ладно. А скажи, верил ли ты тогда в интернациональный долг, защиту южных рубежей? Что думаешь о той войне сегодня?

— Сначала верил. Как и все, наверное. Я улыбался, дарил галеты и стуженное молоко по своей наивности. Но однажды, после того как нас обстреляли, я задумался. До меня вдруг дошло, что меня тут могли того... И все! Что я мог стать мясом, от которого пользы — ноль. Что у матери, от командира учебки узнавшей где я, было два инфаркта. И я начал рассуждать: а зачем? Чем мы им помогли? Тем разве, что они друг друга режут и стреляют?

Тогда у меня изменилось отношение даже не к руководству нашему, тут глубже — к строю. Советскую службу как такую перестал признавать. Она меня посадила? Прекрасно, я сижу. Но как сейчас любят говорить, она оказалась перенатальной.

— Как встретили тебя после Афганистана?

— Мать хорошо. Чего нельзя сказать о представителях той же самой Советской власти. Ибо я на своей шкуре испытал, что такое игра в бюрократический футбол. Если коротко, по Указу нашего «высокоумного» Совета Министров от 17 декабря 83-го года мне была положена однокомнатная квартира. Но я не настолько крут и на квартиру не претендовал. Хотел попросить комнату из фонда «до подхода очереди», их сотни пустуют в Ленинграде. Пришел к инструктору по распределению жилищной площади Красногвардейского райисполкома, который мне сказал буквально следующее: «Я тебя тут не посылал. Съездишь в Афганистан и теперь хочешь получить квартиру в Ленинграде?» Я даже матом не стал ругаться. Потому что передо мной сидел человек с двумя рядами орденов планок, и он гордился тем, что держит в руках нити, судьбы людей, что он может решать. Власть — это страшная вещь. Ее нельзя давать кому ни попадя. Ну, потом я с таким же «успехом» побывал в других инстанциях, пока не понял: бесполезно. И перестал в трамвае за проезд платить.

— Из принципа?

— Из принципа. Я не хотел иметь ничего общего с Совет-

ской властью. Никогда не ходил на выборы и не пойдю, если эта власть будет существовать. Она не моя. Я никого не выбираю. Все!

— Тем не менее ты говорил, что собирался вступить даже в партию.

— Это в армии. Мне было 19 лет. Предложили.

— Но, когда ты согласился подать заявление о приеме, ты думал о высоких идеалах коммунизма?

— Нет, не думал.

— Что же тобой двигало?

— А корыстные мотивы. Я прекрасно знал, что, будучи партийным, имея за спиной опыт афганской войны, имея война-интернационалиста, мне в чем-то да и будет здесь поглаже, как в тюрьме говорят. Только корысть, не более, как и у большинства вступавших. Были, конечно, редкие индивидуумы, которые и там по убеждению шли в партию. Но, судя по всему, сейчас они в этих убеждениях уже разочаровались. Надеюсь, во всяком случае, на это.

— Почему ты оказался в колонии?

— Лишил жизни человека. Не я давал ее, не мне забирать. Я наказан и не ропщу на наказание как таковое. Но все-таки, насколько же оно справедливое — это мое наказание? Человек, который совершил тяжелейшее преступление, менее чем через сутки сам приходит в Главное управление внутренних дел Ленинграда и говорит: «Я совершил вчера убийство, вот он я, берите» — этот человек получает 15 лет усиленного режима плюс пять лет ссылки: максимум по этой статье. А здесь сидит один, на котором «висят» два трупца, и ему дали всего восемь лет.

Когда я сдался милиции, отвалился, не спавши, в «хате» в «Крестах» два месяца, думаю, что надо было бы выпустить меня на волю: добродетельной гражданки тогда просто бы не было, тише убийцы не существовало б, поверьте. А сейчас во мне с годами накапливается злоба, которая когда-нибудь выльется. Я это знаю. Один раз вылилась уже, за что и сижу. Сейчас мне 24. Выйду в 37. Еще пять лет ссылки, Господи, да в сорок я еще много чего смогу: и пострелять, и руками помахать. Много горя могу принести, когда выйду. Второй раз я сдаваться не приду. Все! Мне, между прочим, киллером предлагали стать. И я, дурак, отказался. Действительно, дурак. Я бы имел все.

— О чем ты мечтал в детстве?

— О многом. Конкретно — не помню. Сейчас — о теплом море, двух пальмах, чтобы гамма между ними и три филиппинки с подносами. Больше ничего не надо.

— Какие сны тебе снятся?

— Воля. И цветная. Я лес люблю. Лет пятнадцать каждое лето ездил в Ярославскую область. Там дом у нас был в деревеньке. А вокруг — лес.

— Если теория, по которой души умерших людей воплощаются в животных, верна, в какое животное ты хотел бы «переселиться»?

— В домашнего кота.

— Твоя мать еще работает?

— Не знаю, я с ней связей не поддерживаю. Есть на то свои причины.

Уже после суда я женился. Жена на 12 лет старше, с ребенком. Когда я попал в тюрьму, от меня отвернулись все, кроме нее. Она оказалась единственным человеком, который не забыл меня, и потому я ей многим обязан.

— Ты говорил об афганском синдроме...

— О чувстве человека с оружием. Когда ты держишь или даже только имеешь возможность держать в руках судьбы людей. Можешь направить оружие, куда пожелаешь. Испытываешь даже иногда наслаждение, когда видишь лицо человека, на которого направил оружие, его глаза, испуг. Сказывается, наверное, наше советское воспитание: если в руках появляется хоть малейшая власть — это притягивает.

— В 85-м году, говорят, из этой колонии освобождился человек двадцать «афганцев». Сидели они по разным статьям: убийство, попытка убийства, драки по 206-й... Объясняли, на нерв надавали. И сейчас вас здесь таких, как мне сказали, одиннадцать человек.

— В любой другой стране люди давно бы уже задумались над этими словами: надавали на нерв. Большевистству не давят, а давят почему-то именно им. Значит, что-то с этими людьми происходит, надо что-то для них делать?

Знаю пример, когда человеку надавило на нерв то, что перед ним стоял урод патлатый, блуд, простите, с гребнем, в оборванных джинсах с бахромой. Мне на него, например, наплевать, для меня он просто урод, его не существует. А человеку это надавило на нерв, и парень просто забил его ногами. И получил по 102-й «г» — особая жестокость — десять лет.

— У тебя ведь тоже 102-я «а» и «г» — умышленное убийство из корыстных побуждений, совершенное с особой жестокостью? Плюс 146-я — разбой. А до этого была 144-я — кража. Кстати, и в приговоре суда, и в заключении психолога-эксперта говорится о том, что мотив и цель совершения убийства ты назвать не смог. А сейчас, по прошествии времени?

— Убивать я не собирался. Так получилось. Знакомый должен был мне две с половиной тысячи и не отдавал. А мне жить на что-то надо? Я пришел к нему с запиской: даю три дня срока. Открыла его мать, с ножом в руке, видимо, на кухне готовила. Прочитала записку и начала ножом перед носом у меня размахивать: оставь моего сына в покое и прочее. Меня заклинило. То, что в приговоре говорится о двух десятках ударов ножом со сломанным клинком, который я якобы носил с собой (ну какой здравомыслящий человек будет носить в кармане нож со сломанным лезвием?), что я душил ее проводом от магнитофона, — чепуха. Вы ж понимаете, желай я ее убить — я бы мог это сделать быстрее.

— Твое отношение к амнистии, объявленной для «афганцев», кажется, в конце 1989 года?

— Да, 15 декабря. Амнистия людям, которые совершили преступление против государства, то есть тем, которые изменили Родине, статья которых подрастеряна, — это анекдот. В Афганистане в подобных случаях не было вариантов. Там не разговаривали. Суд трех офицеров части, 24 часа, приговор — все!

— О чем ты говоришь?!

— Я сам столкнулся с этим только один раз, но слышал неоднократно. К нам на 7-й пост пришли парламентарии от молдаванцев и предлагают: мы вам человека, а вы нам — пулемет. Суть в чем: в 83-м человек ухитрился, сдается в плен. Заканчивает в Пензаваре их учебку и становится, если переводить на русскую классификацию, заместителем главаря банды. А после того, как главаря убивают, хозяином. И разводит в этой бан-

де натуральный советский дембеллизм: «духи» у него отжимаются, он им в грудь колотит, ну и так далее. В конце концов им это надоело, они его ночью связали, пришли к нам и поменяли на пулемет. После этого построили батальон, его поставили перед строем, нам разрешили плевать, делать что угодно. Конечно, никто не вышел, не плевал, просто смотрели с интересом: борода, калоши на босых ногах. Не много он там получил, но это, видимо, в силу своего интеллекта. А потом суд из трех офицеров части. Я, как начальник караула, выделял людей для приведения приговора в исполнение.

— М-да... Но мы отвлеклись от амнистии.

— Она своим толкованием прощает людей, которые изменили Родине, присяге, государству — совершили преступление, страшнее которого в общем-то нет. Хотя сейчас и слово «Родина» обветшало. Все начинают понимать, что Родина — это там, где хорошо.

А вот люди, преступившие закон в Союзе после службы в Афганистане, после того, как отдали Родине все, — эти люди получили на всю катушку. Меня вот — ха! — и единственной медали лишили: «70 лет Вооруженных Сил СССР». Те же, кто когда-то ушли к «духам» и оказались поумней, — спокойно живут на Западе. Судя по всему, простому дворнику там житьется лучше, чем честному токарю в СССР. И им разрешили вернуться, против них не будет уголовного преследования! Их выпускают из тюрьмы. За что? За какие такие заслуги? Попасть в плен в тех условиях — это надо было умудриться. Случайно-то оно все не получается. Если ты попал в плен, это означало одно: ты ушел в плен. Сам ушел. По причинам различным. Преимущественно — дембеллизм. Может быть, один из тысячи и попадал случайно. Но никак не все 300 человек — бедные, несчастные, измученные в пакистанских тюрьмах, накаченные наркотиками, «вынужденные» отказаться от Родины, постоянно оплакивающие ее... Не могло быть такого при той системе круговой поруки, когда все разбиты на тройки и старший тройки — это его первой обязанности — следить за тем, кто и где из двух его подчиненных находится. Двух, не десяти. Иногда, чтобы достать труп человека, делали общеплановую операцию. Шли под пули «спецом» в укрепрайон, специально, намеренно, только для того, чтобы достать труп и предъявить его на опознание. Иначе — человек пропал без вести. Хотя все знают, что солдат погиб, сгорел в вертолете, тем не менее нужен труп. Дабы родителям отослать справку, что он погиб и они могли бы получить пенсию. Я понимаю: все это надо. Но не ценой новых трупов. А когда провели общеплановую операцию, трупов оказалось семнадцать. Ради одного. Зачем же так?

— Стрель ли ты планы на будущее?

— Я живу хлебом насущным: сегодня есть — хорошо.

— Как ты относишься к спиртному?

— Вообще я любил посидеть за бокалом сухого. Но здесь бросил пить. Становилось непредсказуем. Даже с небольшими дозами теряю контроль над собой. Недавно у нас один за пьяную блевотину стал трупом. Его и не жалко никому: дерьмо есть дерьмо.

— Ты здесь довольно неплохо устроился: работа, как говорит, не пыльная — библиотекарь; чисто, тепло, даже уютно, книги кругом. «Интер» вон курить, а в

городе «Стрелку» купить — проблема.

— А у нас только болгарские продают, угощайтесь.

В опубликованных в «Огоньке» откровениях бывший экзистенциал утверждал: в тюрьме хорошо живет тот, кто работает на опережку. Но это не так. За одно такое предложение можно отвернуть башку, и все будет правильно.

Раньше мое место стоило штуку, и даже не одну. Мне же оно досталось бесплатно. Побавлял с предшественником. Он, видимо, со своей стороны пробил. Взысканий у меня нет, вернее, было одно, но сняли, есть поощрения. Так и попал. Здесь, кстати, по двум специальным ПТУ окончил.

— Почему ты не работал после Афганистана?

— Я работал месяца три по специальности, полученной еще до армии: помощником машиниста тепловоза. Но однажды пьяный машинист-инструктор хотел заставить меня противиться тряпкой тепловоз от пыли. В результате я получил дисциплинарное взыскание, лишился талона предприслужий, без которого не имеешь права ездить, ну и очутился в резерве на 140 рублей.

— Скажи, а ты не опасешься последствий этого интервью?

— Честно говоря, опасаясь. Есть этот синдром в крови, как почти у всех. И давление на администрацию вполне возможно. Если большому воинскому или партийному начальству не понравится то, что я сказал, сюда может быть послан представитель, который скажет: есть, мол, здесь такой гражданин Мирошников. Зажировал он, зажался, и язык у него чересчур длинный. Давайте-ка отправим его подальше, лес валить. И гражданин Мирошников на следующий день спецэкипажем поедет валить лес. Мне это не нужно, согласитесь. Я в общем-то стойкий человек, многое могу пережить. Но не хочу больше всех этих экзистенциалов.

Другое дело, если появятся опровержения всякие, мол, этого не было, то — ложь. А мне не имеет смысла лгать. У меня нет в этом заинтересованности. О том, что я рассказывал вам сегодня, в газетах не писали. Проскальзывало кое-что, но не это. Хотя все, что побывал в Афганистане, об этом знаю.

Сейчас уже порой кричат по телевизору: убийцы! Это о тех, кто воевал в Афганистане. Я бы этому горлопану морду набил, хотя нет, уже ударился бы в полемикку.

— И что бы ты сказал своему оппоненту?

— Я бы привел слова Конституции: «Закон социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР». Те солдатики, которые в Тбилиси лопатками махали, тоже «Отечество защищали». Их делают похожими на нас.

— Давать все же не будем обобщать. Не все нынешние воины похожи на вас, как и ты сам — вовсе не правило, а одно из исключений.

БОЛТЫШОЙ

-Давайте вернемся к ключевому для Польши вопросу отношений с первой в мире социалистической державой, как ее пышно в те годы принято было называть.

— В то время, в отличие от сталинских и даже шестидесятых годов, все уже прекрасно отдавали себе отчет, что король-то голый и что превращение всего земного шара в коммунистический рай — нереально. Советский Союз перестал употреблять понятие «мировая революция» и заменил его на «мирное сосуществование»...

— ...которое должно было завершиться победой мировой системы социализма.

— Подобные планы с самого начала казались мне опасными, так как могли вызвать региональные конфликты и даже мировую войну. Ведь московские стратеги хотели это сосуществование выиграть. То же самое делали и американцы, сознательно с самого начала разыгрывая карту «прав человека». Когда я сегодня вспоминаю подготовку и само Хельсинкское совещание, должен признать, что, несомненно, выиграл его Запад. За якобы высокую цену признания или подтверждения послеятинского устройства Европы Советский Союз позволил себя и своих союзников посадить на скамью подсудимых за несоблюдение прав человека. Хотя для Польши четвертая корзина ко дню подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе была в принципе не так уж страшна, но в большинстве социалистических стран дела с соблюдением прав человека обстояли очень неважно. Таким образом, четвертая корзина оказалась трояским конем Запада. Надо признать, что русские после Совещания пытались обострить политическую линию, и на идеологических конференциях раздавались весьма заносчивые выступления, но на реальное положение дел это никак не влияло.

— Таковы были принципы глобальной политики. Ну а если коснуться личных взаимоотношений? Все, например, отмечают, что ваше положение очень укрепляло не только хорошие отношения с западными политиками, но и с самим Брежневым.

— Это правда. Хорошие личные отношения с Брежневым очень облегчали мне действия на международной арене, защищали от самых обычных доносов некоторых моих коллег или же руководителей «братских» партий. Такое положение вещей укрепляло позиции Польши в социалистическом содружестве и давало нам большую по сравнению с другими независимость.

— Можно ли это назвать дружбой?

— Мне кажется, у Брежнева не было друзей. Следует признать, что мое избрание Первым секретарем он воспринял с удовлетворением. Было такое негласное правило, что каждый новый Генеральный обычно менял секретарей в братских странах. Таким образом, в нескольких странах социалистического лагеря «хрущевские» секретари были заменены новыми людьми. Так было в основных странах реального социализма в Европе: Польше, ГДР, Чехословакии. Гомулка, например, явно раздражал Брежнева своими поучениями. Ведь «товарищ Веслав» был из числа старых коммунистов и со временем стал считать себя выдающимся теоретиком марксизма, а выдающиеся теоретики марксизма могли быть только в Кремле.

— Брежнев вас уважал?

— Думаю, он уважал меня как человека. И, удивительное дело, особенно он уважал меня за то, что я никогда не кончал школы Коминтерна или каких-нибудь курсов в Москве. Он, конечно, знал мою биографию, и я был для него человеком с Запада. А это всегда нравилось русским. И кроме того, я как бы подтвердил свою «западность», если можно так выразиться, особыми отношениями с Жискар д'Эстеном и Гельмутом Шмидтом.

— Чувствовали ли вы робость по отношению к Брежневу?

— Вообще-то нет, хотя случались си-

Самым знаменитым бестселлером в истории Польши называют книгу Януша Ролицкого «Эдвард Герек. Прерванная декада» — интервью с Первым секретарем ПОРП в десятилетие 1970—1980 гг. Наших читателей мы познакомим с ней в восьмом номере «Совершенно секретно» за прошлый год.

Издавая 100-тысячным тиражом книга немедленно была размножена многочисленными частными типографиями. Хлынул бесконечный поток всевозможных переизданий, начиная от примитивных ксерокопий и кончая полиграфическими шедеврами, стоявшими, по словам одного из читателей, столько же, сколько во времена пресловутой декады 1970—1980 гг. стоил «Фиат-126». Общий суммарный тираж в Польше превысил миллион экземпляров, что для Польши было абсолютным рекордом.

Ошарашенные книжоторговцы не верили сами себе. «Кто бы подумал, что на коммунистах можно заработать!» — признался один из них Я. Ролицкому.

Тогда упомянутую публикацию мы провидчески озаглавили «Это еще не последнее мое слово». И вот перед нами следующее «слово» Эдварда Герек.

Успех «Прерванной декады» и бесчисленные письма читателей с трех континентов побудили ее авторов продолжить начатое дело. Только что вышла вторая книга. Называется она «Эдвард Герек. Реплика». И подзаголовок — «Правда до конца».

В новой книге Э. Герек более углубленно поднимает те проблемы, которых коснулся в «Декаде», и обращается к новым, затронутым в письмах читателей и откликах на книгу.

«Реплика» состоит из двух частей: часть I — «Польша и мир», часть II — «Внутренняя политика», заключительной главы «Раздумья о политике» и подборки читательских писем.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют откровенные высказывания Э. Герек о взаимоотношениях с Советским Союзом и его руководителями в главе «Большой брат», отрывки из которой мы и выносим на суд читателей «Совершенно секретно».

туации, в которых мне бывало не по себе, а иногда просто противно. Помню, однажды — я тогда еще не был Первым секретарем партии — в 1968 году в составе польской делегации я участвовал вместе с Гомулкой, Цирпанкевичем и Клишко в совещании братских партий в Брно, в Чехословакии. После переговоров состоялась дружеская встреча членов советской, чехословацкой и нашей делегаций. Обычно на таких встречах было очень много советского коньяка. Брежнев был грубовато-веселым, но и явно раздраженным осложнениями в связи с «пражской весной». Он начал рассказывать прямо-таки омерзительный анекдот: «Однажды медведь пригласил в гости зайца. Вкусно угощал гостя, всечески его развлекал, и тот чувствовал себя как дома. А уж когда заяц выпил, решил, что он совсем медведю ровня. Домой заяц притащился под утро. Зайчиха, видя, что он едва держится на ногах, сразу его уложила, укутала и стала расспрашивать в подробности, как там было у медведя. Когда заяц рассказывал и то ел, и что пил, зайчиха спрашивает: «А почему ты так устал?» — «Потому что медведь велел нам всем много пить». — «А почему ты такой грязный?» И чем это от тебя так несет?» — «А это когда медведь после ужина обменялся, взял меня за уши и подтерся моим мехом». Брежнев был очень доволен своим рассказом. Советская делегация была в восторге.

— Вы тоже?

— Мы поспешили поскорее закончить

этот «дружеский» ужин, отговорившись необходимостью подготовиться к завтрашнему дню переговоров, так как все члены нашей делегации были возмущены недостатком Брежнева. Я после этого совещания был очень обижен на русских. И решился я рассказать вам этот весьма своеобразный анекдот после долгих колебаний, но все-таки решился, потому что это очень точная картина наших взаимоотношений во времена Брежнева. Вы уж поверьте мне, что проведение истинно польской политики зачастую требовало и крепких нервов, и большой отваги...

— Уж вы то, конечно, не питали иллюзий в отношении Брежнева и его коллег. Секретарь КПЧ Млынарж в своей книге «Мороз с востока» писал, что Кадар в одной из последних бесед предостерегал Дубчека, характеризую членов советского Политбюро последними словами:

— Да уж, такого рода встречи избавляют от иллюзий.

— Тем более что в роли зайца Леонид Ильич мог с таким же успехом представлять себе и польское Политбюро.

— В том-то и состоит ответственность политика, чтобы не оказаться в подобной роли, как это случилось в 1968 году с командой Дубчека.

— Можно ли говорить о какой-то эволюции в отношениях Брежнева и Герек?

— В предыдущей книге я уже говорил, что прогрессирующая болезнь очень изменила Брежнева. Когда мы только познакомились и даже позже, в начале 70-х, он был энергичным полити-

ком, производил на меня впечатление умного руководителя, неплохо управляющего своей мощной страной. А вот в конце 70-х это был уже больной, усталый человек, порой похожий на собственную тень.

— Но даже и тогда он по-прежнему руководил политической своей страной?

— Не думаю. Скорее всего, за ним стояла какая-то группа людей, в основном из состава Политбюро, но не только. Вот они-то и руководили советской политикой. Брежнев был только вывеской.

— Значит, Брежнев уже тогда был только марионеткой?

Некоторые ситуации, когда я их сейчас вспоминаю, пожалуй, позволяют так думать. Я уже рассказывал вам о двух эпизодах, которые это подтверждают. Один случай произошел в Белграде, когда я был прямо-таки шокирован совершенно пассивной реакцией Брежнева на мою информацию о желании прези-

дента Пакистана Зия-уль-Хака провести с ним переговоры о войне в Афганистане. Брежнев вел себя так, как будто его здесь не было. Что еще удивительнее, Громыко, отвечая за него категорически «нет» (в котором звучало и явное осуждение моего вмешательства не в свое дело), совершенно не считался с Генеральным секретарем. В нормальных условиях это было бы совершенно невозможным. Раньше в подобной ситуации все обращались к Генеральному секретарю и ожидали его ответа. Высказываться в его присутствии можно было только с его разрешения. Чаще всего это выглядело так: Брежнев обращался, например, к Громыко с вопросом: «А что ты об этом думаешь?» И Громыко, глядя ему прямо в глаза, пытался прочесть его волю. На этот же раз, как я уже говорил, никто даже не обращал внимания на Брежнева. Это было странно и дико. Я беру на себя смелость утверждать, что некая группа в руководстве советской коммунистической партии в своих корыстных интересах продолжала удерживать больного Брежнева на вершине партийной и государственной пирамиды. Думаю, что его болезнь была вызвана нарушениями функций внутреннего уха. И подумать только, один и тот же человек еще в шестидесятые годы обожал водить лихо машину, а спустя несколько лет с трудом сохранял равновесие!

— Мне рассказывали, что во время какого-то совещания — вы в нем тоже участвовали — Брежнев был занят только тем, что писал одну и ту же фразу: «Подгорный мешает». Уж чем он там мешал, я не знаю, только скоро его сняли с поста Председателя Верховного Совета СССР и вывели из Политбюро.

— Чему мы были очень рады, так как Подгорный был из тех членов советского руководства, кто крайне недоброжелательно относился к Польше.

— А много ли было в советском руководстве людей, доброжелательно относившихся к Польше?

— Очень доброжелательным по отношению к нам и деловым человеком был Косыгин. Он был самым компетентным в тогдашнем руководстве и — важная деталь — никогда не отвечал сразу «нет» на выдвинутое предложение.

— Я вас уже расспрашивал об отношениях с Брежневым, а вот, интересно, вы встречались с ним в неофициальной обстановке? Я знаю, вы были в гостях у канцлера Шмидта в его частном доме и ели то, что его жена сама приготовила. Может, такой же чести вы удостоились и в доме Брежнева?

— Дома у Брежнева я никогда не был. А вообще, если говорить откровенно, у них не было дома в нашем понимании. Дома, квартиры, дачи они получали, выражаясь их языком, «по заслугам». А в действительности эти и другие блага зависели от занимаемой должности. Каждый партийный и одновременно государственный функционер, он же слуга все той же партии, имел определенные привилегии. Попав в немилость партии, он лишался всего, а в сталинские го-

ды — нередко и жизни. Во времена пресмычков Сталина прощавшийся деятель «только» выселялся из квартиры и, в зависимости от своего нового положения, попадал в те или иные условия. Должен признаться, мы не раз сравнивали нашу жизнь с их, и среди нас не было желающих поменяться с ними. Если у нас были люди, которые зубами держались за власть ради самой власти, то у них это было жизненной необходимостью. С точки зрения же власти имущих, это было идеальное решение. В их системе человек был действительно только винтиком в огромном, мощнейшем и всеобъемлющем механизме.

— А была ли у Эдварда Герека, как элемента этой универсальной системы, своя дача или определенное место, где он останавливался, приезжал в Москву?

— Нет, я ведь приезжал не как постоялец. Правда, все Центральные Комитеты братских партий имели свои дачи на Ленинских горах. Это были бывшие купеческие особняки, в которых, находясь в Москве, мы могли отдохнуть, в основном, конечно, ночью, в более или менее сносных условиях.

— И эти особняки были собственностью разных партий?

— Нет, они были собственностью хозяев, а нам и другим их просто-напросто сдавали.

— А бывая там, вы не опасались за свою жизнь?

— Дорогой пан Януш, у вас все время на уме какие-то сталинские ужасы. В 60-е и 70-е годы мы были партнерами, а не марионетками. Шестидесятые и последующие, же мои годы, были временем становления независимости для нашей партии и государства. Мы становились все более самостоятельными. Эпоха сосуществования предполагала, что мы являемся содружеством суверенных государств. И вообще следует заметить, что поведение русских зависело от того, насколько отдельные страны позволяли сесть себе на шею. Мы, поляки, всегда были более твердыми, и с самого начала — даже уже во времена Берута — наша партия стремилась к большей независимости, чем другие. Совсем по-другому русские вели себя в тех странах, где перед ними прямо-таки расстилались. Если Живков, например, просил присоединить Болгарию к Советскому Союзу в качестве еще одной республики, то, понятно, это имело однозначные последствия для суверенитета Болгарии. Также и поведение чехов, добровольно, безо всякого принуждения, только чтобы подлизаться к «Большому брату», вывешивающих везде лозунги «С Советским Союзом на вечные времена», не могло остаться без реакции и влияло на отношение советских товарищей к ним.

Мы же за свою неуступчивость, например, получали из СССР гораздо меньше нефти, чем Чехословакия, ГДР или Болгария, хотя население у нас в 2—4 раза больше. В этих условиях нам ничего не оставалось делать, как надеяться на помощь Запада.

— Что интересно, охотнее Запад давал нам тогда, когда из этих долларов партия плела веревку, чтобы повесить капиталистов...

— Сейчас мы слабы, а слабых презирают. А кроме того, к «Солидарности» все чаще относятся как к мавру, который уже сделал свое дело.

— А скажите, сколько постов в государстве было номенклатурой Политического Комитета государств — членом Варшавского Договора?

— Ни одного. Мы были полностью независимы в выборе товарищей на руководящие посты.

— Не верю!

— Не в вере тут дело. Просто-напросто наше Политбюро не обязано было ни с кем согласовывать подбор кандидатов на правительственные или партийные должности.

— А откуда же такие упорные слухи на эту тему в Варшаве?

— Видите ли, в Варшаве вообще гораздо охотнее сплетничают, чем работают. Наверно, варшавяне слишком хорошо помнят старые времена, когда Иосиф Виссарионович диктовал Беруту состав Политбюро. Ну и, кроме того, советские советники, в основном в армии и службе безопасности, дилетанты следили, чтобы командные посты занимали соответствующие люди. Но все это прекратилось в октябре 1956 года. Гомулка подписал тогда с русскими войсину

переломное соглашение, что сделало Политбюро и Первого секретаря действительно независимыми.

— А когда генерал Ярузельский сменил на посту министра обороны маршала Спыхальского, ходили слухи, что русские были очень довольны такой сменой. Они якобы очень ценили высокие командирские и профессиональные качества нового министра.

— Если вы начнете меня сейчас убеждать, что это генерал Ярузельский выиграл войну, а не Эйзенхауэр и Жуков, то я вам, пожалуй, не поверю.

— Но он, как и Брежнев, ковал победу. Ну, знаете, последний был на войне все-таки в чине генерала и активно участвовал в одной из крупных фронтовых операций, а о военных заслугах нашего президента я еще ничего не читал. Правда, кто знает, поскольку я пока не собираюсь умирать, мы можем увидеть и услышать еще много нового.

— Действовала ли в Польше советская разведка?

— Одной из центральных фигур в посольстве был резидент советской разведки. Как вы догадываетесь, официально с ним не встречался, не было повода.

— А как русские контролировали Польшу? Один из каналов был официальным, но при их подозрительности они должны были использовать и другие методы контроля, тем более что по сравнению с западными государствами в Польше они действовали прямо-таки в комфортных условиях.

— Это не совсем так, ведь они не могли афишировать подобную деятельность. До октября 1956 года они действовали открыто и контролировали нас официально, но после им пришлось быть осторожнее. Я думаю, что своих помощников они выискивали среди наших студентов и курсантов, обучающихся в СССР, людей, часто бывавших там в командировках. Как их вербовали и оплачивали, я не знаю. Их деятельность никогда не переходила границ дозволенного, и мне ни разу не пришлось обращаться по этому вопросу к Брежневу. Мы же со своей стороны, зная о подобной практике, пытались соответствующим образом инструктировать людей, выезжающих в СССР, чтобы предотвратить возможность попытки их вербовки.

А свое участие во всякого рода партийных курсах, идеологических семинарах и т.п. мы по возможности ограничивали. Из 100 процентов мест, предназначенных для учебы кадров из социалистических стран, Польша использовала 5—10 процентов.

— Ну а влияли ли советские рекомендации на продвижение и назначения, я имею в виду прежде всего партийные?

— Что касается меня, то, скорее, наоборот. Слишком явная похвала советских товарищей в чей-либо адрес приводила к тому, что я старался по возможности пресечь, а не поддерживать данную карьеру.

— Расскажите, как выглядел кабинет Брежнева? Он был монументальным или скорее скромным?

— Я вас разочарую, но он был совсем небольшой: 10—15 метров длиной, 4—5 шириной, с двух сторон двери, переносим — две приемы. В общем, ничего особенного. Были там еще бюст и портрет Ленина.

— А как вы думаете, почему этот кабинет не был монументальным? В недавнем прошлом у нас многосерийном фильме о Муссолини показали кабинет дуче: огромный, как гимнастический зал, а в конце громадный письменный стол. Похожий кабинет и у Гитлера. Человек, войдя в такой кабинет и направляясь к столу хозяина, имел время осознать всю свою ничтожность.

— Почему кабинет Генерального секретаря в Кремле был скромным, я не знаю. Здесь возможны две причины. Первая — это тщательно сохраняемый в Кремле кабинет Ленина, скромный и очень удобный. При таком соседстве с кабинетом основателя государства не красиво было бы, так скажем, слишком «высовываться».

— А вторая причина?

— Хозяин этого кабинета управлял одной шестой частью Земли, и власть его была так огромна, что всякое ее подчеркивание было излишним.

Публикация и перевод с польского
Веры и Нины СЕЛИВАНОВЫХ

ЭКСПРЕСС-ДЕТЕКТИВ

ОДНА НОЧЬ
БЕЗ ВЕДЬМ

Мари Гэрретт

Старенькая мисс Топпи низко-низко склонилась над грядкой. Со стороны могло показаться, будто она сложилась вдвое. Ее маленькая садовая лопатка шустро ходила туда-сюда, окучивая нежные ростки экзотических трав. Копать приходилось почти виртуозно, чтобы, приблизившись вплотную к корням, не задеть их — не приведи Господи. И надо сказать, такое было вполне под силу мисс Топпи. Возможно, что во всей Англии не нашлось бы садовника искуснее, щепетильнее и эрудированнее. А уж про город и говорить нечего. Ее цветы и травы служили предметом зависти всех соседей, ни за что на свете не согласных это признать.

Подосел Бритомар и, мурлыча, потерял о ноги хозяйки. Старая леди ласково, но решительно отстранила огромного черного кога рукавицей, выпяченной в земле.

— Ах, здравствуйте, мисс Топпи! — донесся из-за низенького белого частокола высокий, игривый женский голос. Его обладательница была молода, стройна и одета по последней моде. Миссис Лаурел совсем недавно, после развода с мужем, стала соседкой мисс Топпи. Похоже, что эта шикарная особа совершенно не умела — или была не приучена — скрывать свои истинные чувства к кому бы то ни было.

— О, — продолжала миссис Лаурел, — видно, нелегко они даются, эти майские сюрпризы, о которых столько разговоров в городе! Вы ведь именно этим сейчас озабочены, не так ли, мисс?..

Вот и сейчас сквозил язвительно-дружелюбный тон соседки прибавлялся решительная и грубая неприязнь.

— Да, миссис Лаурел, — с ледяной вежливостью ответила мисс Топпи, на мгновение выпрямляясь.

Миссис Лаурел снисходительно улыбнулась и быстрым легким шагом пошла «своей дорогой», а мисс Топпи вновь углубилась в садовые труды. Она едва заметила, что ее прервали. У нее были заботы поважнее, чем обращать внимание на соседки с их неуместными замечаниями. Вдобавок за долгие годы мисс Топпи успела привыкнуть к снисходительным насмешкам окружающих.

Свой замысел мисс Топпи всегда приводила в исполнение в ночь Святой Вальпургии — единственная дата, имевшая для нее какое-то значение. Старушка даже обводила это число в своем календаре: первое мая. Точнее, ночь на первое мая.

Мало кто знает, чем прославилась эта древняя святая. Вальпургия была английской католической аббатисой раннего средневековья, снискавшая большое уважение своей пастырь чрезвычайно плодотворной борьбой с ведьмами. Хорошо известно, что в эту ночь все ведьмы Европы предпочитают находиться подальше от старушки-Англичанки. Именно из-за этого векового страха, а не по какой-либо другой причине (что бы там ни говорили!) в эту ночь они сбиваются в кучу на захудалой горе Брокен в немецких Альпах и празднуют там свой шабаш, пытаясь видимость веселья заглушить свой страх перед святой Вальпургией.

Так вот, в канун Вальпургиевой ночи, когда все ведьмы убирались прочь из нашего городка, и вообще из Британии, мисс Топпи составляла десять престеленных миниатюрных корзинок. Ночью она тайком подвешивала их на дверные ручки десяти домов в городке. Каждый год эта десятка избранных полностью обновлялась, хотя, конечно, не исключено, что мисс Топпи и пришлось когда-нибудь раз-другой повториться: что поделаешь, городок наш не так уж велик. Но самый главный подарок — самая большая неожиданность, главный смысл всей затеи — содержала лишь одна корзинка из десяти. Какая именно — знала одна лишь мисс Топпи. Для всех прочих корзинки были совершенно одинаковыми...

Первое мая — праздник начала весны. В этот день все дарят друг другу подобные вещи. Но корзинки мисс Топпи нельзя было спутать ни с какими другими. В городе нет другого сада, в котором могли быть такие цветы и такие травы.

Для всех живших по соседству с мисс Топпи стало чем-то вроде ежегодной весенней игры пытаться угадать, кого из них чудаковатая старушка на этот раз ослепит своим вниманием. Еще одним бессловесным доказательством ее чудаковатости служила втихивая по форме и туманная по содержанию записка, неизменно лежащая поверх растений.

Солнце, как всегда в это время года, ласково светило в согбенную спину мисс Топпи. Старушка деловито и любовно составляла содержимое очередной поздравительной корзинки. Благоговейно, словно старинный пасьянс, раскладывала она чудесно пахнущие цветы, смакуя про себя изысканный аромат их латинских названий: «Латисус одоратус», «Лобулария маритима», «Конваллария майалис»... Куда лучше прозаические бытовых названий этих цветов: сладкий горох, сладкий бурачок, полевая лилия...

Рис. Валерия БОЧКОВА

Наконец корзинки наполнены. Мисс Топпи перенесла их в прохладную тень клена. Теперь оставалось решить самое главное: какую траву выбрать для последней, десятой корзинки. Можно было взять корневой побег подогила — но нет, пожалуй, это было бы не слишком эффективно. Можно было попробовать дельфиниум, но вот беда: он чересчур сушит, а значит, способен вызвать ненужное излишнее беспокойство...

Из любви к возвышенным символам старушка чуть было не поддалась искушению добавить к праздничному пучку немножко белладонны и аналогичного ей по действию аконита — но вовремя опомнилась. Лучшим выбором, вне сомнения, будет наперстянка — «Дигиталис пурпура»! Жаль, правда, что в ее саду имелся только ее американский сорт «Фитолацца американа», принятое на родине название — лаконос — мисс Топпи не терпела. Но все же нельзя было не отдать справедливости этому лаконосу: его темно-пурпурные ягоды были способны как нельзя лучше исполнить главное предназначение подарка. Вот пусть они и ложатся в заветную, десятую корзинку, рядом с записочкой из великого Киплинга:

**Предки владели секретами трав,
Боль и раненье любое целивших.**

К этой цитате мисс Топпи приписала, как бы от себя: «Пурпурные ягоды, поданные в любом виде, сделают даже уальня страстным любовником, а чересчур драгоценно — утолят».

Мисс Топпи было немного жаль прибегать к такой явной лжи, но что поделаешь, она была настоящей артисткой во всем том немногом, за что бралась, и должна была завершить дело с таким же блеском, с каким оно было начато.

В тот вечер мисс Топпи вышла погулять, сопровождаемая неотлучным Бритомаром. Луна светила ярко, и в теплом влажном воздухе явственно веяло долгожданной весной. Мисс Топпи глубоко вздохнула и воодушевленно продекламировала сама себе вслух строчку из «Венецианского купца»:

**В такую ночь
Медея, верно, собирала травы
Волшебные, чтоб молодость вернуть
Эзону старому!**

Девять корзинок уже мирно висели на своих местах. Вот и десятая — на ручку двери миссис Лаурел...

Двумя днями позже портной Эдвард Джонстон внезапно умер мучительной и странной смертью. Установили, что он пал жертвой какой-то отравы, оказавшейся в одном из деликатесов, приготовленных руками очаровательной миссис Лаурел. Особую шекспировскую приправу придавало обстоятельство, что смерть портного приключилась не дома, среди его многочисленной семьи (что было бы более естественно), а как раз в доме упомянутой молодой соседки мисс Топпи.

Только наша старая дама, одна во всем городе, не удивлялась странной кончине портного — ибо она уже давно знала о его тайных визитах в дом по соседству. Одна лишь мисс Топпи могла с уверенностью догадываться о том, какая именно из десяти библейских заповедей подверглась при этом поруганию.

На следующее утро, после того как ужасная весть облетела город, мисс Топпи как всегда мирно трудилась у себя в саду. И вдруг произошло невероятное: к ней явился посетитель. И не кто-нибудь, а местный шериф. Он подошел к ней, осторожно ступая по выложенной камешками тропинке.

— Доброе утро, мисс Топпи! — почти прокричал он через несколько рядов цветочных кустов и травяных градов, боясь ступить дальше хотя бы на один лишний шаг.

Старушка оторвала глаза от работы.

— А, вот вы и пришли, шериф! — приветливо ответила она. — Рада вас видеть. Кажется, вам нужно поговорить со мной?

— Да, пожалуй, мисс... — тон шерифа был неуверенный, неопределенный. Видно было, что миссия, с которой он явился, не слишком удобна для него. В самом деле, кому может прийти в голову такое — подозревать в чем-то этот Божий одуванчик! Да она, верно, и мухи на своем веку не обидела...

Однако шериф прослужил в этом городе всю свою

¹ Шекспир В. Венецианский купец. Перевод Т. Шепкиной-Куперник. — Прим. пер.

сознательную жизнь и был известен как человек, преданный делу. Уж если эта дурацкая, почти сумасшедшая догадка испугала его сегодня поутру (ему вдруг почудилось, что все до единой таинственные смерти от неожиданных перемойских отравлений, о которых он когда-либо слышал, настигли тех, кто получал подарки от старушки Топпи), следовало проверить всё шаг за шагом, не смущаясь никакими приличиями и почтением к старости.

— Пожалуйте в дом, мистер Браунли, — любезно пригласила мисс Топпи. — Сад, мне кажется, не место для серьезной беседы. Ведь наша беседа будет серьезной, не так ли?

Гостиния в доме мисс Топпи была, оказывается, весьма скудно обставлена и плохо освещена, вдобавок здесь веяло сыростью. Шериф зябко поежился, но не только от холода, а еще и от неожиданной мысли, что он, возможно, единственный посторонний за уймун, удостоившийся чести быть допущенным сюда. Посреди гостиной стоял чайный столик с двумя повернутыми лицом друг к другу креслами. Здесь они и сели, хозяйка и мистер Браунли. Бритомар тут же не преминул вспрыгнуть на колени своей госпоже. Воцарилось неловкое молчание. Впрочем, неловким оно было лишь с одной стороны. Мисс Топпи разглядывала гостя с нескрываемым торжеством.

— Я ждала вас много лет, — сказала она.

— Неужели? — воскликнул шериф, изумленно откидываясь назад.

— Клянусь вам в этом, шериф. Я ведь знала, что вы, в отличие от многих, человек разумный и рано или поздно дойдете до истины.

Шериф выпучил глаза.

— Вы хотите сказать, мисс, что... м-м-м... делали это и раньше?..

Мисс Топпи кивнула.

— Вы знали, что будете изболжены, и все равно не прекращали... делать это?..

— Конечно, шериф. Вы ведь не согласитесь вот так вдруг ни с того ни с сего бросить свою работу, дело всей вашей жизни, только потому, что оно кому-нибудь не нравится... Разве я не права?

Старая леди удовлетворенно помолчала, зная, что заданный ею вопрос риторический и в ответе не нуждается.

— Нет, конечно! — ответила она сама себе, выдержав паузу. — Вот и я тоже. Нам с вами легко понять друг друга. Ведь мы оба заняты, по сути дела, одним и тем же. Мир нуждается в наших усилиях, и с нашей стороны, как и с моей, было бы в равной степени бесчестно отойти от дел.

Шериф уже успел прийти в себя после неожиданного начала — даже более того: он стал, кажется, кое-что понимать. Спокойно и вежливо он задал следующий вопрос:

— Нельзя ли поинтересоваться, мисс, в чем же вы видите ее, эту нашу, как вы выразились, общую миссию?

— Понятное дело в чем, шериф. Мы с вами сообщаем, хотя и независимо, избавляем наш город от преступников! — заявила она таким тоном, словно объясняла маленькому ребенку что-то новое для него, но само собой разумеющееся для всех мало-мальски зрелых людей. — Не мне вам рассказывать, сколь много их здесь. У вас одних на всех рук не хватает, да и не может хватить. Вот я и решила вам помочь. Правда, увя, и мои силы небеспрельдны. Ежегодно я могу выбрать лишь одного, достойного наказания...

Шериф словно язык проглотил.

Мисс Топпи прогнала кота с колен и поднялась на ноги.

— Простите, шериф, я должна была бы сразу предложить вам чаю.

Через несколько минут она вернулась из кухни с подносом, уставленным принадлежностями чаепития. К ее приходу шериф вновь успокоился и продумал план дальнейшей беседы.

— А как, интересно, вы выбирали своих... э-э-э... кандидатов? — спросил он.

— О, очень просто. Я брала на заметку тех, кто наиболее рьяно нарушал какую-либо из Божьих заповедей. А потом располагала их по порядку.

— По какому порядку?

— По порядку, установленному самим Богом. По порядку заповедей. Первая, вторая, третья... В этом году я дошла до седьмой... — мисс Топпи потупила глаза и молитвенно сложила руки на коленях, стыдась, что упоминает о самом существовании подобного греха в присутствии мужчины.

— Не хотите ли вы сказать, — продолжал шериф, понемногу смелея, — что и тем шестерым вы помогли отправиться на тот свет?

— О да, разумеется! — с гордо поднятой головой ответствовала старушка. — Помнится, шесть лет назад я начала с человека, самым вопиющим образом попиравшего первую, главную заповедь. Да вы, наверное, уже догадались, шериф. Это был Джон Легер, президент банка. Он забыл единого Бога и сотворил себе кумир из денег и им лишь одним поклонялся...

Она вновь торжествующе помолчала, словно ожидая похвалы.

— В прошлом году, признаться, мне пришлось нелегко, — продолжала мисс Топпи. — Я говорю о шестой заповеди, шериф. Здесь надо отдать должное вам: убийц вы ловите исправно. По этой части мне трудно с вами соперничать...

Шериф Браунли вновь похолодел: она обсуждала с ним свои проблемы, словно профессионал с профессионалом.

— ... но в конце концов я все же преуспела! Видите ли, там ведь не указано, кого — или что — нельзя убивать. Просто «Не убий» — и все. А между тем все знали, что Эдвард Фарбенкс смертельно ненавидела кошек. Она их подманивала и кормила отравленным мясом...

— Черт, так вот оно что! — не сдержавшись, всплеснул руками шериф, на глазах которого с такой поразительной простотой открылась тайна смерти, не дававшая ему спокойно спать.

Вновь успокоившись, он спросил:

— А как же насчет вас самой, мисс Топпи? Я имею в виду все ту же, шестую заповедь. Не кажется ли вам, что и вы с нею не совсем в ладах?

— О нет, ничуть, — твердо ответила старушка, и глаза ее блеснули от удовольствия, которое ей нечасто выпадало: продемонстрировать свой ум перед другим неглупым человеком. — Нет, шериф. Поверьте, я очень хорошо это обдумала. Я никого не убивала. Я просто помещала невдалеке от них инструмент смерти. Я никого не подманивала к нему. Они брали его и пользовались им по доброй воле. Против этого нет заповедей!

«До чего же непростая эта старуха!» — подумал шериф. А вслух сказал:

— Но ведь вы точно знали, что ваши жертвы пу-
стят в ход этот инструмент, не правда ли?

— Это верно, что мои записки побуждали моих получателей употребить травы, вложенные в корзинку. Но так случалось лишь потому, что текст записки вызвал к самому худшему в душах этих людей. К тому смертному греху, который и подлежал наказанию...

— Ну что ж, — сказал шериф с мрачным восхищением, — следует отдать вам справедливость, мисс. Вы проделали большую и тщательную работу. Но, сожалею, это не значит, что я могу оставить все как есть. Надеюсь, мисс Топпи, вы избавите меня от дальнейших объяснений насчет...

— О, не беспокойтесь, уважаемый шериф, — любезно улыбаясь, прервала его хозяйка. — Само собой. У каждого своя работа.

Шериф с облегчением кивнул. Все выходило проще, чем он предполагал.

Потрудитесь приготовить, — впервые заговорил он, как подобает шерифу. — Соберите все, что вам будет необходимо. А я отлучусь на минутку-другую, а потом вернусь к вам, уже с ордером на арест.

— Вот и отлично, — сказала мисс Топпи, провожая его до калитки.

Возможно, он еще успеет дойти до своего кабинета. Но выписать ордер на ее арест — вот это уж лужа. За это она ручается. Яд болотных зонтичных цветов, которым она одобрела его чапку чая, действует чисто и безотказно. Не хуже шкуты — сократова питья...

Жаль, конечно, что эта смерть нарушала общую последовательность. Но что поделаешь, не ее в том вина. Кроме того, она не успела сказать шерифу, кто и за что будет наказан на будущий год. Речь шла о номере восемь. Правда, насколько ей известно, шериф ничего ни у кого не украл. Однако, если вспомнить их последний, только что закончившийся разговор, разве не собирался он частично нарушить по отношению к ней следующую, девятую заповедь: «Не доноси и не лжешь»?

КАЖДЫЙ
ИЗ ТЫСЯЧИ
НАШИХ КЛИЕНТОВ —
ЕДИНСТВЕННЫЙ

Деловым людям, туристам!

НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
АВИАЛИНИЯ

МОСКВА — БАЗЕЛЬ — МОСКВА

Полеты выполняются один раз в неделю по воскресеньям
на самолете ТУ-134

МОСКВА — БАЗЕЛЬ

СУ 273
10.05
12.45

о Москва п
п Базель о

БАЗЕЛЬ — МОСКВА

СУ 274
18.15
13.45

Время местное

Подробную информацию о новой трассе, связавшей один из крупнейших городов Швейцарии и столицу СССР, можно получить в любом представительстве Аэрофлота или в Центральном международном агентстве Аэрофлота: СССР, 125212, Москва, Ленинградское шоссе, 29.

Телефон: 156-80-19
Телекс: 411922
Телефакс: 1505677

Путешествуйте Аэрофлотом, если Вы хотите
увидеть мир!

В следующих номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Маньяк выходит на охоту

Русские масоны. Кто они?

Лжецаревич из Багдада

Главный редактор
Юлиан СЕМЕНОВ

Редколлегия:

Артем БОРОВИК,
зам. главного редактора
Александр БЕНЕНСОН,
зам. главного редактора
Евгения СТОЯНОВСКАЯ,
зам. главного редактора
Михаил ШЕСТОПАЛ,
зам. главного редактора,
главный художник
Владимир ДОБИН,
ответственный секретарь
Виктор БАНЛАКИ
(Венгрия)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Евгений ДОДОЛЕВ
Дмитрий ЛИХАНОВ
Роджер САЙМОН (США)
Елена СВЕТЛОВА
Вера ЧЕРНИКОВА
Милан ЧОЛИЧ
(Югославия)

Редакционный совет:

Майк АНДЕРЛЕ (Австрия)
Александр БЕЛЯЕВ
Карл Арне БЛОМ
(Швеция)
Алоиз БРЕНЧ
Ролан БЫКОВ
Аркадий ВАЙНЕР
Микола ВИНГРАНОВСКИЙ
Геннадий ЛИСИЧКИН
Анатолий ЛЫСЕНКО
Хуан МАДРИД (Испания)
Николай МИТРОФАНОВ
Вячеслав ПАНКИН
Мартин Круз СМИТ
(США)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Рафаэль Р. ЭРРЕДИА
(Мексика)

Любовь ПЕШКУНОВА,
зам. ответственного
секретаря

Оформление номера:
Валерий БЕЛЯКОВ
и Владимир ПОМОЧИЛИН
Технический редактор
Татьяна КОИРАНСКАЯ
Корректор
Татьяна ПОЛЕНОВА

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Во всех случаях типографского брака обращаться в типографии, указанные в выходных данных.

При перепечатке ссылка на «Современно секретно» обязательна.

Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
«Детектив и политика»
(МАДПР)
1991

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4. ИАН
Московская штаб-квартира
МАДПР
Ежемесячник
«Современно секретно»
Тел.: 291-98-62; 202-20-11
Телекс 411323 Факс 2302170
Подписано к печати 29.04.91

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФИЕЙ «ВСП»
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВОСТ-СИБ
ОТДЕЛЕНИЯ «ЗОРГЕ» Г. ИРКУТСК

Тираж 100 000 экз.